

Игорь Сотников

МОЙ ДРУГ
ТИШИНА

16+

Игорь Сотников
Мой друг – Тишина

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Сотников И. А.

Мой друг – Тишина / И. А. Сотников — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Он появился в жизни Ростика очень странно, из ниоткуда. И всё, что о нём было известно, так это только имя — Тишина. Правда, и обстоятельства жизни, в которых оказался Ростик, были не из понятных. В чём он попытается разобраться вместе с Тишиной, ищущим таинственного праведника.

Глава 1

Много чего показывающая и скрывающая, а чего больше, так и осталось не выясненным.

В один из автомобильных салонов, в один из будних дней, когда не нужно в волнении толкаться среди разгорячённой желанием приобрести автомобиль, откуда непонятно взявшейся разбогатевшей массы покупателей, не спеша, твёрдым шагом зашёл ничем не примечательный посетитель. Ну, а так как он явился не в сопровождении надутой и пышнотелой блондинки, или же имеющих на его банковский счёт планов покупки, которые так всегда отчётливо написаны на лице человека, желающего с ним расстаться, то было трудно, вот так сходу, охарактеризовать его степень вовлечённости в процесс приобретения автомобиля.

Что, в общем-то, зашедшего в автосалон незнакомца совершенно не волновало. Правда, судя по его несколько усталому и какому-то отстранённому взгляду, с которым он, не задержавшись на блестящих поверхностях представленных автомобилей, целенаправленно посмотрел в сторону занимающих за своими столами места менеджеров, он, скорее всего, оказался здесь не впервые. О чём также говорила и его полная подготовленность к посещению этого места по продажам скоростной мечты, которая всегда индивидуальна – его взгляд выражал полную отрешённость, а руки не были пусты. И видимо поэтому, незнакомец пока лишь только остановился в дверях, где он, имея своё индивидуальное видение на счёт всего этого, запасливо нагрузил себя рюкзаком, а свои руки большим саквояжем и футляром для непонятно чего.

Незнакомец, чья неприметность обеспечивается надвинутой на глаза бейсболкой, а неприметность в свою очередь его мощными ботинками со стальными вставками на подошве, ещё раз приметливо осматривает суесящихся вокруг своих стаканчиков с кофе работников менеджера труда и, придя к некоему решению, выплюнув на чистый пол сгусток своей горечи, размеренным шагом направляется в центр зала. Куда, в общем-то, не слишком далеко и сложно пройти, и незнакомец обогнув пару люксовых моделей машин, не вызвав большой заинтересованности у этого, такого занятого собой рабочего персонала автосалона, довольно быстро оказался в центре автосалона.

Ну, а скажите, разве можно беспокоить очень занятых людей, чья занятость, не просто занятость, а как бы сказать, чтобы было более понятно, в общем, демонстрация ими занятости тоже часть их работы, которая только на первый взгляд кажется, так простой болтовнёй. Нет уж, так может думать только поверхностный человек, не вникающий в суть вещей, и скорее всего, находящийся в статусе покупателя, на другой стороне торгового стола. Ну, а так как я тоже нахожусь по другую сторону стола, а моя информация подкреплена только лишь наслышанностью, то я, пожалуй, ради объективности, не срывая покровы с них, оставлю всё как есть.

В общем, повторюсь. Так благодаря своей не слишком большой яркости одежды и поведению, а также сопутствующей его лёгкому ходу – чрезмерной занятости собою персонала автосалона, – неприметный незнакомец без особого труда, не встретив на пути красивое препятствие – представительное лицо салона (она тоже любит кофе и пьёт вместе со всеми), таким образом, добрался до центра зала. И только после того как незнакомец достиг центра зала, он, не удивлённый такому вниманию к себе персонала, со всего маху опускает на пол свой массивный и непонятно чем тяжёлым наполненный саквояж, ну и чтобы пока не мешался – футляр. Что само собой вызывает очень шумные звуковые волны под названием грохот, который и заставляет всех занятых и просто сотрудников салона, наконец-то, обратить на него внимание и даже про себя задаться вопросом:

– А что здесь собственно происходит?

Но незнакомец, видимо посчитал, что своей громкой постановкой на пол саквояжа, он уже достаточно много сказал, и, не обращая на них внимание, опустившись на одно колено, принялся, манипулируя своими руками, производить какие-то незаметные действия в сакво-

яже. Что естественно, уже не может не вызвать всеобщего любопытствующего внимания среди работников салона, которым как-то даже не с руки пить кофе, когда кто-то так демонстративно находится к ним спиной. Отчего менеджеры оставляют свои стаканчики на стол и испытующе смотрят на самое исполнительное местное лицо – перспективного Антона (так его назвал приближённый ко второму директорскому этажу, этот как его там, ну, в общем, приближённый). Который, чувствуя возложенную этими взглядами на него ответственность, не может не отреагировать и не призвать этого не культурного типа к порядку.

– Гражданин. Вы нам не объясните, что вы собственно тут делаете? – не вставая с места, обратился к незнакомцу менеджер по продажам перспективный Антон. Но незнакомец никак не реагирует на слова перспективного Антона, что, конечно, не повышает его местный рейтинг, и Антон потрясённый таким неуважением к себе, ища поддержки у рядом с ним сидящих коллег, только пожимает плечами и спрашивает:

– Да кто это такой?

Но его коллеги разве нанялись сюда, чтобы всех кого ни лень помнить и запоминать, и конечно, только могут ответить каким-нибудь своим предположением.

– А может это... – заявляет философ Андрейка из кредитного отдела, которому, дай только повод, он сначала всем голову заморочит, а как только вы придёте в себя, то уже поздно, раз кредитный договор уже подписан.

– Давай, не придумывай. – Резко обрывает его Антон, после мучительных размышлений решивший позвонить наверх и выяснить о своём возможном памятливом упущении. Но там, с той высотной стороны трубки, тоже ничего слыхом не слыхивали, да и не хрен всё валить с больной головы на, ой, бл*дь, как голова трещит после вчерашнего.

– А ты, сука, зря что ли больше всех получаешь! Давай, разбирайся сам. – Отрывает в трубку перспективного Антона его благодетель и директор салона Антанель, которого с утра, после весело проведённых выходных тревожить, уволить с работы подобно.

Перспективному Антону, через свою лицевую краску вспыхавшему от этих начальственных слов, ничего другого не остаётся делать, как проявить свою инициативность и твёрдость.

– Гражданин. Я ещё, и возможно последний раз спрашиваю, вы кто? – поднявшись на ноги, повышенным тоном заявил Антон. Но на этот раз его заявление не проходит мимо ушей этого странного незнакомца, который как оказывается, всё, что нужно сделал и, прихватив с пола футляр, поднялся на ноги. После чего он, не утруждая себя словесным ответом, подходит к рядом стоящему белоснежному джипового вида автомобилю и, положив на его капот футляр, начинает возиться с ним.

– Да что ж такое. – Из горла Антона вырывается его возмущение таким демонстративно оскорбительным поведением этого странного типа. Но незнакомец на этот раз долго не задерживается в своём футлярном отвлечении, и как только прозвучал стальной щелчок, который теперь уже услышали все наблюдающие за ним менеджеры, то он сразу же разворачивается к ним и даёт им возможность очень близко увидеть то, что он до этого прятал от них в футляре.

– Ну что. Вопросы ещё есть? – задавший этот риторический вопрос незнакомец, совершенно не удивлён тому, что после того как он навёл свой автомат на эту, только от одного взгляда на ствол автомата побледневшую публику, то она тут же лишилась дара своей речи.

Ну а далее, как часто это показывают в различных гангстерских фильмах, наверное, следовало бы ожидать, что вооружённый автоматом тип, пальнув в потолок очередь, как заорёт типа: «Падлы, это ограбление!». После чего все падут вниз, а он беззастенчиво начнёт их грабить. При этом, если этот тип обладает мерзким характером, а им он безоговорочно обязан обладать, раз записался в злодеи, то он обязательно не пройдёт мимо самых симпатичных девиц и, пустив плотоядную слюну, не преминет бросить им в лицо или же в задницу, какую-

нибудь липкую скабрезность. Ну, а если этот злодей и вовсе конченный тип, которому ничего не стоит распустить руки, то он уж точно не будет их держать при себе и точно распустит.

– У, спелый персик. – Придаст ускорение и в правду очень спелому персику Анжеле, этот такой приметливый длиннорукий злодей.

Что, конечно же, не понравится местному, сильно влюблённому во всех этих красивых девиц разом, юному на посылках стажёру Жене, а не местному мачо, какому-нибудь Макс. И стажёр Женя поднимется на ноги, и не боясь направленного на него автомата, прямо в лицо заявит этому типу, что его мерзкий поступок, достоин только таких как он, мерзких типов.

– Так что, она разве не спелый персик? – вдруг выразит сомнение злодей, повергнув в краску стажёра Женю, ещё не срывавшего с веток древа познания и жизни ни одного плода. Что же касается всех остальных присутствующих, то они, к большому сожалению Жени, мимо-лётно, чтобы не смущать носительницу упругих персиков Анжелу, бросят на них свой сладкий взгляд и будут вынуждены признать, что этот злодей по большому счёту прав. Да и, наверное, сама Анжела, хоть и растила их не для такой хваткости этого злодея, который определённо поразил и возмутил её своей хваткостью, тем не менее, в глубине своей души, была рада такому вниманию к её выдающимся формам.

– Я не то хотел сказать. – Стажёр пытается возразить, но кто его теперь станет слушать и злодей, как гаркнет на него, чтобы он сел.

– Не сяду. – В свою очередь проявит упорство Женя.

На что злодей, посмеиваясь в свою натянутую на его голову маску, примет во внимание это возражение героя и, решив, что тому, хоть и хватает глупости возражать ему, но, тем не менее, определённо недостаёт железа в организме. Для чего он, чтобы восполнить этот недостаток в организме стажёра, пустив ему пулю в ногу, резко усадит того обратно на место. (Видимо злодей не сильно прилежно учился в школе, раз путает железо со свинцом, из которого и отливают пули)

– Дурак. – Покачиванием своей головы, выразит всеобщее мужское мнение насчёт стажёра, умудрённый опытом больших продаж, ведущий специалист Горелый.

– Какой он, в сущности дурачок. – Пожалеет, крепящегося и пускающего слёзы Женю женская половина.

– Кто тут главный?! – попинав для приличия особо одарённых жирными телесами мужчин, ожидаемо заорёт этот лихой злодей. На что, спустя волнующую минуту, поднимет руку, явно заблуждающийся на счёт себя, самый одарённый из ниц лежащих мужчин.

– Вот как. – Усмехнётся в ответ злодей и, подойдя к ещё больше разволновавшемуся одарённому мужчине, наклонившись к нему, внимательно уставится на него.

– А я глупец, лстыл себя надеждой, что это я. – Вновь выпрямившись, произнесёт это злодей, как оказывается весьма ехидный тип. Чей ответ определённо вносит некую интригу в дальнейший ход развития ситуации. Которая теперь во многом будет зависеть от того, как себя поведёт этот одарённый сотрудник и стерпит ли он, что кто-то без визы начальства, осмелился претендовать на его место, и захочет ли он оспорить своё право, по-прежнему называться главным.

– Не смог, хотя, что-то всё же смог. – Резюмировали дохлые сотрудники салона, после того как мерзкий злодей передёрнул затвор автомата, а одарённый эксглавный, через свою течь должно среагировал на это.

– Ключи от сейфа! – злодей наконец-то озвучивает истинную цель своего прихода.

– Вот. – Протягивает ему ключи такой жалкий эксглавный. После чего злодей, через ещё одну очередь добивается внимания к себе и, озвучив своё пожелание, всем следовать в один из кабинетов, загоняет всех туда.

– Смотрите падлы. Сидите тихо и не шутите со мной. – Злодей напоследок одаривает всех своей, на всю жизнь запомнить улыбкой и, закрыв дверь, отправляется дальше грабить. Ну, а дальше, само собой все идёт по накатанной.

Но такое стереотипное поведение грабителя и жертв ограбления, в основном встречается в кино, да ещё иногда в реальности, среди подражателей и скудных на фантазию фанатов кино. Когда как на это раз, незнакомец, в котором с первого взгляда на его автомат виделся злодей, действовал несколько иначе, и не потому, что хотел поступить вопреки, так доставшего всех стереотипному мнению, а потому, что он так мог поступить и хотел, как это он думал. Ведь многое, если не всё, зависит от вашего видения (и не только в кино) сложившейся ситуации, где от вашего режиссерского таланта и предсказуемости, будет зависеть, как всё сложится у режиссёра и других исполнительных лиц. Хотя многое из произошедшего, в чём-то и совпадёт с просмотренным нами в кино.

– Неужели, вас это удивляет. – Усмехается незнакомец, чьё лицо для напряжённых лиц менеджерского состава начинает формироваться в знакомое для них лицо.

– Да, Антон? – отраженный потолком здания крик незнакомца и последовавший одиночный выстрел в потолок, роняет штукатурку с потолка на головы и спины, как по команде подкосившей свои ноги и припавшей к полу, такой дружной команды работников салона. После чего наступает пауза осмысления случившегося, в течении которой, испуганные и перепачканные менеджеры, в первую очередь осознав, что их рефлексы даже очень хорошо работают, начинают, отряхивая себя от штукатурки, делать и другие такие необходимые в их положении выводы. А они между тем, стоило им только посмотреть на унылость и прибитость вида друг друга, были прямо-таки не утешительными. Впрочем, для незнакомца всё это было и так очевидно, когда как его главной целью сейчас было, его желание продемонстрировать серьёзность своих намерений.

– Что ж. Вижу, что вы, когда вас прижмёт, умеете слушать. – Подойдя к общему столу, за которым ещё недавно, попивая кофе, сидели все эти работники автосалона, незнакомец, поставив одну ногу на сидущку стула и облокотившись на неё локтем, таким способом, решил вести свой диалог. На что откашливающиеся и сбивающие со своих голов пыль, ещё не готовые разогнуть свои колени менеджеры, только и могли, что вспомнить про себя самую свою близкую родственницу. В свою очередь незнакомец, наблюдая за ними, однозначно, будучи к ним предвзятого мнения, не спешил их успокаивать, а своим размеренным постукиванием пальцем руки по ручке автомата, нагонял тревожные мысли на этих работников умственного труда.

– Ну что ж, посмотрим, что вы из себя стоите. – После небольшой паузы произнёс своё решение незнакомец, чем вызвал непроизвольное вжатие в себя менеджерских голов, которые таким школьным способом, решили избежать ответа на этот вопрос. И ведь до чего же странные все эти люди. Когда их совсем не просят, то они всегда готовы во всех ракурсах показать и продемонстрировать себя, но стоит их только об этом, настойчиво, с огнестрельным оружием наперевес попросить, то они не то что не спешат пойти навстречу, а ведут себя, как будто в рот воды набрали.

– Так. – Озвучил свой подход к выбору незнакомец, принявшись с помощью наведения автомата на очередную головную цель, отслеживать желание засевших на полу менеджеров, уклониться от ответа.

– Что-то я не вижу особенного энтузиазма в ваших глазах. – Усмехнулся незнакомец. – Что ж, тогда начнём по порядку. Эй ты, ржавчина оценочная. – Набатов прогремел голос незнакомца для рыжего, всего в веснушках, мастера оценок Валерика, который находясь в самом дальней углу от центрального стола, до этого момента был утешительно для себя уверен в своём удачно выбранном местонахождении.

– Да какого? – не успело сердце Валерика отжаться, как его накрыла волна возмущения за такую несправедливость к себе со стороны этого типа, которому ничего не стоило выбрать

кого поближе к нему. – Хотя, может быть, он не про меня? – надежда на сомнение, придала надежду Валерику.

– Я что, не ясно выражаюсь. – Прогремел голос незнакомца, заставив вспотеть Валерика и рядом с ним сидящих лиц. – Где этот ценитель современного искусства, автомобилей? – усмехнулся незнакомец, заставив сидящих на полу работников зала, повернуть свои лица в сторону прикрывающего себя стулом Валерика.

– Я что, рыжий что ли? – даже очевидность присутствующая на голове возмущенного такой своей приметливостью Валерика, в этот экстремальный момент не может быть обоснующим фактором для него.

– Вы же понимаете, что эта присказка строится на фигуральности понимания рыжести. И будь ты сто раз рыжий, она ни под каким соусом к тебе не подходит. – Валерик, если что, всегда со знанием дела может подкрепить своё заявление. – И чего бы тебе не выбрать этого Антона. – Валерик, посмотрев на внимающие к нему взгляды этих предательских лиц, его не только коллег, но и собутыльников, тут же отчаянно разочаровался в них и, бросив на них полную презрения улыбку, зажмурился и вжал свою голову в плечи. Но Валерику не долго пришлось наслаждаться своей внутренней нирваной, так спустя с десятков приближающихся к нему шагов, сверху до него донёсся голос этого незнакомца, в котором Валерик узнал того самого клиента, чью он машину оценивал для того чтобы взять её в Trade-in.

– Ну и чего ты затихорился. Думаешь, я тебя не найду? – заявил незнакомец, ткнув Валерику в плечо ствол автомата.

– Ай? – Валерик в свою очередь проявил недюжинный актерский талант, играть умственно отсталых придурков. Что, конечно же, было должно оценено всеми присутствующими, в особенности сидящей публикой, которая, как оказалось, всегда признавала за ним наличие этого придурочного таланта. Что же касается незнакомца, то он видимо, тоже был не чужд искусства, что он и дал понять Валерику, дав ему побуждающий к подъёму подзатыльник. После чего Валерик, которому не нужно было два раза повторять, быстро поднимается на ноги и уже без дополнительных словесных указаний незнакомца, обойдя преграждающие ему путь столы, предстает пред очами этого человека.

– Ну что, готов? – спросил Валерика незнакомец.

– Нет, Александр. – К удивлению незнакомца, Валерик, чей включавший в себя весь спектр его чувств, так насыщенный мольбой и слезами проникновенный и очень краткий ответ, также включал и его имя.

– Валерик, ты же понимаешь, что это был риторический вопрос. – Улыбнулся в ответ Александр. – Ну, а главный, стоящий перед тобой вопрос, таков. Как ты оцениваешь свои шансы остаться сухим? – не сводя своего тяжелого взгляда с глаз Валерика, спросил его Александр. И если спрашивающий интересовался поверхностью верхней части организма Валерика, то его бесстыжие коллеги по работе (в их оправдание, могу заявить, что они, находясь на нижнем половом уровне, не могли себе позволить заглядывать выше), больше любопытствовали, глядя на нижнюю поверхность его нижней части организма брюк.

Что же касается самого Валерика, то он определенно увидел в этом, однозначно провокационном вопросе, для себя подвох. Ведь, судя по всему, этот тип не только не в себе, но и готов на многое, лишь бы доказать всем и в частности ему, что он тут главный, и значит, как бы он ему не ответил сейчас, его устроит лишь такой ответ, который будет идти в разрез с его ответом. Из чего выходит, что будет лучше промолчать. Да и, в конце концов, не геройствовать он сюда вышел, чтобы отвечать прямо. И Валерик, придя к единственному для себя решению, решительно замолчал в ответ.

– Значит, решил стоять и молча грубить мне. – Неожиданный вывод сделанный Александром, заставляет Валерика взмокнуть от страха и усомниться в крепости своих ног, не готовых противостоять такому на них моральному давлению.

«Да что ж ты будешь делать. И сказать что-нибудь чревато и промолчать усугубливо». – Покрываясь испариной, размышлял и щипал себя за ногу Валерик.

– Хотя, я тебя понимаю. Любая самооценка, всегда грешит любованием и сомнением. Так что для верности, тебе просто необходим сторонний наблюдатель. – Сделал небольшую паузу Александр, для того чтобы просто сделать её. – А, знаешь, Валерик. Я, пожалуй, тебе помогу, в этом оценочном деле. Ты только попроси меня об этом. – Александр уставился на Валерика, на этот раз твёрдо ожидая от него ответа. Валерик же, со всех наблюдательных сторон загнанный в тупик, не имея возможности думать, под этим прижимающим его склонить колени взглядом Александра, пока ещё не упал, промолвил:

– Я прошу.

– Что-что? – в таких случаях, ожидаемо Александр оказался туг на ухо.

– Я прошу. – Уже громче проговорил Валерик.

– А-га, просишь. И чего ты просишь? – само собой, Александр оказался малопонятливым типом, которому нужно всё по полочкам разложить, иначе он ничего не поняв, вас замучает ударами приклада по почкам.

– Ну вы же сами сказали, что мне надо попросить. – Валерик определенно волнуется, раз произносит заведомую глупость, которая ею является по определению реакции, которую она и вызвала у Александра. Который в одно мгновение схватил Валерика за шею и, приблизив его к себе, с выдохом вбил ему в нос своё возмущение:

– А это тебе первая, нулевая оценка за твоё понимание сказанного.

После чего Александр, не отпуская от себя Валерика, разворачивается и, наметив для себя один из белоснежных кроссоверов, вместе с Валериком, в таком объединенном его рукой сообществе, направляются к нему.

– Ладно, Валерик, вот тебе задача попроще. – Остановившись напротив одного из воплощений конструкторской мысли – белоснежного кроссовера, Александр продолжил словесный разговор с Валериком. – Давай, оцени мне эту машину.

И хотя заданный вопрос Александра, для специалиста в этой области не был сложен, но учитывая обстоятельства всего происходящего дела, он не мог не вызвать свои животрепещущие вопросы.

– Что он собственно хочет, задавая этот вопрос? – задал себе первый вопрос Валерик.

– Что-то мне подсказывает, что этот вопрос с подвохом. – Почесав затылок, верно направил свою мысль Валерик.

– И точно. Ведь прайс с ценами на этот автомобиль прямо висит перед носом. – Похолодев от своего открытия и тревожного предчувствия, Валерик ухватил своими вытянутыми руками свои пошатывающие бедра.

– И что теперь делать? Как делать оценку? – Валерик инстинктивно почувствовав волчий аппетит, который испытывает к нему этот, под человеческим обликом хищник, сглотнул накопившуюся в нём слюну.

– Да и есть ли на него правильный ответ? – мудрость приходит со временем, а правильный ответ часто плетётся последним, до чего дошёл и Валерик, сообразив таким образом.

– Ну, и долго мне ещё ждать? – ударом кулака в спину Валерика, побудив к его ответу, Александр не только спросил его, но и выдвинул вперёд к ответу. Ну, а Валерик, не ожидая такой близкой расположенности к нему Александра, получив это ускорение в спину, споткнувшись о зазевавшиеся ноги, выскочил вперёд и уткнулся в автомобиль. После чего облокотившись о машину, привстал на ноги и, посмотрев через призму обращенного на него взгляда Александра, на выглядывающие из под столов лица своих коллег, наконец-то, даже как-то дерзко ответил:

– Я рекомендую то, что мне прописано рекомендовать.

– Понимаю. – Ответил ему Александр, сопроводив свой ответ таким чарующим чувствительными сердца звуком передернутого затвора. В чём определенно виделась дань его уважения смелости ответа Валерика, который своим дерзким ответом, однозначно для себя один патрон заработал. С чем, судя по побледневшему лицу Валерика, он не то что не очень, а совершенно был не согласен, и если расстрел, то пусть тогда холостыми.

– Значит, ты не видишь никаких возможностей поступать иначе? – туманно спросил его Александр.

– Отчего же. – Уцепившись за соломинку, выдохнул из себя Валерик.

– Тогда, на какую скидку я могу рассчитывать? – спросил Александр.

– Ну, это надо посчитать. – Вдруг оживился Валерик.

– Да ты мне тут прямо у машины расскажи. Тем более, как мне кажется, она с изъёмами. – Перекинув автомат через плечо и подойдя к машине, Александр пристально посмотрел на крыло, чем вызвал пристальное внимание Валерика, принявшего разглядывать то, что разглядел Александр.

– Я ничего не вижу. – Валерик озвучил свой результат осмотра.

– Да как же, вот. – Александр ткнул пальцем в крыло машины.

– Да нет ничего. – В один взгляд, сто раз посмотрев, только пожимает плечами в ответ Валерик.

– Ну, ты и слепота. Ладно, я тебе облегчу задачу. – Александр, по всей своей видимости, однозначно удручён такой малой внимательностью Валерика, и он, чтобы как-то исправить эту ситуацию, лезет в рюкзак и достает из него баллончик с краской. Затем, к нарастающему выкату из орбит глаз Валерика потрясает баллончик в воздухе, после чего не задумываясь о сердечном волнении Валерика, рисует краской жирный крест на крыле.

– Ну, теперь ты видишь? – Александр, поставив крест на машине, удовлетворенно спросил Валерика. Который в отличие от Александра, не был столь уверен на счёт себя и как человек зависимый и поддающийся внешнему влиянию, ответил то, что только мог ответить:

– Да.

– Видишь, какой ты Валерик неприкаянный тип. Везде тебя надо тыкать носом. Ладно, так и быть. Я тебе опять помогу. Держи баллончик. – Александр вздохнул и протянул Валерику баллончик. Но Валерик почему-то не спешит воспользоваться столь лестным предложением Александра, и как стоял по стойке смирно, так и продолжал бы стоять, если бы не нахмуренность бровей Александра, не ускорила этот процесс.

– Вот, то тоже. – Резюмировал факт перехода баллончика в руки Валерика Александр. – Ну, а теперь, дело осталось за малым. Даю тебе... – Александр посмотрел на часы и, посчитав чего-то, вернувшись из своего мысленного бытия, закончил фразу. – Десять минут.

После чего внимательно посмотрел на стоящую в виде Валерика растерянность и как гаркнет:

– Живо!

Ну, а все знают, что после такого живого напоминания, если ты к нему не прислушаешься, то всегда может прийти его антипод. Так что Валерик, не стал дожидаться ручной, по сопатке подсказки, живо бросился искать изъёмы на этой уже не новой машине.

– Рекомендую начать с крыши. – Александр дал подсказку Валерику, которому ничего не оставалось делать, как прислушавшись к рекомендации, полезть на крышу автомобиля. Где он и принялся, опять же по совету Александра, вырисовывать большие кресты.

– Что ж, пока Валерик занят, мы, чтобы за зря не терять времени, продолжим. – Высказал своё пожелание Александр, заставив напрячься спины ещё на прямую не вовлеченных в разговор менеджеров, которые, пожалуй, были не против, если бы Александр ещё не много потерял за зря время с Валериком. Но Александр, скорей всего, хоть и умеет читать мысли, но он натура строптивая, и поэтому решает идти наперекор всеобщему мнению и, не прислуши-

ваясь к глухому мнению, затёкшего в спинах персонала, делает в их сторону разворот. После чего, преодолев разделяющее их расстояние, очень ловко забирается ногами на стол. Откуда, судя по всему, и в частности с его стороны, открывается отличный вид сверху на все эти прилежащие тела менеджсостава салона.

Но как это в жизни часто бывает, что одному хорошо и удобно, то другому, скорей всего, не слишком, что, наверное, и ощутили сидящие на полу работники салона. Чьи шеи, хоть и были привычны смотреть снизу вверх и часто внимать начальствующим ботинки у своего носа, но такое положение было предписано в их трудовом договоре, который частично подразумевал их свободу. Сейчас же, какой-то, не пойми что за тип, явно используя своё вооружённое положение в своих личных целях, унижая их достоинство и честь, и ведя себя, чёрт знает как, судя по всему, совершенно не собирается учитывать их право на свободное волеизъявление.

– А отсюда открываются неплохие виды. – Прохаживаясь вдоль стола, Александр, как всякий человек, впервые оказавшись на новой высоте, которая как бы она мала не была, не может не оценить её и не высказаться вслух. Что ж поделать, раз человек так физически и духовно сложен, что при изменении его вертикального положения в пространстве, у него в зависимости от высоты этого положения, определённо захватывает дух, и он уже начинает мыслить по-другому. При этом, сколько не меняй своё положение в горизонтальной плоскости, ничего такого особенного не происходит. Ну а человек, желая испытать те захватывающие дух чувства, которые он испытывает при подъёме на высоту, поэтому и прибегает к различным вызывающим этот захват стимулирующим его сознание методам, как, например, этот захват в прицел своего автомата теперь уже Александром Великим, прилежащих к нему работников автосалона (у каждого своё величие, у кого оно измеряется слухами о нём, а у кого высотой его стола, с которого он несёт в мир свои деяния).

С чем это всё связано, трудно сказать, но Александр, определённо оказавшись на высоте своего положения, приободрился и начал вести себя несколько даже высокомерно.

– Вот ты, чучело. – Александр остановившись у одной менеджерской макушки, своими словами очень сильно смутил обладателя этой макушки Макса, не ожидавшего такой фамильярности по отношению к себе. А ведь этот Макс был первым парнем на деревне или так сказать, салонным парнем, в общем, вы поняли. Так вот, если он по части мужественности, занимая здесь в салоне лидерские позиции, к которым само собой прилагалось всеобщее женское восхищение и внимание, уже потенциально себя проявил, то, наверное, от него можно было ждать и ещё чего-то. Да к тому же Макс ещё совсем недавно, за чашкой кофе, так смущал своим геройствованием чувствительные сердца местных дам, что, пожалуй, слышавшие все эти его рассказы дамы и невольные слушатели, вполне ожидали от него, не недовольную и кажется испуганную гримасу на лице, а как минимум, каких-то энергичных действий. Но нет, он, не только не бросившись с голыми руками на этого бандита, не оправдал возложенных его рассказами на себя ожиданий, но также подверг переосмыслению стереотипное мышление, предполагавшее от него обратный трусливый поступок. Ведь Макс взял и во все поступил неожиданно, просто став никем, уйдя в серое себя и в свою собственную тень.

– Ну а ты чего уставился? – Александр, заметив любопытствующее нетерпение в глазах недалеко сидящего от Макса типа, который вместо того чтобы тихо сидеть на корячках и наблюдать, как твой коллега по работе берёт всю вину на себя, в это время ёрзает на месте, что и заставляет Александра обратиться к нему. На что ёрзающий тип под именем Андрейка, в одно мгновение замирает на месте и делает неприкаянный вид, как будто бы все окружающее его не касается. Что, в свою очередь, заставляет Александра, которому с высоты его положения до всего есть дело, и всякое пренебрежение его мнением, есть вызов существующему порядку дел, перенаправить своё внимание на этого независимого Андрейку. И Александр, развернувшись в обратную сторону, возвращается на пару столов назад к той точке, откуда этот пренебрежитель его мнением, ему виден не боковым зрением, а лежит прямо как на ладони.

– Да неужели, это он? – к всеобщему тревожному удивлению, этот тип с автоматом выразительно расплывается, правда, непонятно в какой улыбке и, разведя свои руки в стороны, всем своим видом показывает, что, пожалуй, он даже бы обнял этого Андрейку. Но Андрейка к всеобщему недовольству, не спешит броситься в объятия этого грозного незнакомца, а как сидел на месте, так и морщит свой длинный нос.

– Я не понял. А чего ты Андрейка, сегодня, такой неразговорчивый? И как мне кажется, воротя нос, даже стараешься проигнорировать меня? – ну а с этим заявлением Александра, уже никто из сидящих на полу менеджеров не может не согласиться и, положив руку на грязный пол, с прискорбием должны признать, что этот незнакомец отчасти прав в своих подозрениях на счёт Андрейки. Но строптивость Андрейки не знает границ и пределов, и он, видимо для того чтобы ещё больше позлить этого Александра, начинает демонстративно чесать свой и без того уже красный от трения нос.

– Ладно, я тебя понял. – Грозно заявил Александр, и все, застыв в своём придыхании, приготовились ждать, что последует за этим ладно. Чего, в общем-то, долго не пришлось ждать, и Александр, уже давно заприметив мешающий его свободному проходу по столу канцелярский набор, в один закрут своей ноги, очень точно отправляет его в сторону строптивного Андрейки. И хотя Андрейка всем своим видом показывал свою независимость от внешнего мира, он, тем не менее, как оказалось, был очень приметлив, и не смог пропустить, не то что мимо, а прямо на себя летящий этот набор канцелярских инструментов. И если летящие ручки и карандаши, не представляли из себя большой опасности, то вот массивный степлер, при хорошем замахе и точности попадания, вполне мог заявить о себе, не только как о скрепляющем, но и как об ударном инструменте.

– Ах, ты! – визг Андрейки свидетельствует о точности попадания степлера. Чему, наверное, может порадоваться Александр, но он почему-то не доволен такому положению вещей, и вместо того чтобы хоть малость улыбнуться, глядя на почесывающего свой лоб Андрейку, наоборот хмурится и, повысив голос, громко и очень резко заявляет.

– Так, посмеялись и хватит. (А кто, спрашивается, смеялся?) А ну, сволочь, быстро поднялся на ноги! – прогремел голос Александра. И что интересно, так это то, что не успел Александр закончить свою фразу, как Андрейка уже стоял на ногах и полный отзывчивости, смотрел на него.

– Ну и каковы нынче ваши кредитные приговоры? – спросил его Александр.

– Да всё по-прежнему. – Без запинки отвечает Андрейка.

– По-прежнему, стараетесь оставить нас без штанов. – Резюмировал Александр.

– Типа того. – Андрейка даже позволил себе с иронизировать.

– Что ж, я не могу этого не учесть, и не подойти к тебе с той же позиции. – Пространно заявил Александр, заставив напрячься Андрейку, чья голова ещё не уразумела, но ноги, до которых видимо быстрее доходит, начали тревожно бить в свои колени.

– Ну, чего стоишь? Давай, скидывай одежду. – Александр своим заявлением оглушил Андрейку, который тут же запружинил на своих, как оказывается, очень подходящих для этого занятия ногах. – Быстро! – прогремел голос Александра, который учтя малую понятливость Андрейки, подкрепил свои слова наведением того в прицел своего оружия.

– Да-да. – Андрейка в свою очередь спешит не только скидывать свои вещи на пол, но и заверить Александра в том, что он не возражает против этого. Ну, а судя по окружающему любопытствующему вниманию к его раздеванию, против этого никто не возражал и даже определенно желал узнать, что уже у него там спрятано под рубашкой и под штанами. И если худощавое тело Андрейки, представшее перед всеми во всей своей костлявости, мало у кого вызвало желание смотреть на него, то вот самая нижняя часть его гардероба в виде гольф, в комплекте со средней трусами, что и говорить, а вызвало невольную улыбку.

Что же касается Андрейки, то он, достигнув этого рубежа относительного приличия, за которым скрывалось уже вроде бы неприличие, переступив который, грозило одним бледностью лиц, другим приобретением румянца, ну и самым обычным людям, равнодушием ко всему увиденному, взявшись за резинку трусов, вопросительно посмотрел на Александра.

– Я же сказал, без штанов, а не до нитки. – Ответ Александра понравился только одному из присутствующих здесь людей, когда как другие, определенно считающие, что во всём нужно идти до конца, разочарованно посмотрели на этого единственного человека Андрейку. Но Александра не волнует это подавляющее в своём количестве мнение, когда у него есть своё превалирующее мнение, с которым он и переводит свой взгляд уже на другого пышущего своим и часто чужим здоровьем, перспективного Антона.

– Ну что, Антон. Вот и до тебя дошла очередь. – Александр обратился к Антону, который очень даже был не согласен с такой постановкой вопроса. И если Александр соизволит внимательно посмотреть по сторонам, то он может без труда заметить, что здесь полно народа, кого очередь обошла мимо. И по его, Антона мнению, даже странно такому быть, когда вокруг присутствует столько симпатичных молодых дам, которые куда как более симпатичнее, чем он, и значит, требуют первоочередного к себе внимания. Но Александр на этот раз хоть и замечает все эти объекты первоочередного внимания, но почему-то не проявляет проницательность и отзывчивость к предложениям Антона и, спрыгнув со стола, буром прёт прямо к нему.

– Ну что, Антон. Устроишь мне тест-драйв? – подойдя вплотную к приставшему с пола Антону, спросил его Александр.

– Но... – попытался что-то сообразить против Антон, как наткнувшись пузом в ствол автомата или же наоборот, ствол наткнулся на его отложения про запас, сразу же забыл, что хотел сказать.

– Я хочу, тот самый кроссовер? – Александр, видимо решив, что Антон затрудняется в выборе для него машины, решает помочь ему.

– Но у меня нет ключей. – Возражала Антон, как оказывается (и куда только смотрел работодатель), был ещё каким непонятливым типом. За что он, конечно же, заслуженно получает от Александра леща в загривок. Но что удивительно, так это то, что Антон, которому больше обидно, нежели больно, не сдаётся и настаивает на своём.

– Я ведь занимаюсь только оформлением и к ключам не имею никакого отношения. – Антон твёрдо выразил надежду на то, что от него отстанут.

– Тогда, у кого ключи? – несколько растерянно спросил Александр, который скорей всего, при подготовке к этому визиту, не учёл этого затруднения.

– У Александрыча. Ну, а он уехал за документами и когда приедет, не знаем. – Антон, предвидя дополнительные вопросы, поспешил ответить сразу на их все. Что ещё больше озадачивает Александра, у которого явно был предварительный план действий, который натолкнувшись на действительность, теперь не мог быть осуществлён.

– И что, вообще, машин нет? – Александр и вовсе начинает терять уважение, задавая так бледно этот вопрос.

– Нет. – Чуть ли не хамовато ему отвечает Антон, всегда интуитивно чувствующий момент, когда клиент поплыл. И, наверное, на этом бы Александр, ещё сделав пару выстрелов в потолок и отправился бы восвояси, если бы к его, да, впрочем, и для всех неожиданности, из глубины зала салона, где размещался небольшой уголок для ожидающих своего заказа покупателей, не донёлся голос.

– А я бы вам посоветовал не спешить. – Раздался голос одиноко сидящего на кушетке, не понятно, что за человека. Чьё присутствие однозначно было не примечено Александром и упущено из виду сотрудниками салона, которые так и не смогли для себя объяснить или припомнить, как этот скрытный от всех тип, оказался здесь.

– Это кто там говорит? – повернувшись в сторону этого незнакомца, Александр, громко спросив, попытался рассмотреть его.

– Я. – как-то уж обще ответил незнакомец, чей ответ по сути, хоть и был верен, но в тоже время не очень. А вот это не очень, требовало не только большей внимательности и осторожности к нему, но и недопустимости игнорировать такого человека, который так вам отвечает в такой ситуации, когда вы первым создаёте информационный повод.

– Этого мало для ответа. Так и я могу ответить, называя себя Я. – Александр, сжав крепче автомат, ответил тому в своём ключе.

– А я думаю, достаточно. – Ответ незнакомца ещё больше вносит неясности на счёт него.

– Вот значит, какой ты у нас смелый. – Заявил в ответ Александр.

– Я не смелый. Но к своему сожалению, я не могу стерпеть любой не правды. – Ответы незнакомца всё больше удивляют Александра, который посчитав, что, пожалуй, негоже так разговаривать на расстоянии, решил подойти к нему. Но прежде чем Александр это проделал, он, вытаскивает из кармана куртки похожую на телевизионный пульт коробочку и, подняв её вверх, так чтобы все её видели, озвучивает своё видение ситуации.

– Сопоставьте связь между этой вещью в моих руках и стоящим в центре саквояжем. Ну и ведите себя разумно, а значит смирно. – Александр обеда взглядом коллектив, удостоверился в понимании им сказанного и уже после этого внушения, направился ко всё также сидящему на кушетке незнакомцу. И хотя Александр внешне выглядел спокойным, он между тем, встретив неизвестность, скрывающуюся за этим странным незнакомцем, ощутил какой-то неприятный холодок внутри себя, который, как он знал, всегда присутствовал при встрече с опасностью.

Пока же Александр приближался к этому незнакомцу, которого он, почему-то, не догадался призвать к себе, то тот даже и не шелохнулся на месте, и всё сидел, опустив вниз свою голову.

– Значит, говоришь, что не любишь никакой не правды. – Сохранив безопасное расстояние между собой и этим незнакомцем, уточняющее спросил его Александр.

– Я бы для точности сказал, что в случае с правдой, такое дополнение, как любовь, звучит несколько некорректно. – Не поднимая своей головы, ответил ему незнакомец, глядя куда-то себе в ноги, что подспудно несло в себе больше опасности, нежели неуважения к Александру.

– Вот как. – Только и ответил Александр.

– Да так. И потому так, потому что, как можно любить не существенное, а всего лишь прилагательное, которым, по сути, является правда и её антипод кривда. – Незнакомец сказал так жёстко, что Александр вдруг непонятно почему, захотел, чтобы у него в рожке для патронов, сейчас находились серебряные пули.

– Только истина основополагает сущее и, применяя свои инструменты – правду и кривду, упорядочивает этот мир. А вот с ней то, я бы хотел иметь более приближённые отношения. – Вздыхнул незнакомец.

– Всё это, наверное, верно, но у меня нет на это времени. – Тонем склонным к компромиссам, ответил Александр.

– Да, ты всё верно говоришь. – Ответил незнакомец, помотав в стороны своей головой, как будто пытаясь вытряхнуть из неё дрему и ненужные мысли. После чего, он чуть приподнял своё лицо вверх и, исподлобья посмотрев на Александра, заставил того покрыться испариной при виде этих его пустых глаз, откуда на Александра смотрела его безнадёжность, которая ему была слишком знакома, чтобы увидев её, не узнать.

– Ты, я надеюсь, всё увидел. А теперь иди к Антону и возьми у него ключи (они лежат в ящике его стола) от стоящего на мойке и ожидающего своей очереди серебристого кадиллака. – Опустив голову вниз, с хрипотцой в голосе проговорил незнакомец.

– Тот самый? – сам не зная почему, так спросил незнакомца Александр.

– Да, тот самый. Можно сказать, специально тебя ждёт. – Ухмыльнулся незнакомец.

– А тебе не жалко? – всё в неведении себя, задаётся вопросами Александр.

– Жалко. Но тебе, я вижу, нужнее. Да и разве против судьбы попрёшь. – Ответил ему незнакомец.

– Ну, тогда я пошёл. – Александр почему-то счёл, что нужно спросить у этого странного человека разрешения на уход.

– Иди. – Краток в ответ незнакомец. Но Александр не спешит, а замешкавшись на месте, решает напоследок спросить незнакомца.

– Ну, а как тебя всё-таки зовут? – спросил незнакомца Александр.

– Праведник. – Ответил ему незнакомец.

– Я хоть и не удивлён, но имя всё же странное. – Пожал плечами Александр.

– Что поделать, раз правда нынче всё больше оторвана от реальности и требует фиксации. – Вдохнув, произнёс в ответ Праведник. – А вот твоя реальность нынче такова, что ты сам создаёшь её. Ну и как бонус, самый дорогуший автомобиль салона, чья цена между тем всегда сразу падает, стоит только колесу автомобиля пересечь продажную черту салона. И получается, что даже сам покупатель всего лишь садится на б.у. автомобиль, когда ты, всего лишь выгоняя его из салона, становишься тем самым выгодоприобретателем, который, не потратив на него ни копейки, едет на самом дорогом автомобиле.

– Я пошёл. – В глазах Александра загорелся странный огонёк, и он резко развернувшись на месте, направляется в сторону приглядывающего за ним Антона. Который, ещё не заметив изменений в лице Александра, уже подмышками почувствовал, что к нему приближается не та, хоть и злая, но всё же subtilность, которая выставив напоказ оружие, готова была лишь разбивать пулями потолок, нет, сейчас к нему беспощадно приближалась сама решительность, которой не стоит что либо говорить наперекор.

– Ключи?! – после того как Александр схватил Антона за его модную косичку, он удосужил себя этим коротким риторическим вопросом. Который, в общем-то, при изменившихся обстоятельствах, уже не нужно было задавать, и Антон уже находился в полной готовности преподнести их ему на блюдечке.

– Там. – Указывая рукой в сторону стола, из своего бокового наклона верещит Антон. Но Александр как будто его не слышит или же ему этого просто мало, и он, притаив за собой к столу Антона, прежде чем открыть ящик стола, очень небрежно, правда, со всей своей силы, прикладывает Антона носом к поверхности своего стола.

– Здесь? – орёт Александр, глядя на размазанный об стол нос Антона, который получив этот заряд бодрости, не то что ответить не может, а он и ногах то держится, только благодаря этой своей косичке, которая так крепко зажата в руках Александра.

– Ладно, плыви. – Александр отпускает косичку Антона, отправляя тем самым его в вольное плавание, куда он и устремляется, рухнув на пол. После чего Александр без труда находит связку ключей, поднимает свой тяжёлый взгляд на заглохнувших в своем дыхании сотрудников салона и медленно спрашивает.

– А сейчас, я желаю, чтобы вы прочувствовали сей момент, и ответили мне, чего я сейчас нестерпимо хочу? – опустив свой взгляд в пол, также как это делал сидящий там позади Праведник, холодом своего голоса обдал внимающих ему менеджеров Александр. Далее следует тревожная пауза, в течение которой разбивается и покрывается изморозью ни одно чувствительное сердце.

– Ну что. Я жду ответа. – Произнёс в пол свой вопрос Александр, на что в ответ только слышна тишина.

– Ты! – заявляет Александр, и не глядя, наводит ствол автомата на сидящую сбоку от него Анжелу, которая в одно указательное мгновение заглотнулась набежавшими слезами и принялась бессвязно акать.

– Это не правильный ответ. – Бесстрастно произносит свой приговор Александр и начинает приподымать свою голову для того чтобы она увидела то, что ей предназначено увидеть перед смертью. Но тут неожиданно для всех, со своего приподнятого места, в ситуацию вмешивается местный технический работник под именем Кирилл, который скорее всего и оказался здесь, для того чтобы принести ключи и сообщить, что такая или такое авто, готово к выезду в зал.

– Я могу, отвести вас к машине. – Заявил этот механик, заставив остановиться на полпути Александра и задуматься над этим его предложением. Ну, а пока длилась эта секундная пауза, Анжела, чьё размазанное слезами и краской лицо приобрело свою красочность, дополнительно приросла пучком седых волос.

– Веди. – Короткий ответ Александра позволил Анжеле и уже с ней рядом сидящим, облегчённо вздохнуть и, глядя на то, как они удаляются в двери, ведущие во внутренний ремонтный зал салона, нащупав телефон, начать действовать во своё спасение. И не успела дверь захлопнуться за прошедшими внутрь Александром и механиком Кириллом, как уже с десяток созданных и отправленных сообщений обрушилось на них в чём неповинные головы первых же записанных в их телефонах людей (разве что только замеченных в родственных и дружеских связях с отправителем сообщения).

И только один из всех них оказался более прозорливым, сообщив о случившемся туда, куда в первую очередь и надо было сообщить. И как бы это не звучало неподходяще к сложившейся ситуации, этим провидцем оказался пребывающий в собственном отвлечённом от окружающего сознания и сгустках крови Антон, который, как только Александр оставил его для того чтобы пойти переговорить с незнакомцем, то сразу же набрал номер экстренной службы. Ну, а она, хоть особенно и не спешила, но и в тоже время, и не слишком задерживалась.

И как только этот Александр с механиком скрылись за дверью, можно сказать, что в этот самый момент или секунд через девять, десять, что не столь важно, со стороны улицы прозвучала долгожданная сирена, напомнившая всем внутри сидящим, о непреложном правиле, что без предварительного и очень громкого шума, помощь редко приходит к вам. Ну, а чем больше шум, то, наверное, и помощь тем более действенна, о чём нам не дадут соврать ведущие новостных программ, чьи целевые по этому поводу обращения в зрителям, уже спасли немало жизней нуждающихся в ней.

Правда, звуковая и шумовая сирена, так шумно заявляющая о прибытии группы быстрого реагирования на место происшествия, которую слышит не только потерпевшая, но и преступная сторона, определённо вызывает вопросы об этой необходимости предупреждать преступника об их прибытии. Ну, да ладно, чего о них думать, когда радостные, хоть и слегка встревоженные лица потерпевших, с таким трепетным взглядом смотрят на тебя.

– Где? – прижав палец ко рту, кивком головы спросил сотрудников салона, выглянувший из-за одной выставочной машины, один из прибывших сюда к ним на помощь оперативников.

– Там!!! – одновременно и очень указательно кивнув на дверь, заявили ободрённые сотрудники салона.

– Действуем по плану. – Отжестикулировал своим коллегам по группе захвата этот разговорчивый оперативник. После чего, состоящая из менеджеров группа, принялась ползком перемещаться в сторону выхода, а специалисты по расхвату (если преступник есть специалист по захвату, то они значит, по расхвату), начали занимать все пути возможного отхода этого злодея, который надо понимать, никому не скажет о своих намерениях и путях своего бегства отсюда.

– Мышь не проскочит. – Не успел главный оперативник удовлетворённо покачать своей головой, как нарастающий шум из-за той самой двери, ведущей во внутренний зал автосалона, заставил его и всю его группу быстрого реагирования, рефлексивно вспотеть и сжать свои автоматы. Но если шум с каждым мгновением нарастал (кто-то там определённо решил прогреть

двигатель, вдавливая в пол педаль акселератора), то сам источник этого шума, судя по звуку – автомобиль, не спешил появляться.

– Он чё там, двигатель запороть что ли хочет? – несмотря на присущее в таких опасных случаях волнение, в каждом водителе, который сидел через одного в оперативниках, не могло не возмутиться его естество и жалость к машине.

– Ну, я этой сволочи покажу. Пусть только он покажется. – И не успел каждый из водителей, сидящих в оперативниках, сжав зубы, мстительно произнести про себя приговор этому мучителю, само собой турбированного двигателя, как в тот же и в один момент, дверь под напором машины махом выносятся, внося в окружающую обстановку полнейший хаос, неразбериху и суматоху. Ну, а эти оперативные парни, чьи пальцы находились на спусковых крючках их автоматов, и чьё волнение нарастало иросло до предела, то, как бы они не были оперативны, они всё равно не успевают за своими рефлексам, которые и нажимают за них на их спусковые крючки.

И хотя слетевшие в первую очередь со своих петель, а следом с катушек двери, в своём полётном рвении вбили клин между летящим автомобилем и парой спецназовцев, оказавшихся снесёнными этими дверьми, всё же количество пуль выпущенных другими участниками всего этого действия, хватило для того чтобы часть из них попала в автомобиль и даже разбила его лобовое стекло. Но это обстоятельство попадания, судя по всему, не смутило самого водителя, да и саму машину, чей скоростной разгон позволял ей мчаться дальше; даже на одной только инерции.

И автомобиль, в общем, несётся, сметая на своём пути все стойки и столы, пока не достигнув стеклянной витрины, которые являются визитной карточкой любого автосалона, как всем кажется, делает для них всех фиксированную паузу в памяти, и уже после этого влетает в неё, внося полный разлад в эту стеклянную конструкцию. После чего, ожидаемо, стеклянная витрина не выдерживает такого давления и, получив пробоину, слезами стёкол обрушивается вниз, срезая всё на своём пути. И хотя сидящий за рулём автомобиля Александр, был защищён от этого смертоносного стеклянного дождя, всё же его ярко выраженная эмоциональность, с которой он представился в окне автомобиля, не могла не запомниться всеми теми, кто это всё видел.

И вот автомобиль, уже кажется преодолел этот стеклянный занавес и сейчас передними колёсами приземлится за пределами салона, как вдруг, прогремевший и накрывший всё вокруг голос, потрясает не просто сознание присутствующих здесь людей, но и само это событие, разворачивающееся на многих глазах, заставляя всё происходящее остановиться и замереть на глазах у вновь прибывших сюда новых наблюдателей.

– Тихо!!! – своим гробовым голосом оглушает всё движущее живое и неживое, не понятно как оказавшийся в центре зала, некто Тишина, который своим явлением и оглашением, заставляет всю внутреннюю жизнь автосалона сыграть в его любимую игру «Море волнуется раз». Правда, в его правилах игры совершенно не предусматривалась самостоятельность игроков, которым отводилась всего лишь роль замеревших на месте статистов. Ну, а пока окружающий мир обездвижено замер на месте, то Тишина и вместе с ним прибывшие спутники, могут, никуда не спеша, пройти по салону и внимательно осмотреть всех и всё что здесь происходит.

– Только не говорите мне, что это не внушает. – Скрестив руки на груди, улыбнувшись, проговорил Тишина, наблюдая за этой созданной им картиной временности.

– Ну, ты без своих художеств не можешь. – Пробурчал в ответ ему Точь.

– А ты бы лучше точнее был в расчётах. – Тишина явно не любил, когда ему в ответ бурчат, вот он сразу и цепляется в ответ на Точа. Который, в свою очередь, не желает молчать и возмущённо возражает.

– Какие дали, такие и ввёл. Что, тем не менее, не отменяет мою точку зрения на все эти искусства.

– Да, я забыл, кто меня окружает. – Тишина хотел было нахмуриться, но видимо искусство для него было не пустой звук и он, пропустив мимо ушей это критическое замечание Точа, обратился к новичку его команды Ростиславу или Ростику.

– Ну а ты что думаешь? – спросил его Тишина. На что Ростик, для которого в этом мире Тишины и его странных спутников, всё было в новизну и необычно, конечно, не мог должно, а именно удивлённо, не среагировать на всё им увиденное.

– Да. – Ответил Ростик.

– А я, что говорю. Смотрите на нашего новичка и учитесь. – Заявил Тишина. – Первый девственный взгляд всегда умеет точно видеть.

– И сказать. – Как всегда, не смог удержаться и не вставить свою колкость, фрондирующий Точь. Но Тишина его не слушает, а прихватив с собою Ростика, подводит его к одному из застывших в своём последнем положении спецназовцев, который судя по его безумному выражению лица и вдавленности его пальцев в курок автомата, своей яростью придавал мощи своим пулям, пытаясь накормить ими того типа из автомобиля.

– Злость и гнев, редко способствуют достижению намеченного результата. – Проговорил Тишина, остановившись напротив спецназовца и наблюдая за тем, что представляет из себя его ярко выраженная ярость.

– А вот если чуть-чуть... (– Ты только нашему Точю ничего не говори о том, что я упоминал его в суе. – Тишина тихо прошептал Ростику) Так вот, стоит подправить ствол его автомата, то, пожалуй, его выстрелы достигнут своей цели. – Тишина, подойдя вплотную к спецназовцу, чуть в сторону сдвинул его автомат. Посмотрел внимательно по направлению его нацеленности и удовлетворённо сказал.

– А вот так, сразу башку тому водителю разнесёт на куски. Но мы не будем делать такого подарка нашей незабываемой Маре. – Тишина подмигнул Ростику и, вернувшись к спецназовцу, сдвинул его автомат в обратную сторону.

– А вот так, пуля угодит в стальную конструкцию ограждения и, срикошетив, отлетит в голову командира спецназа. Ну, а он, только вчера получил новый модифицированный шлем, который и встанет на пути пули, приведя его только к лёгкой контузии. За которую он получит орден за мужество и внеочередной отпуск, где он, напившись, заплывёт дальше положенного и утонет. – Тишина в одно мгновение проанализировал, что несёт этот путь для командира спецназа.

– Ладно, оставим всё как есть. А то там сверху, тоже не любят когда в их работу вмешиваются посторонние. – Произнёс Тишина и, вернувшись к спецназовцу, вернул всё на прежнее место. После чего посмотрел на Ростика и было хотел к нему обратиться, но заметив слишком большую увлечённость разговором Мары и Точа, которые для своего тет-а-тет удобства зашли за колонну, мигом перенёс своё внимание на них.

– Мара, что я вижу. – Оглушил своим голосом Мару и Точа Тишина. – Ты что, опять хочешь сбить Точа с панталыки и воспользоваться ситуацией в своих целях.

– Совсем чуть-чуть. – Из под надвинутого на глаза капюшона, не поднимая головы, как всегда смиренно отвечает эта скромница Мара.

– Мара, тебе дай волю, то твоё чуть-чуть выльется в эпидемию. Не знаешь ты Мара пределов и удержу. Так что, наверное, не зря, там ограничили твои возможности, передав их Точу. – Покачивает в ответ головой Тишина, который сразу раскусил Мару, с её желанием убедить Точа, сделать тоже самое, что он только что демонстрировал Ростику. И как из всего сказанного понял Ростик, только Точь и Тишина обладали теми функционалами (как он потом узнал, казусами), которые применялись ими для того перенаправить событие в нужное для судьбы русло.

– Ладно, нам пора. – Сказал Тишина и прежде чем пойти, ещё раз внимательно посмотрел на каждого из своих спутников, состоящих из Ростика, Точа, Мары и подошедшей Комаша.

– Комаша, а ты где пропадала? – прищутив глаз, спросил не менее скромную, светловолосую Комашу Тишина.

– Ходила по залу. А что, нельзя? – в Комаше говорит сама невинность и наивность, но Тишине ли не знать артистичность этой голубоглазой красотки, которая, если не сиянием своих глаз ослепит или же в их таинственной глубине утопит, то сладостью своих речей туда заведёт, откуда выхода не будет.

– Можно. – Краток в ответ Тишина, который ещё раз внимательно смотрит на Комашу, затем переводит свой взгляд в зал, и что-то там про себя вычислив, целенаправленно направляется к одному из спецназовцев. Что же касается самого спецназовца, то его застывшая экспозиция, определенно заслуживала, хоть и не большого, но внимания. Так он, выскочив из своего секретного места, (из-за машины), с криком: «Получай гад!», – отправлял пули, как он думал, в этого подлого угонщика, но они по большей части летели туда, куда им заблагорассудится.

Но Тишина на этот раз подошёл к нему не для того чтобы отдать должное этому застывшему в вечности мигу. Нет, Тишину интересует нечто другое, что он внимательно и ищет, разглядывая этого спецназовца со всех сторон. Ну, а когда всё осмотрено, он как ничем не брезгующий профессионал своего дела, лезет в открытый рот этому кричащему спецназовцу и к удивлению всех, кроме разве что Комаша, достаёт оттуда вишнёвую косточку. После чего Тишина поднимает вверх свою руку, в пальцах которой находится видимая для всех косточка и с видом, что он так и знал, направляется обратно.

– Ну, что Комаша на этот счёт скажешь? Или будешь отпираться? – подойдя к Комаше, протянув ей лежащую на ладони косточку, спросил её Тишина.

– Это не моё. – Улыбаясь, ответила Тишине Комаша, взяв из его рук косточку и, спрятав её в карман куртки.

– А я знаешь, так и понял. – Ответил ей Тишина. – И ещё я давно понял, что за вами нужен глаз да глаз. Так что, давайте все на выход.

На что возражений ни у кого нет, и компания разворачивается в сторону выхода, и начинает свой постепенный выход отсюда.

– Эх, не было бы с нами наших ревнивых спутниц, то можно было бы более интересно провести здесь время. – Проходя мимо застывших в изумлении и страхе симпатичных сотрудниц автосалона, которые благодаря этой эмоциональности приобрели ещё большую привлекательность, Тишина своей прямолинейностью вводит Ростика в краску.

Но вот компания достигла дверей автосалона, и даже Мара с Комашей, галантно пропущенные вперёд, вышли в двери, оставив мужскую половину внутри салона, которая почему-то не спешит выходить, а Тишина, обернувшись назад, бросает свой задумчивый взгляд в один из дальних углов помещения салона.

– Точь. А ведь мы опять опоздали. – Произносит Тишина, узрев только пустую кушетку, на которой лишь только остался след примятости от сидения на нём кого-то.

– А что поделать, раз скорость света всегда опережает звук. И прежде чем услышишь, тебя уже увидят. – Вздыхает в ответ Точь.

– Согласен. – Отвечает Тишина и, развернувшись к дверям, выходит вон.

Глава 2

Ознакомительная.

– Ну что, куда теперь поедет? – заняв своё место на пассажирском сидении спереди, прежде всего спросил себя, а уж затем своих спутников Тишина. На что, ожидаемо, последовал молчаливый ответ его спутников, слишком хорошо знавших Тишину, который лишь для проформы интересовался их мнением, когда сам давно решил этот вопрос для себя и для всех. А между тем, эти все, да и не только все, а и сам так внезапно появившийся в жизни

Ростика Тишина, требует для себя представлений (это одно из многих их желаний) или в данный момент, ознакомительного представления.

Как говорит Тишина, любое новое знакомство, как впрочем, и расставание, несёт в себе большую смысловую нагрузку. Они некоторым образом, случаются в самый, предвидено кем-то, нужный и очень важный (почему, это другой вопрос) для тебя момент жизни. Что же касается самой встречи, вылившейся в очень смутное для Ростика, по большому счёту без памятливого знакомства с Тишиной, то по этому поводу, сам Тишина как-то неопределенно сказал, что всему своё время и место, и что для Ростика это будет большим сюрпризом.

– В общем, все слагаемые оказались в нужном месте, в нужное время и, в общем, знакомство произошло. А остальное, пока что не важно. Ну, а если важно, то ты со временем сам узнаешь насколько это неважно. – Детализация Тишиной их с Ростиком знакомства, ещё больше напустило тумана, но Ростик сам не ведая почему, но остался удовлетворенным этим ответом его нового знакомого.

– Ах да, насчёт слагаемых. – Обернувшись назад, Тишина внимательно посмотрел на сидящих по разным сторонам от Ростика Мару и Комашу. А ведь такое положение вещей или будет вернее сказать, расположение в салоне автомобиля внутри сидящих, где Ростик, не просто случайно оказался, а определенно по какому-то стовору был усажен между этими замечательными особами, было несколько необычным. Но Ростик больше удивлялся не всему с ним происходящему, что для него теперь было, как в порядке вещей, а тому, что он не удивлялся этому. При всём при этом, его такое занимательное место сидение между этими очень внимательными к нему особами, не ограничивалось простой плечевой притертостью к ним. И стоило ему только занять своё место внутри машины, как его руки тут же оказывались вложенными в руки Мары и Комаши.

Трудно было понять, с чем было связано это их такое ручное поведение по отношению к Ростик, который, как и в случае с Тишиной, очень туманно помнил их первую встречу. Хотя на этот раз, он всё же помнил один, скорее всего самый первый момент их встречи, который и запомнился ему с их протянутыми к нему руками. Ну, а лежащему на спине Ростик, ничего не оставалось делать, как ухватиться за это двойное предложение, после чего он и был притянут к ним, а вот куда, то он опять не помнит. Ну и видимо эти две спутницы Тишины, решили взять над ним шефство и поэтому, придав символизм своему ручному действию, таким образом, повели его по жизни.

Что же касается частностей, самих рукопожатий, то холодная, можно сказать мёртвая хватка Мары, по сравнению с теплотой сжатия руки Комаши, объективно меньше приносила радости Ростик, отдававшему предпочтение Комаше. Правда при этом Ростик, на интуитивном уровне чувствовал, что захоти он вырвать свои руки из ручной цепкости своих соседок, то, пожалуй, ему будет куда трудней вырваться из рук Комаши, нежели из рук Мары.

– Вот наша Мара. Как думаешь, почему она в таком скрывающем её лицо наряде? Думаешь, что она малосимпатичная и поэтому прячет своё лицо? – мысленно заглянув под Марин капюшон, Тишина начал олицетворять своё видение Мары, которая при этих его словах, до боли сжала руку Ростика. – Конечно, ты понимаешь, что всякая одежда несёт в себе определенную функциональность, которая служит для её носителя, тем или иным целям. И получается, что Мара, избрав для себя такой мало приглядный наряд, тем самым решила подчеркнуть свою основную черту характера, таинственность. Да всё так. Да и к тому же она у нас очень стеснительная и поэтому не слишком любит смущать своих поклонников, которых у неё, не смотря на её такую застенчивость, и не сосчитать. – Тишина осёкся, заметив требовательную неуловимость в движении капюшона Мары.

– Да-да, я оговорился. Конечно, сосчитать. Я же знаю, как ты любишь подводить счёт или итог. Где надо отдать тебе должное, с тобой никто не сравнится. – Тишина заметив, что

капюшон Мары слегка расширившись, таким образом, выказал своё удовлетворение её похвалой, вновь продолжил ознакомительный экскурс.

– К тому же Мара всегда во всем пунктуальна, чего она также требует от всех, с кем ей суждено встретиться. Ну, а пунктуальность предусматривает не забывчивость и внимательность, которую как раз несёт в себе всякая неизвестность и таинственность. Вот поэтому-то она, наверное, и скрывает своё лицо под капюшоном. Что и говорить, умеет она своей не броскостью вида заворожить собой человека. Впрочем, человек может не слишком беспокоиться на счёт неё. Она ещё никогда и никого не обходила своим вниманием, проходя мимо. Поиграется, – а она или вернее с ней, очень любит играть, и млад, и стар, – да бросит. А вот куда, пойдешь потом разбери. Что даёт всем этим игрокам по жизни повод задуматься над этим жизненным фактом. Впрочем, они так и не думают. – Тишина замолчал, дав возможность любопытному Ростиксу сделать попытку заглянуть под капюшон Маре. Но явно бдящая за ним, однозначно ревнивая Комаша, усмотрев эту попытку Ростика завязать более близкие отношения с Марой, уцепившись за палец Ростика, вернула его в нейтральное положение на сиденье.

– Ну, а что касается нашей Комашы. – Тишина потянувшись, и что есть силы, вытянувшись на своём месте, уже не поворачиваясь, а наблюдая в зеркало заднего вида за сидящими сзади слушателями, продолжил своё введение в курс дела. – Она хоть и приходится большой родственницей Маре, но как говорится, не по основной родственной линии, а скорей, по надуманной кем-то линии. В чём постоянно убеждаешься, наблюдая за их такой непохожестью. И если Мара, держащая и скрывающая всё в себе, в своей изнанке, по большому счёту интроверт, то Комаша, вся как на ладони, смотри, не хочу (а посмотреть очень даже хочется), определённо такой весь из себя экстраверт, что как завертит, то не очухаешься. Да и заворожить она не меньше чем Мара умеет, попробуй потом оторви от неё такой обворожительной, свой никчёмный взгляд. – Засмеялся Тишина и своим смехом поколебал внутреннюю обстановку салона автомобиля. На которую, живо, примерно в таком же волновом диапазоне откликнулась Комаша, принявшаяся так волнующе для Ростика смеяться в ответ. Что в свою очередь теперь задело не менее ревнивую Мару, которая, не заставив себя ждать, холодом обдала руку Ростика и через неё донесла до сердца Ростика своё ледяное отношение к такой его внимательности к Комаше.

– Ладно, не буду больше вводить в краску наших, как я их называю, будущих спутниц по жизни и ... – резко дернувшийся с места автомобиль заставил Тишину осечься, и вместе с вернувшимся из своего памятливого воспоминания Ростиком, обратить своё внимание на Точа. Который, как со слов Тишины вспомнил сейчас Ростик, в их компании нёс весьма важную функцию определения вероятных измерений и перемещений.

– Точно. – Улыбнулся тогда в ответ Точь, чьё имя, скорее всего, было не природного неосмысленного происхождения, а через частое употребление Точем этого «Точно», создало себя само.

– Куда скажешь, туда и поедём. – На этот раз Точь был более многословен.

– Ну, а что, может, поедём искать принципов? – вновь, скорее всего спросил себя, нежели кого-либо другого, Тишина.

– А кто это такие? – не поняв конкретики целевого назначения этого именованья, спросил Тишину Ростик.

– Ну, это очень замечательная в своём внешнем выражении своего внутреннего я, классификационная модель человека. Вообще, мы для облегчения выполнения своих задач, уже давно, в зависимости от преобладающих в человеке мнений, от классифицировали его, и в зависимости от его зависимостей, распределили людей по группам. Ну, а упомянутые мною принципы, так это те, о которых ты наверняка слышал или, скорее всего, они сами о себе, где-нибудь в подходящем для такого рода заявлений заведении громко объявили: «Это дело, принципа!». После чего, из этого самого, не понятно что за принципа, уже разбивается и ломается

ется, но почему-то не строится, всё, что может разбиться и даже то, что до этого момента даже не представлялось. Вот эти-то люди-принципа или ментально к ним близкий человек-кредо, и представляют для нас забавный, а для всех остальных, повышенной опасности интерес. – Тишина, закончив свою речь, полез в карман и, вытащив оттуда записную книжку, принялся что-то в ней изучать.

– А может ему с дороги, лучше для начала немного расслабиться и перевести дух. – Неожиданно для всех, с предложением выступил Точь, заставив Тишину отстраниться от его записей и внимательно посмотреть на Точа. Насмотревшись на которого, Тишина перевёл свой взгляд на Ростика, где он немного понаблюдав за ним и, вернувшись к Точу, спросил его:

– Ты, так думаешь?

– Точно. – Не разочаровал с ответом Точь.

– А мне, кажется, что он выглядит даже вполне сносно. – Ответил Тишина.

– Ты сам знаешь пределы вероятности «кажется». – Со знанием технических терминов, убеждающе говорит в ответ Точь.

– Ну, я не знаю. – Тишина решил немного поломаться, раз так противно не знает.

– Точно знаешь. – Следует ответ Точа, и точно, Тишина в одно мгновение взволновав всех, начинает очень ёрзающе быстро перемещаться на своем сидении и отчаянно жестикулируя, излагать план их дальнейших действий, который ему, глядя на Ростика, тут случайно в ухо влетел.

– Как говорится, перед дорогой неплохо было бы посидеть, ну а по прибытии, сам бог велел. – Предварил свой великолепный и главное очень своевременный план действий Тишина. – Ну, а наш гость, как я вижу (Тишина ещё раз бросил мимолетный и говорящий «Не бойсь, я сразу всё заметил», взгляд на Ростика), определенно, после того, что он пережил (ну а любая жизнь, это прежде всего путь или дорога), несомненно нуждается в небольшом отдыхе с этой его дороги.

– А... – попытался было спросить Тишину Ростик, но тут же был перебит им.

– Парень, не спеши открывать рот. Вначале внимательно прислушайся к окружающему, пойми, что оно тебе несёт, а уж затем, исходя из услышанного, задавай вопросы или во всё горло кричи. Мы уж точно тебя услышим. – Отечески урезонил Ростика Тишина, после чего он открывает бардачок и, порывшись там, достаёт оттуда глянцевого журнала. Который, само собой, требует от него для себя внимания, с коим Тишина, совсем не надолго, вникает в него. Когда же это ненадолго заканчивается, Тишина, озарённый полученной информацией, вновь даёт ход своей говорливости.

– Что ж, я думаю, что будет неплохо, если мы совместим приятное с полезным и проведем вечер с пользой для всех нас, откликнувшись на благотворительный вечер, проводимый ради спасения... – Тишина, видимо запамätовав, кого там спасает этот вечер, заглянул обратно в журнал, который, судя по его невразумительному выражению лица, не дал ему ответов, и Тишина, недолго думая, сам дал ответ за этих купцов от благотворительности.

– Ну, тут в голову приходит только одна внушенная кем-то мысль. Спасение утопающего, дело рук самого утопающего или в другой интерпретации, спасти себя, сможет только сам этот «себя». В общем, уже одно осознание этого правила, даёт шанс на спасение, ну а если его даёт этот вечер, то почему бы и нам не заглянуть на него. – Сделал вывод Тишина и, повернувшись к Ростик, обратился к нему.

– Ростик, как ты на это смотришь? – спросил Ростика Тишина, протягивая ему журнал с анонсом этого благотворительного вечера. Ростик же, в свою очередь берёт протянутый ему журнал и начинает изучать глядящие на него предложения, которые не понятно почему, но Ростик, кажутся памятно очень знакомыми. Что, в свою очередь, вынуждает его ещё раз пробежаться по всем предложениям и ссылкам этого объявления о благотворительном вечере и, пожалуй, убедиться в том, что он где-то уже слышал и даже вроде бы читал об этом вечере.

– Что, какие-то есть сомнения? – заметив неуверенность в глазах Ростика, спросил его Тишина.

– Есть немного. – Ответил ему Ростик.

– Ну, немного, не страшно. Да Точь. – Усмехнулся Тишина.

– Точно, как и то, что ты будешь и сам совмещать приятное с полезным. – С подковыркой согласился Точь.

– Поговори мне ещё. – Тишина бросил серьёзный взгляд на Точа.

– А разве этот вечер проводится сегодня? – всё также в чём-то неуверенный, с сомнением спросил Ростик.

– Для нас не существует ограничительных обстоятельств времени. Здесь нет, ни сегодня, ни вчера и даже позавчера. Мы живём настоящим, где существует всё и сейчас. Да Точь. – Теперь уже командно спросил того Тишина, на что тот только кивнул головой и, установив только ему известную позицию на рычаги управления не совсем обычного автомобиля, предупредительно гаркнув: «А ну держись!», – вдавил то, что и не дало возможности ещё не совсем привычному к таким перемещениям Ростик, даже моргнуть (что говорит о наличии турбированного двигателя под капотом этого автомобиля).

Ну а когда он вновь выдохнул от своей придавленности, вызванной скорее умственной отсталостью, живущей внушённой ему его прошлыми поездками на авто, которые в случае резкого ускорения стараются вдавить пассажира в его место сидения, то лишь тогда он смог обнаружить, что они сейчас находились в каком-то подземном паркинге.

– Всё, приехали. Выходим. – Дал команду открывший свою дверь Тишина. На что у сзади сидящих произошло очередное молчаливое препирание, в виде перетягивания рук Ростика, где каждая из участниц соревнования, стремилась к тому, чтобы Ростик проследовал вслед за ней. О чём скорей всего не забыл Тишина, и он, повернувшись к ним, строго посмотрел на вдруг притихших, но так и не отпускающих своих рук Мару и Комашу.

– Вы, я смотрю, всё не успокоитесь. Значит так, на мой счёт «три», отпускаете руки. Ну, а та, кто проигнорирует меня, то я ей не завидую. – Произнёс своё предупреждение этим строптивцам Тишина и, приподняв ладонь своей руки, загибая пальцы, принялся считать.

– Раз. – Тишина внимательно посмотрел на Мару, которая как почувствовал Ростик, крепко сжала его руку.

– Два. – Тишина перевёл свой взгляд на Комашу, тоже продемонстрировавшую свою крепость рукопожатия.

– Три! – К удивлению Ростика, обе его спутницы одновременно отпустили его руки. После чего они, под пристальным взглядом Тишины, слегка насупившись, выходят из машины и, остановившись у открытых дверей, покосившись на Ростика, с трепетным вниманием ждут, через какую дверь он захочет выйти наружу. Что не проходит мимо внимания Тишины, и он, видимо хорошо зная ревнивый нрав своих спутниц, отдаёт команду находящемуся в нерешительности Ростик.

– Значит так. Для того чтобы не было обид. Ростик будет соблюдать очередность выхода из автомобиля. И начнёт он... – и не успел Тишина договорить, как Комаша, возмутительно стукнув каблучком туфли об землю, тем самым перебила его мысль. Что заставляет Тишину пристально посмотреть на Комашу, чьё провидение не дало себе соврать и нашептало ей о вероятности неблагоприятного для неё решения Тишины.

– Я вижу, что у нас есть недовольные. И как понимаю, как всегда придётся прибегнуть к жребии. – Доставая из кармана монетку, произнёс Тишина. После чего он, недалеко отходит от машины, и когда вокруг него образуется символический круг из присоединившихся к нему Мары и Комашы, то удерживая указательным и большим пальцем руки большую серебряную монету, начинает знакомить с её сторонним содержанием внимающие ему лица конкурирующих сторон.

– Ну что, убедились, что монета содержит орла и решку. Ну, а какая кому сторона принадлежит, то мы уже тянули спички. Ну что, закрывайте глаза, я бросаю. – Сжав в кулаке монету, Тишина дал команду этим таким заглянувшим и дай им только возможность сглазить особам. После чего Мара и Комаша, опять же одновременно, прикрывают свои глаза ладонками, на которые Тишина по очереди прикладывает ладонь своей руки. Ну, а как только печать наложена, он подкидывает вверх монету, которая сделав несколько оборотов в воздухе, очень ловко подхватывается Тишиной. И не успевает он зажать в руке монету, как печать с лиц Мары и Комашы сорвана, и они уже полные нетерпимости, испепеляют сжатую в кулак руку Тишины.

– Опять торопитесь. – Недовольно заявляет Тишина, так и не спешащий раскрыть свою ладонь. И он, видимо, решив их проучить, начинает водить руку слева направо, пока брошенный им случайно взгляд в сторону машины, не заставляет его застыть на месте, а вслед за этим засмеяться. Что, в свою очередь, вызывает недоумение у этих особ, ожидавших от него чего другого, но только не смеха в лицо.

– Должен вас разочаровать, но наш спутник решил не полагаться на судьбу и сам выбрал для себя путь. – Разбавил свой смех словами Тишина, заставив Мару и Комашу, бросив его на произвол своего смеха, резко развернуться в сторону машины, и уже там убедиться в правоте заявленного Тишиной.

– И кого он выбрал? – выразительно читалось в этих нетерпениях Мары и Комашы.

– Себя. – За Ростика ответил ко всем фрондирующий Точь. – Я его пропустил через дверь Тишины. – Усмехнулся Точь, которому, скорее всего, доставляло удовольствие путать все планы этих таких расчётливых особ. А ведь как не им так полагающимся на судьбу и имеющим в своём распоряжении случай, которым они пользуются, как ластиком, стирая все шероховатости, не позволяющие или мешающие им достичь намеченной цели, должно быть известно, что всякая расчётливость в плане выбора (даже их дорог), не слишком вяжется с вероятностным подходом к жизни.

– Ну всё, он сделал свой выбор. Чего вам ещё надо? Ну а мы сюда приехали не для того чтобы здесь на парковке перепираться. Всё, пошли, нас ждут. – Взяв за плечи, в очередной раз насупившихся Мару и Комашу, Тишина выдвинулся с ними в сторону выхода, когда как Ростик, присоединившись к Точу, вместе с ним проследовали вслед за Тишиной. Дальше они минуют этот подземный гараж для машин и оказываются у лифта, куда все и помещаются, для того чтобы воспользоваться его возможностями по доставки их на нужный этаж.

– Для начала едем на самый верх. – Не дожидаясь вопросов, ответил Тишина, нажимая самую большую цифру на табло лифта. После чего лифт признательно всем подмигнув, выключил на мгновение свет (во время которого Ростик, на тоже мгновение ощутил лёгкое дыхание у самого его уха, которое нашептало ему, что она, обладатель этого дыхания, не обижается на него) и, совсем чуть-чуть подтолкнув снизу, поехал вверх.

– Что Мара, волнительно ехать в обратную сторону. – Усмехнулся Тишина, поглаживая на всех сверху вниз. На что Мара ничего не ответила, но было видно, как она ещё сильнее сжала поручень у стенки лифта. В свою очередь, не сводящая своего взгляда с Ростика Комаша, вносила свои уточнения в его понимания сути вещей, и его, и её места в них.

– Ты слышал, что я тебе сказала? – читалось в прекрасных глазах Комашы.

– Угу. – Кивает ей в ответ Ростик.

– Будь со мной, и я не дам тебя никому в обиду. – Вкладывает свои слова в голову Ростика Комаша.

– А мне разве что-то угрожает? – приподняв брови кверху, спросил её Ростик.

– Она. – Комаша строго посмотрела в сторону Мары.

– Я смотрю, кто-то решил мою нишу беззвучия занять. – Вновь взял слово Тишина, обводя своим взглядом эту стоящую вокруг него видимость молчания. – Правда, судя по вашим испытующим моё терпение лицам, установившаяся тишина слишком уж говорлива. А это, я по

своему благоразумию допустить не могу. Вот ты, Комаша. – Тишина обратился к носительнице этого имени, которая недовольно вздёрнула свой носик по направлению Тишины.

– Ты уже определила для нас нашу видимость появления? А? – Спросил её Тишина, внимательно вглядываясь в подковёрные или вернее будет сказать, под её хрустальные игры, в плане приготовлений к выходу в свет.

– Конечно! – Прочитал в её глазах Тишина.

– Хорошо. Но ты, я надеюсь, не приготовила для нас никакого сюрприза? – Тишина со своей стороны имеет право на сомнения, когда рядом стоит очень верная себе Комашина конкурентка Мара.

– Нет или да. Не знаю, твой вопрос не слишком понятен. – Лёгкая, под проницательным взглядом Тишины растерянность Комаша, выдаёт её с головой, вызывая у Тишины покачивание в упрёке его головы.

– Ай-яй-яй. Я так и знал, что ты не преминешь воспользоваться своим положением и чего-нибудь такое отчебучить. – Заявил ей Тишина.

– Но вы ещё не видели мой вариант вашего себя. – Блестят в ответ глаза Комаша, и Тишина, не выдержав её взгляда наполненного надеждами, заявляет: «Ладно, посмотрим», после чего отворачивается в сторону дверей. Которые, как только звучит сигнал прибытия, открываются и все прибывшие на этот панорамный этаж, какого-то общественного центра, выходят. Что же насчёт самого этого центра, то им может быть что угодно в этом мире сообществ людей, которые жить не могут без того, чтобы не объединяться друг с другом, уже хотя бы для того, чтобы обособить себя от других, мало понятливых для них без цензовых людей.

– Ну что ж. Прежде чем пойти на этот вечер в ресторан, давайте посмотрим, что для нас на этот раз приготовила Комаша. – Остановившись в коридоре, произнёс Тишина, посмотрев на своих, всё по-прежнему выглядящих спутников.

– Так. Нам нужно зеркало. – Посмотрев по сторонам, заявил Тишина.

– В туалете, я думаю, есть. – Дал подсказку Точь и, Тишина удовлетворённо кивнув ему, ещё раз посмотрел по сторонам, для того чтобы определиться в какую сторону идти.

– Туда. – Как всегда пространственный выбор за Тишину сделал указавший направление хода Точь. После чего Тишина, вооружившись полученными знаниями, устремляется вперёд, ну а все остальные, само собой еле поспевают за ним.

– А-га. Кажись здесь. – Остановившись у значка «00» и, оперевшись в свои ассоциативные мысли, Тишина принялся размышлять над значением этой таблички.

– Ну и чего, долго нам ещё ждать, пока ты надумаешь? – как всегда проявил недовольство Точь.

– А тебе что, приспичило? – недовольно ответил ему Тишина.

– На тебя посмотришь, ещё не то осознаешь. – Точь, как оказывается, ещё тот спорщик и не даёт спуску Тишине, который тут же зримо поосознавал насчёт Точа что-то уж совсем не произносимое, после чего со своим другим надуманьем обратился к ожидающим его спутникам.

– Вам не показалось странным, что данную дверь обозначили не просто нулём, а двумя? – Тишина обвёл своим взглядом явно не задумавшиеся над этой нулевой дилеммой лица своих спутников. – Что они этим хотели сказать? Что ты человеческий ноль, не подумал, что смотришься в зеркало, а так, сразу два, подсказывают, чтобы ты смотрел в оба и не ошибся дверьми. Ну, а может я всё-таки заблуждаюсь и не понимаю настоящего потайного смысла того числа, которое получается при суммировании этих, не просто двух числовых, а человеческих нулей. И два человеческих нуля, всегда нечто большее, нежели два цифровых нуля. А они... – На этот раз Тишине не дал договорить один из этих нулей, который обнулив себя в этом помещении, не учитывая фактора присутствия за дверьми Тишины, беззаботно открыв дверь, таким образом, нарушил мерное течение его мысли.

– О-па! – Столкнувшись на выходе с таким вниманием к собственной персоне, этот нуль ещё больше сжался и в каком-то запиночном настроении, и заплетении своих ног, еле протиснулся сквозь эту внимательность к себе со стороны непонятно, что за публики. И даже тогда, когда этот человеческий нуль, казалось бы, расстоянием обезопасил себя, и с которого он, оглянувшись назад, хотел посмотреть на них, то, как оказалось, эта странная компания, так и оставалась стоять на месте, и всё смотрела ему вслед.

– Да что ж такое со мною не так? – покрылся ознобом этот нуль, в десятый раз рассматривая свои брюки и, теребя замок на штанах.

– Как это всё понимать?! – закрыв собою впечатлительную супругу своего товарища по партии, встал на пути этого, не просто нуля, а определённо неустойчивого и аморального типа, моралист и главное, как уже три года трезвенник, занимавший здесь в гостинице один из люксовых номеров, депутат Дубровский.

– Это всё они. – Полностью потеряв покой и контроль над собой, этот нуль повернулся назад, чтобы ручным способом указать на причину его такого двусмысленного поведения. Но к его удивлению и совсем не к удивлению депутата Дубровского, насквозь видевшего людей, в которых, по его мнению, нет ничего достойного уважения, а одна только подлость и эгоизм, там уже никого не было.

– Мне ли подлецу и подонку не знать всю человеческую подноготную. Да если хотите знать, я первой гильдии козлина. – В самом близком депутатском кругу, в своей фракционной бане, не справившись с излишками принятого внутрь, которые развязали Дубровскому язык, он подвергал себя самокритике.

– Ну ты Дубрович и падла. – Не выдерживает такого бахвальства Дубровского, носитель партийного билета под номером один, руководитель фракции Троекур. – С какой это стати, ты причислил себя к первой депутатской гильдии. Ха-ха. Да с твоим суконным рылом, только во второй гильдии нажимать кнопки.

– Ну, а мне здесь видится куда более глубокий смысл. А не утаил ли Дубрович от нас свои доходы, раз он так громогласно причисляет себя к первой гильдии? – суровый взгляд казначея партии, погружает всю сидящую в парной депутатскую компанию в ещё большую парную неизвестность, заставляя от волнения, ещё больше раздуться их и так не маленькие животы. Ну а из парной, как потом рассказывали Дубровскому, его удалось вынести только после того, как ему намяли бока и как следует, пропарили. После чего он, уже как три года, две недели и пять часов, как не пьёт.

Но эти воспоминания Дубровского остались при нём, так и не достигнув ушей, как этого, стоящего перед ним нуля, так и компании во главе с Тишиной, которая не задумываясь о последствиях, вся без остатка вошла внутрь этого нулевого помещения.

– А здесь не так уж плохо. – Осматривая внутреннее помещение этой, не такой уж и маленькой комнаты с двумя нулями, сделал вывод Тишина.

– Да, здесь всё есть для удобства своего времяпровождения. – Нажав на кнопку слива, отметилсЯ Точь.

– Ну что, не будем зря терять время и посмотрим, что сегодня для нас приготовила Комаша. – Посмотрев на Комашу и на висящее на стене зеркало, сказал Тишина.

– Да-да, дорогая, начнём с тебя. – Обнаружив нерешительность упомянутой Комашы, Тишина поспешил её успокоить и таким образом, заявить, что ей не отвертеться от своей первой демонстративной роли. На что Комаша, так хмыкает, как будто её уличили не в том, что есть на самом деле и, вздёрнув подбородок, а также вместе с ним свой и так задиристый носик, подходит к зеркалу, сбоку от которого стоял Тишина. Что сразу же заинтересовало и всех остальных, поспешивших присоединиться, пока что только к Тишине.

– Ух. – Только и смог что произнести Тишина, посмотрев на Комашу в отражении зеркала. Правда это «Ух» одновременно возникло внутри у каждого из здесь стоявших и взирав-

ших на это зеркальное отражение Комаши людей. Так это «Ух», очень чесалось на языке у Ростика, почувствовавшего себя в смятении от увиденного отражения Комаши, и не понимавшего, как это он до этого момента не замечал в ней всего этого, что, как в сказке – ни пером не описать, ни ...и так далее. Что касается Точа, имевшего глаз алмаз и, смотрящего на мир с технической стороны, то такого рода восклицания, у него всегда возникали при виде отсутствия изъянов или другими словами, совершенства.

Ну и конечно Мара, которая в отличие от всех них, не ограничилась данным восклицанием в единственном числе, а добавила к нему ещё одно «Ух», тем самым получив «Ух-ух». Ну и плюс ко всему, прибавила своё «Ну-ну».

Пока же все эти вольные зрители любовались, анализировали и даже критически замечали недостатки внешнего вида Комаши, сама она, не могла устоять на одном месте и, кружась вокруг своей оси, навлекала на себя ещё больше восторженности во взглядах мужской части компании.

– Значит, ты сегодня решила предстать перед нами в самом своём восхитительном наряде – мечты. – Уперевшись подбородком об подставленный снизу кулак (видимо для того чтобы придержать рот и не сболтнуть лишних восторженных слов), улыбающийся Тишина, знает, что говорит и тем более, на что намекает.

– А что, разве нельзя? – очень открытый и броский взмах платья Комаши, служит ответом всем им.

– Можно, но ты же знаешь, что меня не может не заботить нравственное здоровье нашего подопечного. Да и какотреагируют на тебя более чувствительные сердца, встретившие тебя на своём жизненном пути. – Покачал в ответ головой, такой заботливый Тишина.

– А меня не заботит и тем более не волнует! – Новый взмах платья Комаши размечает все подозрения на счёт её благоразумности и пристойности поведения. А разве ветер, который создает тот полёт мысли, возникающий при виде этой чарующей красоты, можно удерживать руками. Вот, то тоже. Ну а как только вы сможете поймать ветер, то тогда и милости прошу на разговор о благоразумии, которое вы теперь безвозвратно потеряли при ловле ветра.

– Что ж, я тебя понял. – Сделал вывод Тишина, после чего переводит свой взгляд на Ростика и, ухватив одной рукой Комашу, а другой Ростика, меняет их местами. Где теперь уже настает очередь Ростика предстать на суд этой публики, чью новую видимость ему предоставил в своё распоряжение, плетущий не только наряды на выход, но и физиологию внешнего вида, местный кутюрье Комаша.

– А я, знаешь ли, совершенно не удивлен. – Как всегда, первое слово взял Тишина, косясь на принявшую серьезный вид Комашу. – И ты как встречающая сторона, не поскупилась и не пожалела для нашего гостя ничего, предоставив в его распоряжение самую незаметную и не примечательную внешность. Ты видимо решила, что ему будет удобней, если его не будут доставать любые внешние отвлечения на себя и тем самым, он сможет спокойно посмотреть на мир.

Что же касается Ростика, смотревшего в своё отражение зеркала, то он, как не пытался в нём что-то новое увидеть для себя, то так и не сумел. Ну, а все эти фантазии его спутников на счёт него, да и на счёт себя, то он не собирался их оспаривать. В конце концов, сколько людей, столько и мнений, и если им так нравится вносить ясность в окружающее, а судя по всем их поступкам, они только и делают, что этим занимаются, то пускай и делают, что им так нравится.

– Ну а моё дело сторона. – Решил про себя Ростик, пока толком не разобравшийся, где его сторона и с какого боку ему лучше стоять.

– Угу. – Качнулась в ответ Комаша, заставив Тишину закончить осмотр Ростика и перевести свой взгляд на Мару, чей независимый и неприступный вид, говорил, что, пожалуй, к ней нужен особенный подход, где она в любом случае останется при своём мнении и виде. Что, в общем-то, для всех кроме Ростика не ново, и Тишина, прежде чем перейти к самой важной

части представления, то есть к себе, лишь только резюмировал (и то для Ростика) эту данность Мары.

– Ну, а нашу Мару, как ни старайся, ни с кем не перепутаешь. Она имеет свою, с любого места и точки заметишь, и что главное, печенками осознаешь эту её приметливость, которая всегда заставляет нас глубоко задуматься и поговорить о ней. Что и говорить, умеет она разговаривать всякого встретившего с ней лицом к лицу человека, даже несмотря на его крайнюю необщительность. – Тишина, воздав Маре должное, вновь посмотрел на Комашу и, переменив или лучше сказать, поигравшись со своим лицом, которое несколько раз от грусти до радости посменялось в своём выражении, заговорил о себе:

– Ну что ж, настал мой черёд. Посмотрим, что ты мне приготовила.

После чего Тишина, руками театрально прикрывает свои глаза и, подойдя к зеркалу, останавливается, где после небольшой паузы, выдержав себя в нетерпении, открывает глаза.

– Хм. – Первой реакцией на свой вид, конечно, было это звуковое сопровождение Тишины своего очень приметливого прищура.

– Я уловил твою мысль. – Посмотрев в отражении зеркала на Комашу, сказал Тишина. – Это то самое лицо, которое все неуловимо как бы знают, но в тоже время и не знают. Но при этом у всех присутствует внутренняя убежденность в том, что это лицо очень важное и скорей всего, принадлежит, как минимум, кукловоду продюсерского звания. Я верно говорю. – Нахмутив брови, Тишина грозно посмотрел на своих спутников. И если эта его грозность, у Комаша и Мары, да и в общем, и Точа, вызвала улыбку на лице, то Ростика накрыло непреодолимое ощущение того, что он где-то (не иначе в новостях), это лицо уже видел.

И если внешний вид Комаша, из-за присутствующей в ней иллюзорности, накрывшей всякое понимание Ростика, не поддавался чёткому, как словесному оформлению, так форменному очертанию, а вездесущая Мара, со своим эзотерическим обращением к своей видимости, скорей виделась душой и сердцем Ростика, нежели глазами, то Тишина, определенно приобрел относительную физику тела. Хотя физика его тела была так себе (видимо их не свойственность обращения с этой материальностью даёт знать) и где посмотришь на него, только, что и сможешь сделать, как плюнув даже на чистый пол, с горечью заявить:

– Продюсер, твою мать.

После чего следует его так называемая акклиматизация под сводами этой новой внешности, чьи возможности, – надуванием щёк, показыванием языка и даже шевелением ушами, – не отходя от зеркала, и опробывает на себе Тишина. Ну, а когда лицевые мышцы полностью разработаны и Тишина понял, где, как и что на его лице находится, то вслед за этим, своя очередь доходит до всех остальных частей тела. И они, не оставшись в стороне, под надзором Тишины попрыгали на месте, покрутились по сторонам и само собой, и по вспучивали живот. В общем, из всего его такого на первый взгляд безалаберного поведения, можно было сделать вывод, что Тишина относился к делу с большей серьезностью и в отличие от своих женских спутниц, делал ставку не только на один свой внешний вид.

– Ну что, осталось дело за малым. – Тишина перевёл свой взгляд на Точа, который в пику к малым словам Тишины, был не то что мал, а даже очень не мал.

– Ну, что сказать. – Внимательно разглядывая Точа, начал размышлять Тишина. – Ну ты, точь-в-точь... (сделал паузу Тишина) Точь. Ха-ха. – Рассмеялся Тишина, подстегнув всю компанию к разрядке, которая никогда не помешает, даже в таком ответственном деле, как приготовление к выходу в какой-нибудь свет. Ну, а как все не знают, а только догадываются, то свет, это такое, в общем, затруднительное в понимании, неоднозначное спектральное явление, о котором в точности известно лишь одно – он больше светит, нежели греет.

Ну, а если в нас возьмёт своё слово придирчивый ко всему исследователь, то мы, разложив свет на свои физические составляющие и, сопоставив их с другой физикой тела, под этим же бытующих у них названием «высший свет», будем вынуждены признать, что он не то что

бы однороден, а он даже и близко не стоял к своему во всех планах единству. Но такова природа всякого света, который только через совокупность своих разнородных и разнообразных составляющих, и позволяют ему, как по-своему светить, так и называться.

Ну и само собой, отдельные пучки этого света, которые мельком проносятся в нём, и которые, видимо, учитывая такую высокую скорость движения света, понимают, что для того чтобы вас заметили в нём, то для этого нужно почаще показываться. И тогда примелькавшись, а по-другому при такой скорости не получится выглядеть заметно, ты и начнёшь ассоциироваться с этим светом. Вот наверное почему, все эти пучки известности или публичные люди дома не живут, а перемещаются с одной телевизионной площадки на другую.

Да и, наверное, именно поэтому свет иллюминации так близок сердцам носителей этого света, ведь он создает иллюзорность, которая и позволяет, как прикрыть ваши недостатки, так и продемонстрировать с нужного ракурса все ваши достоинства.

– Ну всё Точь, ты точно достал. – Всё не унимается Тишина, чьи шутки так себе шутки, но их теплота греет душу, и оттого они находят понимание в потрясывающихся от веселья и частично от смеха, животах его слушателей. Но не успел Тишина от своего веселья образумиться, как входная дверь открывается и на пороге туалета, перед лицом всей честной компании оказывается ещё один нуль, который, явно без всякого преувеличения, спешил только по своим, не требующих промедления частным делам. И он, будучи уверенным в том, что сейчас сумеет успеть (а уверенность ему придала не запертая на засов дверь, которую не утрудился прикрыть за собой никто из вошедших), что с первого удивленного взгляда стало понятно, не ожидал здесь никого, не то что увидеть, но и встретить, и уже в некотором предощущении ворвался сюда.

– Во как! – И если Тишина должно вслух среагировал на появление здесь нового лица, то тот в свою очередь, не сумел ничего сказать, а замерев на месте, со своим особым лицевым выражением, где сквозил открытый рот, из которого (не хватило сил) наружу не вырвалось ни одного слова, всем своим видом олицетворял изумление.

– Ну, чё встал. Проходи, не стесняйся. – Ответил за всех Тишина, который, по всей видимости, только один придавал значение этому новоявлению, когда как все другие и каждый в отдельности, занимался сам собой. Но вновь прибывший, было явно видно, что он что-то особенное задумал, раз, стоя в совершенно неподходящей для удобного стояния в переходной позиции, от бега к ходу, совершенно не реагировал на любые призывы Тишины.

– Я понял. – Тишина, стукнув себя по лбу, пришёл к разгадке, которую своим видом задал этот вновь прибывший нуль. – Ему нужна своя особенная тишина, в которой только его глубокая мысль будет тем шумным фоном, способствующему его деятельному нахождению здесь. Так что всё, заканчиваем прихорашиваться, и освобождаем помещение. – Тишина принялся шлепками подбадривать своих не спешащих спутниц, чьи взоры, для того чтобы они были более притягательны, должны были зарядиться магнетизмом, которое, как все знают, излучает всякое зеркало. Так что нет ничего удивительного в том, что они постоянно вертятся у зеркала, и их от него только с трудом можно оттащить. Ну а мужской половине, всегда полагающейся на нечто другое, не грозила такая опасность, и они без лишних напоминаний, подвинув в сторону эту онемевшую и застывшую статую бегуна, вышли в коридор гостиницы.

– Ну что ж. Пойдёт на красную дорожку, торговать лицом. – Выйдя вслед за всеми, Тишина озвучил свои планы на сегодняшний день. После чего вся компания неспешно направилась обратно к лифту. Ну, а пришедший в себя бегун, тотчас занял свою диспозицию, откуда он, придя в себя, очень эмоционально, не стесняясь в выражениях, бросил им вслед свой приговор:

– Продюсеры, твою медь!

Глава 3

Красная дорожка, всегда предтеча скатерти-дорожки.

– Глядя эту красную дорожку, по которой не вступала нога простого человека, я вижу в этом глубокий символизм. – Остановившись в холле у парадного входа в ресторан, где было намечено проведение благотворительного вечера, размышлял Тишина. Ну, а задуматься ему не то что хотелось, а пришлось, глядя на то, как красуются перед отодвинутой за ограждение и падающей от экстаза в обморок публикой и фотографами, поднимавшиеся по этой ведущей в ресторан дорожке, вновь прибывшие люди не люди, а как они называли себя, просто звёзды.

– В нашем случае, красный цвет уже давно не ассоциируется с красивым. Нет, здесь ему больше ассоциативно подойдёт цвет крови, без пролития которой, в прямом и переносном смысле, тебе никогда не оказаться здесь. – Тишина оскалился в улыбке в ответ на кивок мимо проходящей, с трудом забыл, что за звёзды.

– Кто это? – спросил питающий страсть к любопытству Ростик.

– А я почём знаю. – Пожав плечами, ответил Тишина. – Хотя почём, я не только знаю, но как продюсер, обязан знать. Ха-ха. Да и посмотри, какие у них хищные улыбки. Нет, что не говори, а травоядным здесь делать нечего. – Сделал окончательный вывод Тишина и, заметив, что они здесь с Ростиком находясь в стороне от важных событий, остались одни, решил, что такое положение вещей негоже. После чего он быстро сфокусировал свой взгляд на толпу и, обнаружив Мару и Комашу, красующихся на фоне тех рекламных обоев, напротив которых всегда впечатляют себя различные публичности, Тишина, кивнув Ростику, направился к ним на выручку.

Ну а эта его выручка, как заметил оставшийся на своём месте Ростик, заключалась в том, чтобы занять центральное место позади них и, обняв их за плечи, с видом монументальной независимости, в которой так и проблёскивают неограниченные возможности сего чело-вечища, позволить запечатлеть себя на обложку какого-то там супер глянцевого сплетника.

– И мне что ли, куда-нибудь протолкнуться? – заскучав на одном месте, Ростик решил не стоять на месте. После чего и вправду пошёл куда-нибудь протолкнуться, без чего здесь, в этом водовороте лиц, задов и информационных поводов, которыми одаривали вновь прибывавшие сюда гости вечера, было сложно сделать. Ну а так как путь вверх всегда несколько сложнее, нежели под горочку, то Ростик, не обладая крепкими локтями, свой выбор остановил на том, чтобы немного спуститься по лестнице вниз. Ну, а там, найдя какую-нибудь свободную нишу среди людей разных профессий, но одного любопытствующего склада ума, окруживших со всех сторон эту лестницу славы, он так уж и быть, попробует втиснуться и понаблюдать.

Что, как оказалось, не так-то легко осуществить, когда на твоём пути встаёт человеческое любопытство, а уж его пододвинуть, под силу только ещё большему любопытству, которым Ростик, судя по всему, не обладал. Так что ему пришлось довольствоваться всеми этими видами проходящих персон, только в том ракурсе, которые ему открыли широкие спины впереди стоящих людей. И как бы Ростик не пытался привстать на носочки, для того чтобы увеличить свои обзорные возможности, ему это не помогало, потому что впереди стоящие, казалось что спиной чувствовали эти манёвры Ростика. А этого они допустить не могли, и сами в это же время поднимались на носочки. Ведь они всё-таки не зря толкались, и значит, должны иметь лучший обзор по сравнению с этим умником, который ничем даже не пожертвовал (отдавленными ногами, порванными пуговицами на рубашке, сбитой причёской и т.д. и т.п.), а таким лёгким способом, тоже хочет всё хорошо видеть.

Впрочем, как бы эти впереди стоящие спины не мудрили, Ростику всё-таки удалось найти сквозную щель, через которую, без большого простора для манёвра для глаз, можно было вскользь, на уровне плеч, увидеть мимо проходящие, блестящие и отдающие (хотя, дабы не вышло недоразумений, нужно уточнить, что контекст употребления этого слова не подразумевает, что либо отдавать) лоском, тела звёзд красных дорожек. Что, в общем-то, для натур прямых, было не слишком уж захватывающим зрелищем. Вот если бы они, не кулуарно, с помо-

щью интриг, а в прямом смысле, во всех этих платьях и на каблуках соревновались по бегу на этих дорожках, то, пожалуй, было увлекательнее наблюдать за этим их бегом с препятствиями.

Ну а Ростик, спустя своё зрительное внимание напечатлевшись, уже было хотел отстраниться от всего этого зрелища, как вдруг, после того как очередное тело, занимавшее весь обзор его видения, прошло мимо, перед глазами Ростика возникло нечто совсем другое, а именно очень внимательно смотрящие на него глаза. И от такой неожиданности Ростик теряется и как делают внезапно наткнувшиеся на неожиданность люди, одёргивается назад, боясь, как бы эта неожиданность не попала ему в глаз. После чего, на мгновение замешкавшийся Ростик, немного успокаивает себя и, собрав всю свою волю в кулак, начинает постепенно приближаться к той обзорной нише, куда он один миг назад и смотрел.

И вот Ростик, чуть ли не зажмурившись, смотрит туда и само собой видит не тот впечатливший его чей-то взгляд, а всего лишь нечёткий силуэт какой-то только что появившейся новой звезды.

– Ладно, подождём. – Решает для себя Ростик и начинает ждать, когда эта проходящая звезда накрутится, накрутится и наделает всего того, чего ей вздумается. Ну и само собой, следуя одному из подлых законов, эта заслонившая Ростика всю видимость звезда, оказалась очень деятельной и думающей особой, которая только что и умела делать, как выводить людей из себя, когда вывести её из себя или откуда либо, было совершенно бесполезным делом. Что и говорить, а это у неё хорошо получалось делать, раз Ростик уже весь взмок, ожидая, когда она утомится и отправится разбавлять собой чей-нибудь фуршетный столик.

– Да когда ты, наконец-то, закатаешься. – Ростик в сердцах даже позволил себе по отношению к звездам кошунственную мысль, которую услышь они, то, пожалуй, ему не сдобровать, и под свист этих звёзд он полетел бы вниз по лестнице. Ну а что он мог поделать, раз не понятно почему, он вдруг проникся навязчивой идеей, увидеть эти глаза напротив, которые не дай бог, из-за этой вертихвостки, возьмут и не дождутся его. Но нет, и стоило только Ростика уже впасть в отчаяние, как звезда освободила проход и тотчас, с другой стороны дорожки на Ростика воззрились эти очень любопытные, все в слезливых блёсках глаза. Правда, сейчас Ростик понял, что при первом взгляде на эти глаза, он впал в пространственную ошибку и что эти глаза напротив, скорее смотрели на проходящих звёзд, чем на него. Ну а то, что они пространственно находились строго напротив него, как раз и дало ту иллюзию, в которой ему показалось, что они смотрят именно только на него. Хотя, как ему кажется, они и сейчас это делают, не сводя своего взгляда с него.

Ну а Ростик в свою очередь, как очень культурный человек, решил, что будет невежливо первым отворачивать свой взгляд от этих изредка моргающих глаз и поэтому не отвернулся. Интересно, как это (не моргание глаз) он сумел заметить, что как кажется, невозможно сделать обычному человеческому взгляду. И вот только не надо говорить, что он у него необычный и обладает особыми свойствами видеть то, что не может видеть кто другой.

– Но он мог им стать. – Обязательно возмутит окружающее спокойствие, представитель нетрадиционного подхода к человеку, поклонник плацебо, какой-нибудь гомеопат.

– Ха-ха. И позвольте вас спросить, когда же он умудрился им стать? – В ответ не даст себя в обиду, любой традиционалист и Фома-неверующий, которому всё покажи, разжуй и на ложечке в рот положи. А на веру, нет уж, ищите других дураков.

– А разве первого брошенного взгляда мало? – Ухмыльнётся в ответ этот хитрый гомеопат и, бросив свой взгляд на севшего в лужу традиционалиста, отправится собирать травы для приворотного зелья.

Ну а Ростик в свою очередь хорошо устроился и, используя свою видимость-невидимость, без всякого смущения принялся довольствоваться этой направленной прямо на него красотой. Правда, спустя некоторое зрительное внимание, его, как человека, уже это не то что не устроило, а этого ему показалось мало, и он захотел непременно обратить внимание этих глаз на

себя. Что, в виду ограниченности его возможностей, не так уж легко сделать. И что мог совершить Ростик, так это только подмигнуть ей, что он и проделал.

– Она меня видит. – Чуть не увлѣк за собой вниз, на пол, впереди стоящую спину Ростик. Ну а ответная, на один медленно мигнувший глазок, реакция тех глаз напротив, не заставила ждать, после чего Ростик, в волнительном смятении, уже увалился на впереди стоящего борова.

– Она мне подмигнула одним. Нет, сразу обеими глазами. – Ухватившись за пиджак спереди стоящего борова, Ростик еле удержался на ногах, не веря своему сию секунднему счастьем ли?

– Э, куда тянешь! – заволновался впереди стоящий, ничего непонимающий в судьбоносных событиях боров.

– Или мне показалось? – Тут же сомнения накрыли Ростика с головой. И Ростик сбитый с мысли, панталыку и со своего наблюдательного места, полный решимости удостовериться в своих подозрениях на счёт владелицы этих глаз, снова пристраивается к наблюдательной нише. После чего с готовностью на большее, бросает туда свой взгляд, который, что и следовало ожидать, натывается уже на другую неожиданность, а именно на чьи-то пугающие все виды, очки какой-то Тортиллы. Что приводит Ростика в оторопь, с которой он резко отстраняется от этой новой неожиданности назад. Затем используя ту же очередность, берѣт волю в свой кулак, и снова заглядывает в нишу, с намерением не увидеть эти очки, которые, как оказывается, сложно не увидеть, если они на своём прежнем месте.

– Вот чѣрт. – Чертыхается после увиденного отчего-то расстроенный Ростик, которому так и хочется надавать пиндюлей ничего не подозревавшему борову, чьѣ нерезонное поведение однозначно спугнуло те глаза напротив, приведя на их место эту Тортиллу. Но борову на этот раз повезло, и его задница не впитала в себя всю крепкую поступь подошв ботинок Ростика, которого вдруг прихватил Точь, и повѣл его (кого все уже потеряли), в проходной холл, разделяющий демонстрационную фото-площадку и банкетный зал, где будет проходить вечер.

– Ну и где вас носит? – Тишина, отстранившись от группы людей, впечатлѣнных близостью к его продюсерской персоне, спросил вернувшегося под его опеку Ростика, который всю дорогу крутил головой по сторонам. И даже подойдя к столь важному человеку, всё продолжал выказывать непочтительность, концентрируя своё внимание куда только можно, но только не на Тишину. Что для столь видного человека, как продюсер-Тишина, очень уследимо, и он даже на миг, что он никогда себе не простит и будет помнить до самого смертного одра, подавшись стадному чувству, тоже покрутил головой по сторонам, пытаясь увидеть то, что мог увидеть Ростик. Но, не зная целей, разве можно это увидеть, и Тишина, смирившись с данностью, спросил Ростика:

– Ну и чего крутим головой. Чего ищем?

На что Ростик, явно вскружив себе голову своими круговыми движениями, не то чтобы сбивчиво ответил на чѣтко поставленный вопрос, нет, он отвечает вопросом на вопрос.

– А каким образом, можно попасть на этот вечер? – спросил Тишину Ростик. И Тишина, хоть и не ожидал такой ответной вопросительности от Ростика, всё же должен был признать, что его озадаченность имеет право на существование.

– На наш счёт можешь не беспокоиться. Мы приглашены. – Ответил Тишина.

– Ну а на счёт других, не приглашенных лиц? – Ростик, не сводя своего взгляда с Тишины, спрашивает его.

– Ну, им нужно всего лишь раскошелиться на входной билет. – Тишина не стал задаваться лишними вопросами: « А зачем тебе это надо?», и сразу ответил Ростик. Но Ростик на этом не останавливается и спрашивает:

– И сколько?

– А тебе какая разница, если у тебя в кармане кот заплакал. – Усмехнулся в ответ Тишина.

– Тогда мне нужен один. – Непонятно на чём основывалась такая уверенность Ростика, но он очень твёрдо и даже уверенно предъявил следующую претензию Тишине. Который в свою очередь, отчего-то не послал его дальше лесом, а как само собой сказал: «Надо, так надо», – и развернувшись, пошёл доставать для Ростика проходной билет.

Кто знает, возможно Ростик уловил в словах Тишины его тайную слабость к этим четвероногим мяукалам, чьёго представителя, очень маленького размера и легко помещающегося в карман, он нередко носил с собой. Ну а как уловил, то дальше дело техники, и Ростик, похлопав себя по карману, таким тонким намёком дал Тишине понять, что если тот прямо сейчас ему не пойдёт навстречу, то кто знает, кто будет следующим плакать над могилкой придавленного в кармане кота Борзыки (это имя он от себя придумал). Ну а продюсер-Тишина, чья жизнь течёт во враждебном ему мире и где ему не на кого опереться, и где он только в этом пушистом скрутившемся в комочек Борзыке видит радость своей жизни, конечно, не может подвергать такой опасности своего друга. И он ради него готов на всё и на билет в том числе. Ну и Тишина отправляется за билетом, а Ростик бросает свой взгляд на ту обладательницу тех самых глаз, которую он всё-таки сумел высмотреть и чья трепетность во взгляде, где читалось желание попасть внутрь, и заставила Ростика быть неумолимым и чуточку беспощадным по отношению к Тишине.

Так что, никакой тут котик не причём и защитники этих смелых, когда они сидят в кармане животных, могут быть спокойны, раз Ростик и не ведал о том, что один из мурлык и вправду занял своё спящее место в кармане Тишины.

Пока же Тишина подгибает колени организаторам вечера, Ростик, имея внутреннюю потребность, что несколько некорректно звучит и лучше сказать, внутреннюю желаемую им самим поколебимость, ничего не может с собой поделать и обращает свой взор в сторону этих глаз, принадлежащих очень привлекательной молодой особе. Ну, а не привлекательной она не могла быть по определению, раз привлекла к себе повышенное внимание Ростика. Ну а он в свою очередь, не мог не привлечь, когда его взгляды на симпатичность и местами на красоту, полностью совпадали с тем, что природа наградила эту привлекательную для него и даже для того, дальше своего живота не видящего борова, девушку.

И, конечно, мы знатоки человеческой красоты, которые видели ещё не ту красоту, вправе требовать, как минимум краткого описательного обзора или хотя бы кратких стрипшкв в её описании, для того чтобы суметь подвергнуть критике всю её симпатичность, которая для нас не такая уж и симпатичность, да и вообще, мы в сто раз лучше видели. Что ж, вполне обоснованное для поднятия собственной самооценки желание холостяка, где её выбор не остановился на нём и обошёл его стороной. Впрочем, выбор пока что сделал только Ростик, не сводивший своего взгляда с этой симпатичной (давайте каждый для себя выберет категорию симпатичности и будет её представлять так, как ему хочется, когда как для Ростика, не отличавшегося большими фантазиями, она была обычная блондинка, со слегка длинным носом и голубыми глазами), а для кого не симпатичной девушки; ведь на всех не угодишь.

Сама же молодая особа, как объект этого пристального внимания, надо признаться честно, мало обращала внимания на Ростика, а прижимаясь скорей всего к подруге, пыталась доглядеться, докричаться, ну и всем тем, чему подвержены молодые категории женского образа, чей рассудок помутнён при виде блеска и яркости на этих красных дорожках.

– Слёз ещё не хватало. – Несколько жестоко прокомментировал эту страсть в глазах симпатичной особы, такой придиричивый Ростик.

– Получай! – В крике расплескались слёзы симпатичной особы, когда на неё и ещё несколько десятков волнительных глаз, принадлежащих, если не фанаткам, то стремящихся к близости к звёздам молодым поветриям, бросила свой мимолётный взгляд очередная разлажмуренная звезда.

– Чего засмотрелся, на, держи. – Протягивая билет Ростику, сбил его с мысли незаметно подошедший Тишина, который судя по всему, и что осталось за спиной Ростика, не просто так спросил его. Ведь Тишина, прежде чем обратиться к Ростику, понаблюдав за этими его целеустремлениями, ну а после того, как всё что нужно прочитал в его глазах, взял и сбил с мысли.

– О-го. Так быстро. – Ухватившись за билет, Ростик принялся рассматривать его. После чего, как-то даже радостно посмотрел на Тишину и, заявив, что век будет помнить, развернулся в сторону тех блестящих глаз, к которым он вспылал некоторыми намерениями. Но не успел Ростик зафиксировать себя в обратном положении, как до Тишины донеслось его восклицание.

– Где? – Не смог сдержаться Ростик, наткнувшись на стену своего непонимания факта очевидного, где мир вокруг настолько быстро меняется, что не успеешь на минуту обернуться, как, раз, и всё изменилось. После чего только и остаётся думать, что лучше бы и не оборачивался, раз тебя там ждёт совсем не то, на что ты рассчитывал.

А всё дело в том, что на месте той симпатичной особы, сейчас находилась, даже не как многие предположили, та самая Тортилла, а всё иначе, и там на её месте находилась другая, правда тоже привлекательная особа, но совсем не та и не то, что нужно было Ростику (какой привереда). Ну а полное расстройство самого Ростика и многих его чувств, тех, кто больше отвечал за душевный, нежели мыслительный процесс, ожидаемо вызвало вопросы, как у нас, так и у Тишины.

А спрашивается, какая собственно разница между этими симпатичными особами, раз их главные характеристики столь схожи? При этом, как одна симпатичная, так и другая, и обе обладают столь же достойными внимания данными. И не надо говорить, что специфика внешности одной из симпатичных особ, несколько ближе Ростику, который, по какому-то надуманному его природой поводу, предпочитает именно вот такие, а не какие-то совсем другие ямочки на щёках; правда которых, у другой симпатичной особы совсем даже не наблюдается. М-да. Что и говорить, а Ростик тот ещё жлоб и материалист, который ищет для себя преференций и явно хочет не только смотреть ей в глаза, но и пить воду из её смешливых ямочек на её щеках.

А ведь у занявшей место первой симпатичной особы, второй не менее симпатичной особы, тоже есть свои видимые преимущества. Вот, например, её нос с горбинкой, чем не хорош. И если смотреть на него с тех позиций, с которых смотрит Ростик, то есть приспособленности для ваших нужд, то надо заметить, что на этот нос определённо очень удобно будет подвешивать все ваши, услышанные этими её приятных размеров ушами, заботы и невзгоды, с которыми она без труда и даже с удовольствием (раз любит) очень даже справится.

– Ладно уж, чего. – Похлопав Ростика по плечу, Тишина сам ответив на свои вопросы, попытался подбодрить растерянного Ростика.

– Да она вот только что здесь стояла? – Ростик не слишком креативен, раз таким банальным и сто тысяч раз слышанным способом, пытается вразумить случай, который в начале столкнул его с ней, а затем, не утруждая себя объясниться, взял и так вероломно их развёл. Ну и тогда спрашивается, а для чего он вообще организовал эту мимолётную встречу, раз не предполагал продолжения. И неужели случай, не смотря на всю его важность заявлений о его судьбоносности, на самом деле так себе, лёгок на подъём и вообще несерьёзен, раз так себя ведёт.

И Ростик уже был готов выступить куда с более безответственными обвинениями в адрес случая, если бы в его мысли не вмешался Тишина.

– Так она, наверное, каким-нибудь образом уже внутрь прошла. – Сказал Тишина, на что Ростик вновь вспылал доверием к случаю, и всем своим нетерпеливым видом показал Тишине, а чего мы здесь до сих пор ещё стоим. Тишина же, посмотрел на загороженный проход, и уже своим задумчивым видом показал на причину их задержки.

– Что ж поделать, раз благотворительность нынче такое дело, что без суеты вокруг неё, никак обойдёшься. – Пожал плечами Тишина, наблюдая за тем, как очередная известная личность, своим шикарным видом принялась обрамлять спонсорские обои на стене.

– А чего здесь больше, рекламы себя благотворителя дорогого, который не поскупился своей публичной персоной и предоставил её в распоряжение этого вечера, или самой благотворительности, и не разберёшь. – Продолжил комментировать Тишина, пока самого его и его слова, очень профессионально в сторону не отстранила очень живая носительница репортёрского микрофона, восхитительной улыбки и знаний светской жизни, её обозреватель, великодушная Алёна-сплетница.

– Имеющие уши, да услышат, имеющие глаза, да увидят, а имеющие сердце, откликнутся. Что, в очередной раз и продемонстрировали наши звёзды. И как бы их не пинали за их звёздность, но они, не смотря на все препоны и заслоны на своём пути, состоящие из предубеждения против них, не смогли пренебречь собою и явились на зов своего сердца, сюда на этот благотворительный вечер. Не только наши, но и западные звёзды, не смогли проигнорировать зов своего сердца и, откликнувшись на сердечный призыв нашего бессменного руководителя фонда, чьего имени, из соображения безопасности (Ха-ха, я пошутила), конечно, скромности, он просил не упоминать, прибыли сюда на этот вечер. – Своими острыми, как ребристая батарея локтями, вонзившись в обалдевшую от её напористости около звёздную публику, Алёна-сплетница принялась на камеру вести свой репортаж с места события.

– А вот и он! – Всплеск эмоций зевающей публики огласил прибытие той самой долгожданной звезды.

– Да, это он! Губитель женских сердец, Аморалис! – С придыханием в голосе голосит Алёна-сплетница, ещё сильнее изживая стоящих на своём пути зевак, пока не натывается на носительниц таких же острых локтей и коготков, в результате чего застопоривается на месте и уже продолжает вести свой репортаж с одного этого места.

– Аморалис, со своим аморальным ароматом духов, аж, дух захватывает, сбивает с ног и, раздев, в кровать укладывает. И это всё, Аморалис. – Обращаясь в камеру, на одном дыхании выдала этот рекламный слоган Алёна-сплетница, не заметив, как сзади мимо неё проследовал некий выше среднего, как роста, так и возраста, лысый тип, который видимо и был тем самым Аморалисом, приехавшим рекламировать свои духи; ну и заодно благотворить. Но Алёне уже не до него, когда на её поле деятельности появились конкуренты. И они, как и она, никогда никого не спрашивая, уже тычут свои микрофоны в лицо какому-то, скорей всего важному дядьке, которого она, и всё из-за этого Аморалиса, совершенно пренебрегла своим вниманием.

– До чего знакомое лицо. – Хотела было задуматься Алёна-сплетница, но времени нет и она, схватив свой жезл всевластия, ринулась к этой важной персоне, которая уже много чего наговорила.

– Я тут краем уха услышал о присутствующей на этом благотворительном вечере аморальности. – Быстро организовав местечковую мини-конференцию, завёл разговор продюсер-Тишина.

– Вы, наверное, ослышались. Ведь это говорили о Аморалисе. – Грубейшей ошибкой срезает себя, молоко с губ ещё не обсохло, корреспондент журнала «Подглянец». Чем заставляет не бросающего слов на ветер и всегда отвечающего за свои слова продюсера-Тишину, сурово окинуть взглядом этого «вздумал его поправлять» сосунка и тут же вычеркнуть его из списков тех, на кого можно обращать внимание. После чего Тишина, отечески покачав головой на эту пыль под ногами, позволяет себе продолжить.

– Я всегда говорил, аморальность в головах, а не в клозетах, что в очередной раз демонстрирует ваш очень некомпетентный коллега. – Произнёс продюсер-Тишина, внимательно посмотрев на раскрасневшегося пререкалу, которого тут же выдавили из круга избранных, его

более удачливые, не успевшие, а так хотевшие сморозить эту чушь, коллеги по журналистскому цеху.

– Так, на чём я остановился? – Спросил заволновавшуюся от столь опасного вопроса (а теперь кто его знает, что у него на уме) журналистскую публику Тишина.

– Ах, да. – Вспомнив, улыбнулся Тишина, позволив расслабиться и в ответ улыбнуться журналистам, самих же нарвавшихся на столь спорный субъект внимания. – Так многие из вас могут задаться вопросом, а этична ли вся эта демонстрация своей яркой публичности, когда благотворительность подразумевает как раз обратное, не публичность и даже некоторую скромность благодетеля. Который должен раскрыть своё имя, лишь только при подаче декларации в налоговую, где его ждут налоговые льготы и послабления. – Тишина обвёл взглядом репортёров, чьи недоумения определенно требовали от него более развёрнутого ответа.

– Да, скажите, что в этом, прямо каком-то празднике жизни, а не благотворительном вечере, видится некая аморальность, нечистоплотность и неэтичность, как организаторов, так и заявившихся сюда покрасоваться публичных лиц, когда он должен проходить в тишине, незаметно вдали от всей этой праздной мишуры. На что я буду вынужден не согласиться и заявить, что такие взгляды на благотворительность, уже давно устарели и не принесут устроителям больших денег на благотворительность. Время диктует нам то, что благотворительность, как оказывается, тоже нуждается в рекламе, которую, как все вы видите и обеспечивают, как такие вечера, так и присутствующие на них звёзды. Которых нужно тоже понять и принять к сведению. – Сделал паузу Тишина и для того чтобы оптимистично закончить разговор, добавил:

– Впрочем, мои закрытые показы, всегда пользуются неизменным успехом. – Тишина своим подмигиванием чуть не свернул микрофон у Алёны-сплетницы, много слышавшей об этих закрытых показах и страстно желающей побывать хотя бы на одном из них.

– Ну а теперь нас извините. Нам пора. – Продюсер-Тишина аристократически откланялся и, подойдя к своим спутникам определившимся в замкнутый круг, прихватив под руку не успевшую от него уклониться Мару, выдвинулся через слегка опустевший проход, вперёд в ресторан. Почему Мара хотела уклониться от Тишины, то тут за ответом далеко ходить не надо и стоит только посмотреть на то, с каким довольством на неё смотрела, идущая под руку с Ростиком Комаша, то все вопросы сразу же отпадут. И хотя их путь был недолгим, тем не менее, Мара не раз и не два, беспокойно поглядывала назад, где опять же, раз за разом натыкалась на торжествующий взгляд вцепившейся в руку Ростика Комаши. Который в свою очередь, мало обращал внимание на эти гляделки непримиримых соперниц, а на ходу, сам выглядывал кого-то, о ком он в последнюю очередь стал бы при них распространяться.

Глава 4

Различная шумиха, которая всегда так располагает к комфорту.

И вот они достигли своей цели – ресторана, где администратор, стоящий на страже всего внутреннего убранства, включающего людей, сверившись со списком и с представленными ему лицами или наоборот, даёт своё добро и главные номерные карточки, по которым они смогут занять свой стол, а также в последующем от лица этого номера осуществлять все свои действия.

– Я всегда говорил, что при такой человеческой страсти к цифрам и счёту, появление цифрового мира, всего лишь дело времени. – Получив на руки номерок, Тишина не удержался оттого, чтобы не промолчать.

– Тебе что, номер не понравился? – Хмыкнул Точь, очень хорошо знавший Тишину, с его придиричливостью ко всяким мелочам.

– Да причём здесь это. – Развёл руками недовольный Тишина.

– Тогда, покажи свой номер. – Заявил Точь, выразив всеобщее любопытство, которое правда возникло, только после того, как Тишина начал увиливать от ответа.

– Да какая разница. – Тишина, сунув номерок в карман, таким образом, показывает свою демонстративную решимость, отстаивать своё право на конфиденциальность.

– Хорошо. Раз ты такой стеснительный, то я, чтобы тебя не слишком грызли сомнения, даже назову свой номер. 12.12.12. – Ухмыльнулся Точь, поглядывая на Тишину, который в ответ только нахмурился, тогда как Ростик, очень даже удивился такому сочетанию цифр. Что же касается женской половины, то её отношение к озвученному тоже разнилось. И если Мара, было видно, была обрадована, то Комаша скорей нет.

– А там нет никакой ошибки. Что-то уж номер слишком странный? –Спросил Точа Ростик. На что Точь соорудил удивлённое лицо, как бы говоря: «И точно. А я и не заметил раньше». После чего, ещё раз заглянул на свой номерок в виде бирки, немного поёрзал глазами и, придя к выводу, ответил:

– Наверное, какой-то заика занимался распределением номеров. Вот так и проявил себя в письме.

– Вот ты и ответил на свой вопрос насчёт моего номерка, который скорей всего, писал очень озабоченный собой грамотей. – Тишина очень быстро среагировал и использовал ответ Точа в своих замалчиваемых целях.

– Значит, вот ты как. – Нахмутив брови, произнёс Точь, и казалось, что сейчас произойдёт насилие над местной тишиной, и Точь разразится криком, но к удивлению Ростика, тот в одно лицевое мгновение делает переход от хмурости к улыбке и, повернувшись к дамам, заявляет:

– Ну и пускай не говорит. Мы ведь и по нашим номеркам сможем его вычислить.

Ну, а дамам, особенно таким взбалмошным и игривым, только дай повод поинтриговать, и они вместо того, чтобы с негодованием покачивая в стороны свои головы, отвергнуть столь хитроумное предложение Точа, наоборот, расплываются в замысловатой улыбке и легонько, только уже в согласии, покачивают своими головами.

– Может быть. Но без номерка Ростика у вас ничего не выйдет. – Тишина, подойдя к Ростику, обнял его и таким близким способом заручился его поддержкой. Что вызвало замешательство, как оказалось, не в слишком сплочённом стане приверженцев Точа, где Мара и Комаша, мгновенно своими взглядами переметнулись в сторону Ростика. Ну а Ростику, не понимающему, отчего такое большое значение придаётся этим номеркам, сейчас же захотелось посмотреть на свой. Но Тишина, как оказывается, был очень предусмотрительным типом и он вместе с крепким объятием его плеч, не затруднил себя и свободной рукой очень ловко обнял его билет, и для большей сохранности переложил его к себе.

– Здесь не пропадёт. – Похлопав себя по карману пиджака, сопровождал свои действия Тишина. На что Ростик, уже было хотел возмутиться, заявив своё очередное «но», но Тишина своим последующим громогласием: «Тихо!!», наложил печать обездвиженности на его рот и на все рты и движения в этом банкетном зале.

– Сейчас посмотришь на местную тишину, а уже следом послушаешь. – Заявил Тишина, и выхватил у зазевавшегося мимо проходимца его бокал с каким-то однозначно вкусным напитком, раз Тишина не удержался и выпил его на глазах этого, хоть и застывшего, но ведь только на время типа. Что, конечно, не красит Тишину, так бесцеремонно использующего своё нестатическое положение. Ведь, что подумает этот, куда-то вечно спешащий человек с красным носом (который и стал таким, из-за его вечной спешки под встречными ветрами), когда захочет утолить свою жажду из прихваченного им для этого бокала, когда обнаружит, что он пуст. А то, что его память уже ни к чёрту, раз совершенно упустила из виду тот момент, когда он хлебнул лишка и что теперь ему нужно поворачивать назад, для того чтобы взять другой полный, а лучше сразу два.

Но Тишину это не волнует и он, вручив эту пустоту обратно в руки красноносому, с удовольствием бросает взгляд на зал и формулирует первоочередные задачи:

– Мы, знаешь ли, привычны и можем в один взгляд охватить безбрежность этого праздника жизни, а вот Ростик, наверное, не поспеть за всеми нами. Так что, давай, пройди, осмотри и узри, с кем нам придётся благотворять. – Тишина перевёл свой взгляд на Точа и, заявив ему: «Веди Точь», – последовал вслед за ним.

И если в своём обычном состоянии и при размеренном течении жизни, для того чтобы заметить для себя её детали и какие другие приметности, нужно всего лишь остановиться на месте и внимательно посмотреть вокруг себя на этот вечно куда-то спешащий и изменчивый мир, то, наверное, можно также предположить, что на мир можно посмотреть и с обратной стороны, когда он на время остановится, а ты с ещё большей внимательностью сможешь рассмотреть все те же детали и его потенциальные изменчивости.

– Хотя, возможно, что этому есть другое объяснение, и просто моя скорость движения жизни настолько возросла, что окружающий мир и показался мне замершим на месте, что вполне объяснимо, как, в общем-то, и групповой, и отдельный гипноз, под которым я нахожусь прямо сейчас, – посчитал и объяснил для себя всё происходящее вокруг Ростик, не привыкший двигаться по жизни без аргументировано. Да и к тому же он, почему-то сомневался в том, что его жизнь течёт в своей прежней обычной стезе, раз такое, ранее им не виденное и даже не слышимое, прямо сейчас творится вокруг него (а вот если бы слышал, то что это значит?). Правда, если подумать, то, наверное, и этому есть своё объяснение, которое, он не сомневается, со временем откроется ему.

– И чему нынче будут посвящены твои зарисовки? – остановившись у одного из столов, Точь спросил Тишину, который судя по его разгорячённому виду, уже был готов к своим художествам.

– Ты же знаешь мою страсть к натуре. Правда, я не могу не учитывать тенденции современного мира, где человек человеку волк и его общение всё больше ограничивается техническими средствами. И вот, исходя из всего этого, сегодняшней темой моей инсталляции будет взаимопонимание и внимание, со своим лозунгом «посмотри на мир вокруг и найди, что в нём так или не так». – Сказал Тишина и посмотрел на предваряющую всякий вход группу однозначно самых ярких личностей, какие только могут быть не только здесь, но и на всём белом свете.

Так на лобном месте, а не где-нибудь с боку припёку этого зала (здесь как раз всё было наоборот и эта группа загораживала центральный проход), оградив дорогие бока занимающего центральное место Аморалиса, вокруг него заняли свои законные места местные светские львицы, которые всем своим видом, прямо в фотообъектив фотографа показывали, что удачливы, успешны и знают всех этих Аморалисов и даже не только их. Ну а раз так, то Тишина, отразив от них скучающий вид, взял и обошёл их мимо, о чём узнай они, то, пожалуй, не стерпели бы такого его своего своеволия и пренебрежения к ним, и в расстройстве чувств съели бы лишнее пирожное.

Но они остались в неведении такого вызывающего мысли поступка Тишины, который всё же не сдержался и незаметно для самого себя, наступил на ногу Аморалису, тем самым оставив на его лакированных туфлях в купе с грязью хорошо видную вдавленность, которая, пожалуй, своим неподобающим для таких лиц видом, не только смутит Аморалиса, но и ввергнет его в эксклюзивную панику. Ну а дальше там, кто его знает и возможно в понос его головного мозга, с которым он начнёт вести себя в точности в соответствии со своим громким именем.

Но Тишине, не знакомому с такими иностранными душевными метаниями, не суждено было услышать все эти тревобления и он, обойдя эту эксклюзивную группу, выйдя на просторы ресторанного зала, не долго думая, начал свой порядковый ход, где подойдя к первому стоящему на их пути столу, призвав себя и своих спутников к внимательности, начал обозревать сидящих за этим столом.

– Ну, здесь всё и без моих комментариев ясно. Это наши столпы. Нет не столы, а столпы, которые задают нам тон и указывают жизненные приоритеты, на которые мы должны ориентировать и равнять свою жизнь. – Подойдя к столу, Тишина, вновь проявив бесцеремонность, возложил свои руки на плечи рядом сидящих каких-то важных гостей, на чью важность указывало броскость их внешнего вида, где не было ничего лишнего и главное, ни одного аксессуарного недостатка, говорившего о том, что он маловажный господин.

– Они, устанавливая правила жизни, формируют наше сознание. Конечно, их тональность, всё больше мажорная и отдаёт дискантом, но таковы законы природы. И если хочешь мажористого супа, то прежде пропиши дискантом, а уж потом подставляй ложку. – Тишина, прихватив со стола ложку, зачерпнул её в хрустальную вазочку с икрой и на глазах этих столпов, закинул её в себя.

– Что ж, не могу с ними не согласиться. Раз для каждого из нас наше бытие и пузо ближе всего, то и начинать жить надо с заботы о нём. Ну а когда физическое умиротворено, то всегда легче думается о духовном. – Разорив столпов ещё на одну ложку икры, Тишина явно не привыкший таким образом есть икру, внимательно посмотрел, что у них есть на столе такого, чем можно было заесть или запить икру.

– Теперь я понял, что значит для них лозунг «Ни хлебом единым жив человек», под которым я подпишусь и в честь него назову эту благотворительную картину, – запив икру из бокала, Тишина, ухватив Ростика, повёл его дальше по залу. Который, ничего из себя необычного не представлял, разве что на сегодняшний вечер, в центре танцевальной площадки, всё было обустроено под аукцион, для чего, в общем-то, много и не надо было доставлять. Трибуна, молоток и сам лицитатор, качества которого всем известны. Иметь безумный вид и такой же взор, луженую глотку, которую никто не сможет не только не перекрыть, но и не перебить или перепить, в общем, не важно, ну и силу воли, с которой он будет оглушать всех своим счётом – раз, два и главное, счётом – три. И всё это под громогласные удары своего деревянного молотка.

– Ну, с такой рожей он не только всё спустит с молотка, но и набьёт цену так, что после этого, уже ему набьют морду. – Сделал вывод Тишина, подойдя к одетому в форменную жилетку лицитатору, чей гневный взгляд, в купе с указующей на что-то рукой, говорил о том, что он не посмотрит на характер принадлежности представшего перед его очами, хоть имущества, хоть чего другого и, не взирая на личности, пустит всё с молотка.

– Так и вижу этого беспокойного лицитатора, оглашающего новый лот. – Начал представлять Тишина.

– Всем внимание. Только что, из соседнего, отданного под рулетку зала, поступил, хоть слегка и отёртый зелёным сукном ломберных столиков, но ещё не совсем конченный лот, в виде души. – Пронзает своим взглядом зевающую публику лицитатор.

– А позвольте спросить. – Сменяя свою опорную ногу, в монокль спрашивает лицитатора степенный господин. – А на какой ляд, она сдалась, если от неё одни убытки. И я, а также все здесь присутствующие, не то что понимают, но и знают, что её присутственность не гарантирует, а наоборот создаёт препоны для достижения высот своих целеустремлений. Да и наличие её, предполагает свой будущий ответ в местах не столь отдалённых от нашей мирской жизни. Нет уж, извольте, а такой лот нам не нужен. – Пристукнув тростью, делает отвод этому лоту этот степенный господин, по совместительству владелец того за углом казино.

– Может быть, уже займём свой столик. – Как всегда Точь не даёт Тишине расправить крылья его полётной фантазии и опускает его с небес фантазии в мирскую реальность.

– Сейчас пойдём. – Тишина сделал им (Ростик и Точу, что касается женской парочки, то их след простыл и кашлял где-то в дальнем углу зала) знак, чтобы подождали и быстро направился к столу, где располагалось различное списочное имущество аукционистов, необходимое им для проведения аукциона. Ну, а подойдя к этому столику, Тишина, как увидел Ростик,

пооткрывал крышки стоящих на столе бутылок с водой и намеренно чего-то в них подсыпал. После чего прикрыл крышки и с довольным лицом вернулся назад.

– А ещё Мару с Комашей коришь за их игривость. – Бурчанием встретил Точь Тишину, на что тот только и ответил, чтобы тот не путал одно с другим.

– К тому же ты никогда не понимал искусство, для которого тоже нужна своя, как зрительская, так и художественная подготовка. А здесь, глядя на этого ведущего аукциона, нужно видеть перспективы. А моя должная подготовка к этому событию, принесёт и в полной мере даст раскрыться лицитатору, выступающим главным героем моей новой картины «По ком звучит колокол». – во время этого словесного расклада, с лица Тишины не слетела не единая улыбка, что, конечно же, было восполнено смешливостью Точа и Ростика, на кого, в общем-то, и была рассчитана вся эта серьёзность Тишины.

После чего они поворачиваются по направлению не предложенного, а выбранного ими стола и следуют к нему. Ну а на этом не слишком длинном пути, Тишина, по всей видимости, словив игривое настроение, проходя мимо застывших в своём временном бытии гостей вечера, начинает вытворять с ними то, что его провокационная душа желает делать. Ну, а судя по его такой жажде перемен, она много чего желает.

Так перемена блюд и бокалов в руках собеседников, наверное, одна из самых невинных шуток Тишины, который, как он говорит, видит в этом большой потенциал для достижения взаимопонимания, которого трудно достичь без ощущения внутренней константы собеседника, которое и даст такой взаимный обмен блюд. И если такой размен для самих оказавшихся разменной монетой, хоть и замечен для себя, но опять же, не столь виден для собеседника, то следующий дерзкий ход Тишины, в котором он, у одного из видных толерантных лиц, снял с уха серёжку и поменял её на другую, принадлежащую другому видному, но только женскому лицу, явно требует другого объяснения.

– Подлецу, всё к лицу. А он, спешу тебя уверить, подлец первостатейный. – Тишина спешит успокоить повод для возмущения, который может вылиться в вопросы у Ростика.

– А она ему подстать. – Не успевает Ростик даже повести носом в сторону какой-то бравого вида вечной соведущей, на чьём ухе оказалась серьга толерантного типа, как Тишина уже даёт свой логический ответ.

Но это только слова, когда как Ростик видит, что Тишина совершенно не только не может остановиться и как малый ребёнок придаёт дополнительную остроту блюдам, а также напиткам, добавляя в них не свойственные им ингредиенты, но и развил такую кипучую деятельность, в которой мимо его взгляда и ушей ничего и никто не проходит мимо. И хотя вроде бы все стоят, а он в свою очередь если не движется, то уж точно не стоит на месте, как-то при этом, почему-то смеют заявлять, что в основном ничего не проходит мимо них, ну и в частности Тишины. Ну а Тишина, видимо, очень чутко уловил все эти не точности, закравшиеся в это утверждение, и раз уж на то пошло, решил, что для того чтобы все эти мимолётности далеко не заходили, то не вставая с места, просто необходимо дать им глубокий повод задуматься над своими похождениями и шагами.

Ну а когда человек, так сказать не слишком деятелен и в некотором роде обездвижен, то, как это видится и даже слышится Тишине, он не далеко ушёл от той же самой вещи, которую двигай не двигай, а слово от неё не услышишь, а одни только мысли и то не понятно чьи, свои или этой застывшей в своей форменности материи.

–Ау! – звонко, попеременно кричит Тишина, то в ухо какому-нибудь столовому заседателю, то в пустой бокал, стоящий рядом с ним на столе. – Никакой разницы, только разве что, отражённый от бокала звук звонче. – Пожимает плечами Тишина, серьёзно смотря на своих спутников. После чего, не забыв никого из сидящих за столом, обходит их и одаривает кого взглядом, а кого поцелуем (те лица, кто причислен им в число симпатичных). И если с поцелуем всё ясно, он оставляет после встречи с Тишиной только внутреннюю мистическую отра-

жённость в глубине души поцелованного, то его взгляды, правда не все, а только наиболее сосредоточенные на ком-то, то они приносят им сопроводительные действия Тишины.

– Ну что за причёска. – Взлохмачивая голову одного из сидящих за столом лица зрелого возраста, особенно выделяющего своей склонностью к выпивке, комментирует свои действия Тишина. – Ты же всегда был поклонником тяжёлого рока. И что за прилизанность. Нет, так не пойдёт. – Тишина в тех случаях, когда его слышат, умеет добиться поставленных перед собой задач, в чём и убеждается Ростик, глядя на это буйство причёсанных волос, получившееся в результате хард рокового отражения действий рук Тишины.

«Теперь я понял, каким образом, люди склонные к своей внутренней тишине, так незаметно для всех, преображают причёски на своей голове. – Сделал вывод про себя Ростик».

– Ну а ты дорогая, разве не видишь, каким раздевающим взглядом смотрит на тебя твой спутник. – С укоризной покачал головой Тишина, глядя на такую неприступную, в самом соку даму, от чьей выдающейся вперёд привлекательности, не смотря на «зарекаюсь не глядеть», не мог оторвать от неё взгляда, слово не вытянешь, хотя, в общем-то, наедине с собой, неглупый и даже очень разговорчивый собеседник.

– Надо ему помочь. – Сам себя побудил к помощи Тишина, принявшийся не просто расстегивать, а отрывать верхние, сковывающие её формы пуговицы. – Ну и третья. – Рванув ещё одну пуговицу на блузке неприступной дамы, Тишина определённо раздвинул врата и дал больший простор тому, что так часто пробивает дорогу собой. После чего внимательно посмотрел на эту парочку со стороны и, вручив пуговицы этому воздыхателю прямо в руки, удовлетворённо сопроводил свои действия далеко идущим пожеланием:

– А теперь, главное не задохнись. Фокусник. Ха-ха.

– Ну а это, чем объяснишь? – всё же спросил его Ростик.

– Моей природной склонностью к веселью. – Очень логичен Тишина, которого за так не подловишь на слове.

– Веселье, тогда называется так, когда всем весело, а не одному организатору этих поводов. – Берёт своё слово Точь.

– И то верно. – Согласился Тишина и, прихватив со стола соусницу, используя свой палец, принялся делать красочные мазки на одном, определённо какого-то по чьей-то версии человека года, лице дородного господина, занимавшего своё видное положение за одним из столов и который своим высокопарным монологом вразумлял сидящих с ним сотрапезников. Но Тишине и этого мало и он, используя не по назначению, присутствующие на столе фрукты, в частности виноград, вкладывает их ему в уши и само собой перец в ноздри.

– Ну-ну, поговори мне ещё. – Тишина, похлопав по плечу этого оратора и не сводя своего торжествующего взгляда с Ростика и Точа, возвращается к ним.

– Ну и как это на этот раз называется? – спросил Точь Тишину.

– Визуализация их тишины в головах и словесности. Ну а то, что лапши нет, то я не виноват. Вот и проходиться использовать то, что есть. – Развёл недоумение своими художественными руками Тишина.

– Каждый раз одно и то же. И не надоело? – С упрёком покачивая головой, заявил Точь.

– Никогда. – Улыбается в ответ Тишина и, заметив кружок колоритных личностей, увлекательно ведущих беседу, заставляет всех сделать поворот и присоединиться к этой, судя по внимательно внимающим друг на друга лицам, очень требовательной ко всем участникам беседы.

– Судя по выражениям их лиц, прямо сейчас, здесь среди них неумолимо решается судьба этого мира. – Сделав лицемерительный обход всех участников дискуссии, сделал своё предположение Тишина.

– Но судя по тому, как ты это сказал, у тебя на этот счёт имеется своя версия. – В свою очередь, Точь сделал своё не предположение, а утверждение.

– Ты как всегда попал в яблочко, хотя у меня на этот счёт имеются свои взгляды, которые, судя по их напряжённым лицам, они почему-то, испытывают внутри себя. – Проговорил Тишина, уставившись на занимающего центральное место в этом круге степенного господина. И хотя, кажется, что в круге нет центрального места, то это на самом деле, только так кажется. И если посмотреть на этого степенного господина, который так выразительно, как дирижёр развёл руками, где даже в таком его застывшем на месте положении видно, как он очень умело манипулирует окружившими его, в одном лице слушателями и зрителями, то можно твёрдо заявить, что он точно занимает центральное место в этом круге.

– И всему виной вот этот, однозначно крепкий хозяйственник, который везде и во всём спешит прибрать к себе частичку окружающего мира, что он и проделывает с этим кружком, забирая их внимание к себе. Чему скорее всего, сопутствует его положение какой-нибудь шишки. – Тишина, подойдя к этому степенному типу, принялся ощупывать его голову в поиске физического выражения своего предположения. Но раз Тишина ничего там не нашёл, то видимо этот степенный господин предпочитал, чтобы шишки росли у его подчинённых, нежели на его обрамлённой сединой и ножницами ведущих стилистов города голове. Но Тишина такой въедливый и настырный тип, и если что задумал, то он не отстанет и его последующие движения тому доказательство.

И не успел Точь, ухмыльнувшись, подколоть Тишину, как тот, в прыжок оказывается у обеденного стола и схватив, даже не чистую, а прямо из тарелки с супом ложку, также быстро возвращается и под ротовой хлоп Точа и Ростика, впечатляет этой ложкой голову степенного господина. И если бы не его состояние временного закрепощения в точке пространства, то кто знает, где бы после этого массивного удара этот степенный господин оказался, на полу или внутри своих штанов на подтяжках.

– Ты это чего делаешь? – Придя в себя, задался вопросом Точь.

– Раз назвался груздём, то полезай в кузов. – Ответил несколько не в тему Тишина, который не стал делать лишних движений и засунул ложку в руку рядом стоящего со степенным господином, похожего на клерка безликую личность.

– По моему же мнению, всё-таки есть разница в том, кто и кого так назвал. – Точа, так просто не убедить и он требует от Тишины должного ответа.

– Некоторые вещи, чтобы понять их, о них не нужно говорить, а их и так видно. Да к тому же я не могу игнорировать некоторые желания людей, которым может быть, только один раз в жизни выпадает такой шанс осуществить свою мечту. – Ответил Тишина, указывая на безликого клерка.

– Опять за других решаешь. – Посмотрев на клерка, сквозь непроницаемость лица которого, очень даже угадывалось желание, одним ударом заткнуть это бахвальство в устах своего босса, Точь всё же укоризненно покачал своей головой.

– Ну, я бы сказал, что человек в одиночку редко когда решается. Решает он, конечно, очень много, но без сопутствующих его решению обстоятельств, в качестве которых выступают их стечения (но, а всяким течением, управляют природные наклонности), он редко решается осуществить свои решения. Ну а я тоже часть этих обстоятельств, так что, я здесь не вижу никаких отклонений. – Ответил Тишина. На что Точь, только махнул рукой, давая понять, что того не переспоришь.

– И здесь, как я погляжу, есть все предпосылки для вмешательства случая. Так что не обессудь. – Уткнувшись носом в нос крепкого хозяйственника, Тишина обдал его своим дыханием и столь опасным для него выводом. После чего Тишина начинает поочередно подходить к каждому из лиц, занимающих этот круг и, вытягивая на их лицах гримасы, начинает преобразовывать их в подобие улыбки.

– С женской половиной, хоть и невероятно труднее, но всё же куда интересней работать. – Произнёс Тишина, подойдя к одной леди в шикарном платье и с не менее шикарным

вырезом сзади. – А попробуй заставить леди хотя бы чуть-чуть улыбнуться. Неимоверно сложная задача. Тут, чуть дотянешь или наоборот перетянешь, и всё, на тебя смотрит либо её хищный оскал, либо горечь разочарования. – Тишина не спеша приступает к своей скульпторской работе, рассматривая свой предмет приложения своих сил, где это застывшее высокомерие, так и сквозит в глазах этой леди.

– Даже не знаю, кто из них будет больше удивлён. Хозяйственник, привыкший видеть в ответ только серьёзные, полные внимания и почтения лица, или сама леди, давно забывшая о том, что она умеет улыбаться. – Усмехнулся Тишина, принявшись вытягивать губы этой серьёзной леди в нечто похожее на улыбку. На что надо заметить, у него было затрачено несколько больше времени, нежели на других участников этого круга.

– Вот же она себя подтянула и затянула, что еле справился. – Отойдя от высокомерной леди, Тишина показывая Точу и Ростикку свои до сих пор дрожащие от усилий руки, принялся переводить дух. Ну а пока он занимался обездушиванием окружающей атмосферы, Ростик и Точь могли понаблюдать за тем, что из всего этого у него получилось. А получилась некоторая визуальная семантическая картина, где крепкий хозяйственник, этот оратор с серьёзным выражением лица, используя все свои подручные средства, полный вдохновения, определенно хотел потрясти не только местную атмосферу, но и души своих слушателей. Которые в свою очередь, должны были хотя бы сделать видимость душевного метания, после того, что они услышали от него. Но, увы, тут вмешался Тишина и его стараниями была создана эта семантическая картина, где их ответная реакция, в виде открытых улыбок, по задумке Тишины, уже должна была потрясти, опять же не только воздух, но до глубины души самого хозяйственника.

– И хотя это будет только одно мгновение, но этого хватит для того чтобы они больше все вместе здесь не создавали толчею. – Резюмировал своё видение потенциала этой картины Тишина.

– Ну а что ты прошёл мимо клерка и стоящей в жакете напротив него молодой особы? – спросил Точь Тишину.

– Ну, вы теперь, наверное, догадались почему, я вручил этому безнадёжно влюблённому, это орудие внимания к нему этой цыпочки. Хотя, нет. Какая она цыпочка. Она... – Тишина оборвал себя на полуслове и подошёл к этой наполненной собой и переполненной тем, чем в современных, очень выдающихся клиниках детализируют подобного рода экземпляры.

– У! Уточка. – Схватив за пухлые губы этот молодой экземпляр, Тишина не смог скрыть своего пристрастия к данному виду рода человеческого.

– Смотри, не оторви. – Предупредительно засмеялся Точь.

– Да, была такая опасность. – Ответил Тишина, вытирая свои руки о костюм рядом стоящего с ней типичного представителя таких кругов, одной из задач которой, было соблюдать местный этикет и иметь в своём парке, не только «Бентли», но и приложение к нему, такого рода утиный экземпляр.

– Нынче скотные дворы живут по другим, не революционным правилам. – Оставив эту компанию предаваться друг другу, и бросив им в спину своё решение, Тишина вновь возглавил ход и направился к своему месту сидения.

– Ну а что насчёт клерка? – Вновь спросил Тишину Ростик.

– А ему ничего не светит, если он сам не будет светиться. – Неопределённо ответил Тишина, остановившись у одного из столов, чей свободный вид явно притягивал глаза Тишины, который быстро окинул его и со стороны него вид на зал, после чего сделав вывод, заявил, что это то, что нужно. Что, в общем-то, ни у кого из прибывших с Тишиной не вызывает споров, разве что только оно могло бы возникнуть у одного, из той когорты вечно куда-то спешащих типов, который в желании занять своё место за этим столом, с протянутыми вперёд к стулу рукам, и застыл прямо у его края.

– Что-то мне подсказывает, что этот тип не будет слишком довольным, обнаружив нас за столом. – Кивнув на этого бегунка, Точь выразил своё сомнение на счёт него. На что Тишина, быстро окидывает взглядом окружающую обстановку и словесно побудив Точа к действию: «Давай помоги», вместе с ним хватают под руки этого неугомонного типа. После чего они переносят его к соседнему столу, и как видит Ростик, очень удобно для его протянутой вперёд руки, вплотную приставляют его и её (руку), к одному очень достойному и частично негабаритному женскому задку. Который скорей всего, и хотел бы видеть и ощущать на этом месте крепкую мужскую руку, но только не так открыто и двадцать килограмм тому назад.

– И счастье так неожиданно подкралось сзади. – Посмотрев на эту ручную встречу, прокомментировал её Тишина.

– Да, для неё это будет полной неожиданностью. – Точь, как оказывается, тоже умеет заглядывать в будущее.

– А какой неожиданностью это будет для него. – Тишина в свою очередь не может обойти стороной свою проницательность, которая приводит всех в смешливое сопряжение, которое спотыкаясь о свои ноги, в свою очередь усаживает их всех за стол. Где они ещё не много смешливо погримасничали, и уже обретя в руки, кто салфетку, а кто бокал вина, создали предпосылки для обретения серьёзного лица.

– Посмеялись и хватит. Всё, пора искать фрагменты, за которые нам можно зацепиться в нашем поиске. – Первым обрёл серьёзность Точь, который и взял слово. – Ты, кстати, ничего такого не заметил? – к удивлению Ростика Точь обратился с этим вопросом к нему, заставив его сначала внимательно посмотреть на обращённые на него другие две внимательности, затем повертеть головой по сторонам и по окончании почесав затылок вопросительно ответить:

– А что я должен был заметить такого?

– Ну, не то что необычного, а так сказать, того, что остановило на себе твоё внимание. – Уточнил Точь.

– Я даже не знаю. – Ростик принялся начёсывать свой затылок в поиске каких-то мыслей на этот счёт. Ну а когда затылок заболел от этого напора, отложил руку и сказал, чего начесал:

– Скажу одно, но мне кажется, что я где-то это уже видел. – Ростик сделал паузу и, видя, что от него ждут продолжения, решил добавить:

– Вся эта обстановка обстоятельства события, мне кажутся неуловимо знакомыми. Да и присутствующие здесь люди, тоже, кажутся, мне сплошь знакомыми. – На этот раз Ростик замолчал до следующего вопроса его визави, который пока что не последовал, ну а Точь на этот раз обратился к Тишине:

– Ну, эта общность нам мало что даст.

– А ты его не торопи. Дай только время и он увидит то, что должен увидеть. – Туманно ответил Точу Тишина, что, конечно, не могло не вызвать вопросов у Ростика.

– Вы это о чём? – спросил Ростик.

– Как увидишь реальное дежавю, то не стесняйся, а сразу говори. – Ответил Точь Ростика. – Ну а нам пора возвращаться. А то время, штука такая и как его не умасливай, оно не любит ждать. – Произнёс Точь, уже обращаясь к Тишине.

– Согласен. – Серьёзно ответил Тишина и прежде чем, хлопнув в свои ладоши, оживить окружающий мир, всё же решил не упускать момента, развернулся в сторону тех неожиданностей и сюрпризов автором которых он был, и которые прямо сейчас должны были, кого вогнать в краску, а кого побледнеть.

– Хлоп!! – Одного хлопка в ладоши Тишиной хватает для мгновенного снятия чар со всего этого их живого и атмосферного окружения, которое, как живой организм, только что выведенный из спячки, ещё не протёр глаза, но уже по инерции двигается куда-то вперёд. Ну а в таких маловразумительных делах, само собой, первое слово берут эмоции, которые в виде паники, визгов и ещё чего-то подобного и огласили соседний стол.

– А-а!! – Своим отличным знанием алфавита и хорошо поставленным голосом, сразу же привлекла к себе внимание очень достойная своего зада и значит имеющая право для него достойного места на стуле, очень чувствительная дама, которая неожиданно для себя, этим своим достойным местом напоролась на препятствие между ней и стулом, в виде очень много захватывающей руки. И хотя сальные нагромождения на этой тыловой части её тела внушали сомнения в её такой чувствительности, тем не менее, всё было так, что не даст соврать сам неугомонный повеса, чья рука оказалась на этом чувствительном месте столь достойной дамы, отчего он даже не удержался и потрясенно воскликнул вслед за ней, после того как дама усевшись на стул, прижала его руку.

– А-А!! – Скорей от неожиданности, смущения и от отсутствия силы воли признаться самому себе в своём безволии, которое проявил этот повеса, оказавшись в таком не двусмысленном положении, нежели от какой-то боли, которую он испытал, оказавшись зажатым этим тоннажем, заорал он вслед за достойной дамой. После чего к этому переполоху присоединились возмущённые голоса невольных свидетелей этого происшествия, которые находясь в зависимости от своей философии жизни или жизненных устоев, выражались так, как они могли. Ну а всех их, можно было разделить на три основные группы. Так первая наиболее нервная и возторженная группа, состоящая в основном из женской половины общества, скорее всего из-за тайной ревности, очень решительно вынесла свой приговор этому прилипчивому типу:

– Подлец! Маньяк! Руки бы ему оторвать! Я не могу этого видеть! Порядочная женщина, теперь нигде не может себя чувствовать в безопасности и ей везде грозит опасность нарваться, либо на похотливые руки, либо на раздевающий её взгляд. – До глубины своей души и глубины налитых бокалов, возмущены дамы различного возраста, глуша своё возмущение этой налитой глубиной. Но как это часто бывает, и этого им кажется мало. И те из них, для которых женская честь, не пустой, а давно забытый звук, дабы их не заподозрили в её отсутствии, сопровождают свои слова очень действенными поступками по отношению к своим, уже давно невольным спутникам по жизни.

– Чего ухмыляешься. А, можешь мне не говорить. Ты, я как погляжу, полностью на стороне этого героя. – Начинают пилить своих спутников по жизни, их забывшие о таком себя лапаны, спутницы по той же жизни. – Сам, наверное, был бы не прочь оказаться на его месте. – Потрясённая этим своим выводом, не молодая спутница по жизни хватает лишка уже из бокала своего спутника по жизни. Ну а дальше, по накатанной.

Что касается второй группы, то она не была столь едина в своём мнении и сходилась лишь в одном, что она состояла из мужской части зевающего общества.

– Дорвался! Во даёт. Нет, я бы так не смог. Надо срочно свою спровадить, и заняться кое кем. При нынешних нравах, я не удивлён. Держите вора! Официант, ещё бутылку! – Горели глаза у господ и так, просто товарищей, потирающих свои руки, кто друг о дружку, кто о колени, кто о бокалы, ну а кто и вообще, зайдя в глубины своей фантазии, обо всех, кто встанет на пути его рук.

Ну и третья, хоть и самая малочисленная, но самая значительная группа, состоящая из прямых участников этого невербального диалога, которые определённо нашли общую тональность, раз так одновременно, в унисон, остановились на выражении одной алфавитной буквы. Правда, до следующей буквы дело так и не дошло, и стоило достойной даме, спохватившись, чуть ослабить давление на зад, как этот беззастенчивый повеса, в одно мгновение выдёргивает руку, и без здрасти, и до свидания, оставляет потрясённую даму в своём тыловом одиночестве.

– Он видимо, не это рассчитывал увидеть. – Расплывшись в улыбке, прокомментировал увиденное Тишина.

– Что ж, его можно понять. Не всегда сталкиваешься с такой ситуацией, где само отражение этой ситуации несёт в себе такие виды, что надо иметь крепкую голову, чтобы не чокнуться. – Глубокомысленно рассудил Точь.

– А он уже чокается. Только сам с собой. – Ответ Тишины, заставил Точа и Ростика, посмотреть в указанную взглядом Тишины, сторону выхода из зала. Где перед ними предстал этот повеса, взявший в оборот официанта с разносом, откуда он уже брал в оборот полные бокалы, возвращая их обратно пустыми. Но не успели любопытные глаза Точа и Ростика, насладиться этим зрелищем ненасытной жажды, как их вниманием завладел возмущившийся Тишина.

– Блин, с этой клубничкой всё самое интересное просмотрели. – Произнёс Тишина, смотря на тот самый круг, куда он преподнёс свои видовые изменения, и который начал распадаться на две разномерные части. Так первая, состояла из покидающих круг с гримасами удивления разного рода персоналий. Когда как вторая, менее численная и оживлённая, состояла из стоящего там и в недоумении почёсывающего свой лоб, уже не столь крепкого хозяйственника, и безликого клерка, чья разумность споткнулась об невероятность очевидного – этой клятой ложки в его руках.

– Чёрт! Как в голову вдарило! – Не успел Генеральный поразиться этой дерзкой улыбочивости его подчинённых, как ощутил, что в его голове отдался звучный удар какого-то, не слишком большого, но весомого предмета. Что, возможно, было следствием такой невиданной дерзости, стоящей в улыбочивых выражениях этой его неблагодарной паствы, на что он, не имея сейчас возможности должно отреагировать, потребовал всем идти к своему столу, а эту, как его там, в общем, «мышь белую», оставить.

– Что это такое? – Заметив в руках «белой мыши» ложку, Генеральный от своей сопоставимости, чуть было не рехнулся и не впал в детство, а затем в штаны на подтяжках или наоборот, в штаны, а там уже в детство.

– Ложка?! – «Белая мышь» лишь после того, как к нему обратился Генеральный, подняв ложку перед собой и убедившись, что этот предмет в его руках так и называется, всё же не совсем уверенно ответила Генеральному. Которого, конечно, на такой лицемерной мякине не разведёшь, и под которой ему видится совсем не то, что видится этому, однозначно заговорщику – «Белой мыши».

– Кто за тобой стоит? – жёстко спросил «белую мышь» Генеральный, который не был бы им, если бы не умел быстро соображать и перенаправлять опасности. Где он, сообразив, что ему грозит, тут же вплотную приблизился к «Белой мыши», чтобы если что, прикрыть своё тело от пуль конкурентов и заодно переманить на свою сторону этого столь опасного киллера. Конечно, такое не слишком поддающееся здравомысленному объяснению поведение Генерального, однозначно вызовет вопросительный скептицизм у привыкшей к реализму, знакомой со многими генеральными, очень скрупулёзно смотрящей на мир читательской публики.

– Это, конечно, понятно, что для достижения пушного эффекта или даже аффекта, автор сознательно идёт на различные словесные, с применением запятых, восклицательных знаков, хитрости и допущения. Что, так и быть, мы можем себе позволить закрыть глаза на эти несоразмерности его и нашего бытия, которые ему диктует его вид из окна, а может того хуже, из чулана. Но когда он, прикрываясь жанровостью своего произведения, где, по его мнению, возможно всё, так беззастенчиво недоразумевает, заговаривается или скажем прямо, перегибает палку своего воображения, то мы, конечно, не можем больше молчать. – Сквозь раскалённые от волнения очки, в свете молнии, блеснут ими сии очень внимательные к своим генеральским поганам и редко бросающие на ветер слова, суровые реалисты жизни.

«А может, послать их подальше. – Первая, несколько не здравомыслящая мысль, только посетив авторскую голову, тут же испаряется при виде того, что его ждёт в этих застенках, куда его привезли в багажнике автомобиля».

– Ну так что, долго нам ещё ждать ваших объяснений. – Накручивает на кулак эластичный бинт, совсем не эластичного вида подручный сидящего напротив автора, такого любопытного реалиста.

– Первое правило книжного бизнеса: «Читатель всегда прав», – так что разве я, сам немного читатель, не смогу объяснить вам, что, как, где и почём. – Автор в ответ выдавливает из себя искренность.

– Продолжай. – Скрупулёзному типу явно нравится это авторское начало.

– Всё дело в том, что, как бы не вразумительно и даже чудливо не выглядело такое мыследвижение Генерального, тому есть своё невероятное, но всё же объяснение. Ведь когда с вами в стрессовой ситуации случается невероятное (а всё произошедшее с Генеральным, только так и можно классифицировать), то единственное, в чём он может найти для себя поддержку, так это в таком же невероятном объяснении всего случившегося с ним. – Автор прикрыл глаза, ожидая, как минимум лишения себя зубов, после удара этого малопластичного типа. Но к неожиданности Автора, его ждало невероятное, а именно плачь этого, тоже скорей всего Генерального, который оказался невероятно сентиментальным типом.

Но давайте оставим в покое этот, один из не невероятных, а так просто, маловероятных путей дальнейшего продвижения сюжетной линии и вернёмся к нашей основной магистрали.

«До чего же он ловок. Представился полным ничтожеством и таким образом сумел втереться ко мне в доверие. – Вглядываясь в бесцветные глаза «Белой мыши», Генеральный всё больше убеждается в том, в какой он опасности всё это время находился».

Сама же, по трактовке Генерального, «Белая мышь», а в быту именуемый Митей, ещё находилась под впечатлением увиденного. Нет, не ложки, а брошенного на него взгляда Сальды (та самая уточка, близкая спутница непосредственного начальника Мити), которая имея большую склонность к блестящим вещам, не могла не заметить столь не к месту находящийся предмет в руках Мити, И она как и Генеральный, сумела очень быстро сопоставить факты и озарившись прозрением, с интересом посмотрела на уже не белую, а ставшую серой мышью Митю.

Когда же Генеральный обратился к нему со столь непонятным заспинным вопросом, Митя, конечно, не мог не удивиться и само собой хотел обернуться назад, чтобы посмотреть на тех, кто там находился за его спиной. Но разве так позволительно себя вести, когда на тебя в упор смотрит сам Генеральный. Конечно, нет. И Митя просто обязан глаза в глаза внимать ему, да и тем более нос Генерального, вдавившись Мите в щёку, не позволял к его головной независимости.

«Он что? Хочет меня повысить, раз проводит такие проверки моей памяти. – Придя к единственному объяснению такой вопросительности Генерального, Митя принялся вспоминать, кто там за его спиной стоял или мог стоять». Но Генеральный опять в этом его умолчании в себе, видит, как минимум желание этой «Белой мыши» поторговаться.

– Сколько бы они тебе не предложили, я дам вдвое больше. – Прямо в лицо «Белой мыши», Генеральный брызжет деньгами, чьё количество строго соответствует тому номиналу, который предлагают все оказавшиеся в безвыходной ситуации, почти Генеральные личности. Ну а любое услышанное в устах Генерального повышение, как бальзам на душу, и Митя определённо поплывший от всех этих умопомрачительных цифр, только и может, как в согласии кивнуть головой.

Генеральный по молчанию «Белой мыши» понимает, что дело обстоит куда более серьёзней, чем он даже не предполагал, и поэтому решает положиться на его понимание, и начинает выражать свои мысли через выразительное гримасничанье, подкреплённое жестикуляцией рук.

– Я тебя понял. (Генеральный моргнул обеими глазами) Нас прослушивают. (Генеральный поочередно приложил свою руку к Митиному и своему уху) – Ну а после того, как Генеральный, таким образом пообщался с пришедшим в полный упадок от его странного поведения Митей, то он, бросая по сторонам свои взгляды, под его прикрытием выдвинулся на выход из зала. Где они и скрылись, оставив при своих домыслиях внимающего им Тишину, которому только дай волю, так он ещё не то услышит, чего, увы, а может даже к счастью, не дано всем кому не лень услышать. Ну, а кому лень, то с ними и так всё ясно.

– Щёлк-щёлк-щёлк. – Три раза повторяет вслух то, что слышит и даже своим внутренним зрением видит Тишина, заставляя Ростика, непривычного к таким полётам зрения, а по большей части мысли Тишины, ожидая разъяснений, внимательно посмотреть на него.

– Пуговицы отлетели. – Тишина видимо полагается на сообразительность Ростика, раз только ограничивается этим коротким объяснением, которого, судя по ответной улыбке Ростика, в общем-то, хватило.

– А теперь, совместное Оп-па! – Засмеялся Тишина и, не дожидаясь вопроса Ростика, тут же объяснил. – Их взгляды пересеклись в одной, так называемой точке сближения, где их глаза увидели не только то, что им открылось, но и в свете увиденного, друг друга. После чего они приступили к обоюдному спектральному анализу, который при наличии у них взаимности видения, откроет им глаза ещё на очень многое.

– А не боишься, что о твоих несознательных делах сверху узнают. – Влез в разговор Точь, который скорей всего уже начал скучать.

– Не боюсь. – Тишина определённо уже бахвалится, раз так себя самоуверенно ведёт.

– Ну, тогда я думаю, ты не будешь против, если мы пригласим за свой стол судьбу. – Как бы за между прочим сказал Точь, который своим заявлением мгновенно сменил краску раскрепощённости на лице Тишины на бледную внимательность, с которой он воззрился по сторонам.

– Да не туда ты смотришь. Вон она в центре, разыгрывается на аукционе. – С сарказмом на лице, Точь указывает Тишине в сторону центра зала, где уже начался аукцион, что для Ростика совершенно не понятно, шутит он или нет.

– Внимание! внимание! – Заговорил лицитатор. – Следующим лотом нашего аукциона выступает сценический костюм нашей звезды...Звезды! Ха-ха. Я думаю, что она звезда, но по полу – он (– Как всё же сложно с этими звёздами, которых и не разберёшь, как назвать, – небольшое отступление ведущего, вызывает небольшой смех в зале) Ну, в общем, он не нуждается в своём громком...– А главное в высоком. – Заглушает слова лицитатора, сидящий за соседним столом, элитарного вида, молодой, весь внешне и, наверное, и внутренне зализанный, скорей всего Мачо-мен, который был настолько брутален, что создавалось впечатление, что он и ходит только в те не столь отдалённые места, специально для него обозначенные не одной, а двумя буквами «М-М».

– Представлении. – Закончил фразу лицитатор, вызвав шумовые поветрия в виде хлипких аплодисментов и восторгического пищания яростных в своей рассудительности по отношению к своему кумиру фанаток, которых, впрочем, в виду зоркости не малостоящего билетного контроля, было раз, два и обчёлся.

– А я не удивлён. Если на сцене в основном поют трусы, то и почему бы им, невзирая на личности, не продолжить выступать после сцены. – Продолжает крыть свою правду-матку прямо в ухо рядом с ним сидящему Ростик, этот, не создающий, а скорее низвергающий кумиров элитарий. Но Ростик не спешит вступать в диалог с этим критически ко всем настроенным элитарием, от которого прямо-таки несёт его центробежной силой, которая, как все близко знакомые с физикой знают, при верчении не терпит всякой поверхностной шелухи и выносит её прочь. Ну а этот элитарий, судя по всему, в таких верхах крутился, что даже у Тишины мог бы дух захватить.

– Господа, не скупитесь! – Оглашает зал голос лицитатора, который под воздействием душевной атмосферы, начал уже забываться, где он находится и что такого слова, не то что в лексиконе нет, но и находится под табу у столь сурово относящихся ко всякой скупости, господ и дельцов.

– Мы бережливы, а не ... Даже скулы сводит от этого, невозможно выговорить слова. – Рассуждают в узком кругу самые бережливые умы и люди одной глобальности, которым невыносимо слышать человеческий поклёп в их сторону.

– А мы не будем рассуждать, а продолжим беречь. – Не смотря на понижающий контроль выпитого, продолжили здравомыслить сии достойные своего бережливого ума, сидящие подальше от аукциона господ, которые не прислушались к этим дерзким заявлениям лицитатора, а принялись в двойне беречь свои капиталы, но только не здоровье, зачистив принятием на грудь горячительного.

– В этом костюме он исполнял свои лучшие любовные баллады, которые даже я не дам себе соврать, соединили немало пылких сердец. – Продолжил увещевать публику лицитатор, набивая цену на новый лот, принадлежащий ещё одной звезде и само собой его костюму.

– Если первый звезда подстраховался своим ростом. Его пиджак мало кому будет в пору, то эта вторая звезданутость, всего-то отождралась на вольных хлебах и теперь не влезает ни в один свой костюм. Вот и приходится благотворить. Но я то, знаю... – Неумолимый элитарий, столь неумолим ко всем, что даже не заканчивает свою фразу, заставляя невольных слушателей обеспокоиться на счёт этих звёзд и даже за себя, представляя, что же он может такого знать на счёт них. И даже Ростик, уже было хотел забеспокоиться, как вдруг его и многих сидящих рядом людей, привлёк необычный, довольно отдающийся вибрацией звук, который, как правило, сопровождается падением чего-то массивного на пол. Ну а после того, как со стороны центра зала пришла шумовая, очень суетливая волна, с призывами о помощи и врача, то стало понятно, что это был за звук.

На что, тут же не смог смолчать элитарий и прокомментировал:

– Кому-то счастье подвалило.

Что на этот раз нашло свой должный отклик у Тишины, который с нетерпением в глазах, посмотрел на ухмыляющегося элитария и в одно слово: «Заткнись уже», – заткнул его улыбку в себя. И скорей всего это была всего лишь паузная заминка элитария, не привыкшего что-либо спускать и выпускать из своих рук. И, судя по предпринятым им совокупным мерам, в которые входило: багровость лица, концентрация его взгляда на своём носе, оттягивания бабочки на шее и других мелких подготовительных мер, он с секунды на секунду обрушился бы на Тишину, если бы неожиданно появившаяся Комаша, не схватила Тишину за руку и не увела его для того, чтобы кого-то там послушать.

– Ничего... – Бросив свой убийственный взгляд в спину Тишине, а затем на Ростика, элитарий дал ему понять то, что, либо в скором времени от них ничего не останется, либо у них в жизни ничего не останется, кроме разве что этого ничего. В общем, куда ни погляди, выбор определённо не радует и вынуждает только молиться и лучше прямо сейчас, и понятно кому. Режущий глаз вид элитария, в данном вопросе предполагает свой монотеизм.

Но Ростик, что удивительно, не задумывается над этими их перспективами, а завидев Комашу, вдруг озадачивается другим вопросом.

– Кстати, а где... – Ростик не успевает закончить свой вопрос, как повернувшись в обратную от выхода сторону, тут же утыкается в глаза сногшибательной брюнетки, от которой и получает свой ответ на своё вопросительное многоточие.

– Я знала, что ты обо мне вспомнишь. А это говорит о многом. – Не сводя своего взгляда с Ростика, тихо, но прямо в душу, аж, дух захватывает, проговаривает слова эта брюнетка, которая, судя по всему, олицетворяла собой Мару. А ведь Ростик до этого момента не только ни разу не видел её в полном свете (ресторанная иллюминация и обстановка, также служила не раскрытию, а наоборот прикрытию истинных лиц посетителей), но и не слышал её, как, впрочем, и голоса Комаша. О чём он только сейчас, после произнесенных Марой слов, не просто задумался, а поймал себя на такой мысли.

А между тем, посмотреть было не просто на что, а даже больше того, было невозможно отвести от неё глаз. Ну а когда так случается, то и сам вид человека, подверженного заглядению, тоже преобразается и он, покрывшись красным налётом восторженности, если не зубами

поскрипывает, то обязательно в такт своему невыносимо сильному и громкому дыханию, начинает цокать языком.

– Ничего себе, ты... – Многоочие в ответе взмокшего от вида Мары Ростика, как нельзя лучше демонстрирует его восторженность, ну и служит лучшим комплиментом для всякой особы женского образа, которая сейчас одетая, без всяких вычуров, облегающее чёрное платье, с жемчужной нитью на нём, пристально смотрела на Ростика.

– Я знаю. – Без тени улыбки, но с видом полного желания осуществить желания человека, в чьи глаза она смотрит, проговорила Мара, взяв Ростика за руку. – И я хочу, чтобы ты знал, что я всегда буду рядом.

– Я это понял. – Проглотив слюну, ответил Ростик, которого, больше от слов, а не от ледяных рук Мары, почему-то пробил озноб.

– И ещё. Я тебе могу предложить бесконечную реальность воплощения своих желаний, когда как Комаша со своей иллюзией... – Слова Мары заморозили сознание Ростика, который даже не заметил, как вдруг обнаружил, что дыхание слов Мары уже льётся ему в уши с расстояния соприкосновения её ресниц и его щёк, где ему отводилась роль оцепеневшего кролика, в крепких объятиях гипнотического взгляда Мары. И кто знает, в какие бы лабиринты сознания увела бы его Мара, если бы не знающий спокойной жизни элитарий, своим громким восклицанием не обозначил себя и тем самым резко одёрнул Мару от Ростика.

– Фу, страшная, как смерть. – Элитарий очень громко приговорил какую-то мимо проходящую деваху и заодно рюмку крепкого напитка, который должен был смягчить его чувствительное сердце от осознания несовершенства этого мира. И если внешне и внутренне, полностью плоская деваху, гордившаяся этой своей модельной внешностью, ни капельки не смутилась, а даже обрадовалась, что её заметили элитарные круги, то Мара, как краем глаза заметил пришедший в себя Ростик, даже как-то растерялась и, вцепившись в ручки стула, пыталась унять свою дрожь в руках.

– А ты, ничего. – Элитарий бросил свой взгляд на Мару, сопроводив его словесным и языковым лапаньем себя и Мары. Мара же на этот раз быстро нашла, что ответить, подмигнув ему. Что само собой не осталось незамеченным элитарием и он ответно подмигнул Маре, затем демонстративно кивнул в сторону Ростика и, прижав к губам палец, дал ей понять, что та совместность, которая их непременно ожидает в какой-нибудь кабинке, обязательно останется только между ними. На что Мара, лёгким прикрытием обоих своих глаз, даёт тому согласие и таким образом, воодушевив элитария, возвращается к Ростiku.

– Люди никогда не знают, чего они хотят. И то, что они больше всего не любят – ожидание, как выясняется потом, было тем единственным, на что они в этом мире и уповали. – Проговорила Мара, принявшись разрезать на дольки, выхваченное ею из блюда яблоко.

– Я, как понимаю, и он обманется в своих ожиданиях? – кивнув в сторону элитария, спросил Мару Ростик. Мара же в свою очередь внимательно посмотрела на Ростика, о чём-то подумала и после этого ответила:

– Они все обманываются.

– Тогда возникает логичный вопрос. А есть хоть кто-то, кто не обманывается? – спросил её Ростик.

– Если есть вопрос, значит, есть и ответ. А вопрос, как и всякий путь, подразумевает выбор. Так что, умеющий уши, не только услышит, но и увидит, и значит, сделает не тот один, из ожидаемых слепцами: неверный или верный выбор, а свой выбор. Ну а он подразумевает веру и значит, эпитеты «верный» и «неверный», к нему не подходят. Главное ведь, надо знать кого и что нужно слушать. И тогда ему откроется... – Мара сделала паузу и, не увидев, а почувствовав, что её услышали, добавила, – Слушай тишину и ты найдёшь ответы на все свои вопросы.

Мара замолчала и, бросив свой всё замечающий взгляд в сторону другого развесёлого застолья в двух столах от них, заметив кого-то, остановила свой взгляд на нём. (А ведь каждое специфическое пространство, предъявляет свои требования к себе и ко всем в нём находящимся, в связи с чем, и приходится использовать те измерительные инструменты, которые есть у них в наличии. Ну а ресторан, который и может похвастаться в основном только своей специализацией и своим столом, и заставляет вести все измерительные действия всё теми же столами).

Так, по ассортименту сделанного заказа, без труда можно определить толщину кошелька и внутреннюю содержательность носителя этого кошелька, которые почему-то всегда находятся в диспропорции друг к другу. При этом внешние данные едока, как антитиподы его внутренним качествам, определённо придерживаются большей близости к внешним атрибутам жизни, которые щедро им предоставляет их толстый кошелёк. Который при этом совершенно не подозревает о том, что его наполняемость и толщина, на прямую зависит от сухости и ужастости внутренней чувствительности его носителя.

Так же с помощью этого столового инструмента, можно проследить степень подготовленности едока к столь важному процессу его времяпровождения, как ужин. Где каждый столовый предмет служит для той или иной цели, и если вилку приличествует брать в правую руку, а нож в левую, то бутылку разбивать об голову непонятливого соседа, только после подачи горячего. И по-другому никак. Иначе прослынешь, и тебя в следующий раз больше не позовут за стол. Ну и само собой все пространственные измерения, конечно же, велись, прибегая или перебегая от одного стола к другому, в общем, куда нелёгкая занесёт, всё теми же столами).

– Ну, а некоторые уже давно осмысленно ничего не ждут, а прямо в глаза говорят, что они прямо-таки заждались. – Мара своим взглядом указала на очень бледного и худого молодого человека, чья живость характера сводилась к созерцанию жующих ртов его соседей по столу.

– Бледен, как... – Ростик вовремя успел спохватиться, после брошенного на него взгляда Мары, которая, как понял Ростик, не любила упоминания этой родственницы бытия. – Поганка. – Ростик справился с возникшим затруднением, заставив улыбнуться Мару, которой пришлось по нраву эта, так себе находчивость Ростика. Но в таких случаях ведь главное не величина хитроумности собеседника, а его внимание к твоим чувствам, которые от одного упоминания испытывают дискомфорт, когда от другого, наоборот, что-то иное.

– Вы, я как посмотрю, очень наблюдательны. – Ростик для поддержания разговора, решил упомянуть и о своей наблюдательности.

– Я бы так не сказала. Просто у меня, на моём природном уровне срабатывает рефлексия, и я вижу то, что не видит сам носитель своей видимости. Да, впрочем, в этом нет ничего такого удивительного, ты же сам знаешь, что со стороны всегда всё виднее. – Улыбнулась Мара.

– Большая чувствительность, как бы это не парадоксально звучало, наверное, и обескровило ваше сердце, заставив его обрести защитные стенки в виде чёрствости. Ведь постоянный вид боли и связанных с нею переживаний, приносит невыносимость страданий, что и заставляет срабатывать внутреннюю защиту, и для своей выживаемости заставляя себя быть бесчувственным. – Размышления Ростика и его пронизательность на счёт сущности Мары, заставили задрожать краешки ресниц Мары, которые под весом выпавшей росы, не удержались и на мгновение, прикрыв её глаза, омыли их этой росой. Что, по внутренней видимости, для Мары несколько неприятно, и она, утерев нос салфеткой, придала себе улыбочивый вид, и дабы отвлечь от себя внимание, переводит его на блуждающую по залу публику.

– Ну что, может, сыграем в угадайку? – Наигранным на веселье голосом сказала Мара. Что, в общем-то, было принято во внимание Ростиком, для которого всякое отвлечение от себя, было вполне не плохим занятием.

– Ну и каковы будут правила нашей угадывающей игры? – спросил Мару Ростик.

– Дай-ка подумать. – Вглядываясь в проходящие лица, принялась размышлять Мара. – Знаешь, мне нравится играть со временем. Ну а время, на что ты, наверное, не станешь возражать, очень любит поиграть в интеллектуальные игры с человеком, перед которым оно ставит такие головоломки, что хоть прямо сейчас, женись или разведись со мной. Ха-ха. – Видимо Мара вновь обрела себя, раз так развеселилась.

– Ну да ладно, шутки в сторону. – Заявила серьёзная Мара, откинув назад свои чёрные, как смоль волосы и позвеневав камнями серёжек. – И хотя время не тот игрок, кому человек ровня, он, тем не менее, раз за разом, так и пытается, или обогнать, или же переиграть время, забывая о том, что оно является той константой, которая устанавливает правила игры и при этом, само же и судит. И, конечно, время этим пользуется, решая разыграть человека. Так время создает для человека обманчивую видимость, в которой ему кажется, что его время жития совершенно не соответствует окружающему, и он так сказать, живёт вне или же по-своему отдельному времени. Его мироощущение позволяет ему всё схватывать на лету, что, как он видит, недоступно всякой посторонней обычности, что и приводит его к своей саморазумности, с которой он, как правило, сверху и начинает смотреть на мир. – Мара сделала паузу, для того чтобы Ростик не сильно закипел от всех этих её заумных слов.

«Закипел? – Одними глазами спросила его Мара».

«Ещё нет. – Кивнул ей в ответ Ростик».

– Так вот, посмотри на окружающих нас хозяев жизни и найди мне среди них тех самых лиц, которые доставая всех, настолько неугомонны в себе и в гонке со временем, что в первую очередь достанут себя. – Сказала Мара, бросив свой взгляд в зал. – Ну ладно, даю тебе подсказку. Это точно не та каланча, со своим анорексичным взглядом на жизнь. Что поделаться, раз нет предела для совершенства, вот и она, как и любая женская красота о двух ногах, не может остановиться в своём стремлении к своему совершенству. И здесь, всего лишь необходимы превентивные меры, с привлечением ей на помощь своего тренера по жизни или поводыря. Который, и накормит, и напоит её. Ладно, не отвлекайся, а отыщи мне того, кто себя не только достал, но уже готов... – Мары выдохнула. – А, к чему? На это ты ответишь, найдя его.

Но Ростик у не нужна команда «Старт», он уже разбрасывается своими взглядами по сторонам, ища того, кто выглядит готовым. Правда к чему, он так и не осознал, но ему кажется, что он, заметив его, сразу же определит, что он тот самый. При этом Ростик, всё-таки решил не пропускать мимо те взгляды, которые Мара бросала по сторонам и в первую очередь посмотрел в сторону того бледного типа. У которого, судя по его возрастному виду, ещё молоко на губах не обсохло, ну а судя по застеклённости взгляда, вены уже давно почернели от подкальваний над ними этого бледного приколиста.

– Слишком легко. – Всё замечающая Мара, сдвинула с места, приостановившийся на нём взгляд Ростика, который мог бы конечно поспорить, но ему и самому не был интересен этот экземпляр и он начал перебирать другие, встретившиеся на пути его взгляда лица, пока не наткнулся... Нет, не на подходящее лицо, а всего лишь на спину. Что, конечно, странно, но и Ростик занимался не совсем обычным делом в ресторане, где нужно есть, пить, танцевать или на крайний случай драться.

Но чем могла так заинтересовать Ростика, совершенно обычная, хоть и миниатюрная спина, которая только тем и хороша, что на ней спать более всего удобно. Хотя, если Ростик такой человеческий тип, который умеет фантастически далеко заглядывать в будущее, то можно предположить, что, возможно он, почувствовал, что и ему, было бы не плохо полежать на своей спине, рядом с этой, судя по формам, женской спиной. Ну, а такая мягкая копна светлых волос, так и скатывающихся прямо куда-то вниз, что даже из-за стула не видно, определённо не может не притягивать мужские взгляды, которым так и хочется, в своей интерпретации прокричать, заветное сказочное слово:

– Девушка, девушка. Хватит уже испытывать наши взгляды и сердца, и пора бы уже повернуться к этому лесу задом, а к нам или в частности ко мне ненаглядному передом.

И, конечно, после этих слов, эта прекрасная незнакомка в тот же момент повернётся и озарит вас улыбкой и незаметным кивком, означающим только одно, а именно, что она вас, каким-то ультразвуковым способом услышала, и с зажигалкой наперевес, ждёт на улице там, где все курят. Что, конечно, вами должно понято, и вы хоть и не курите, но всё же стреляете зажигалку у какого-нибудь встреченного по пути типа, и спустя своё время, во всё зажигательное оружие оказываетесь на улице.

– Вы принесли?! – Преодолев встречный ветер, повернувшись к вам, одними глазами она спросила вас.

– Да! – Ответил за вас щелчок зажигалки, чья искра озарила не только её глаза, но и зажгла огонь ваших уставших от одиночества сердец.

– Ха, размечтался. – Жестокая реальность в виде рядом с ней сидящей мужской спины, чья рука (почему-то в перчатке), пробравшись сквозь волосы незнакомки к ней на плечо, бурно перебила Ростика и посмеялась над ним. И хотя первой реакцией Ростика должна была бы быть потеря им возмутимости, со своими негативными посылами в адрес этого плечеобнимателя и в мечтавлезателя, но к своему не к удивлению, а даже не понятно к чему, он почему-то, только с фокусировал свой взгляд на этой руке в кожаной перчатке, и начал размышлять над этой странной выходкой носителя перчатки.

– Что и говорить, а как-то даже странно видеть, чтобы за ресторанным столом сидел человек в перчатках. – Ростик, размышляя таким образом, посматривал на эту руку в перчатках, которая было видно не может остановиться на достигнутом и на месте, и всё елозит по плечу этой симпатичной незнакомки. Что заставляет Ростика перевести свой взгляд на свои руки, на которых... Да, точно, нет перчаток. Ростик развёл пальцы своих рук, внимательно посмотрел на них и, не обнаружив ничего замечательного, снова посмотрел в сторону человека в перчатках.

– Или замёрз или же неумелые грехи своей молодости скрывает под ними. – Ростик нашёл только два разумных довода, для такого открытого ношения за столом перчаток. Но не успел он успокоиться, как этот странный человек дал новый повод для его волнения, начав пальцем руки отбивать барабанную дробь на плече и смотреть не надо, однозначно прекрасной или симпатичной незнакомки.

«Да это же та самая!» – Ростика озарила долгожданная догадка, отчего он даже немного вспотел. – «Но что она делает там, за этим столом, да ещё с каким-то хмырём наперевес?» – Мысли одна за одной, как снежный ком накрыли Ростика, незнающего, что думать или не лучше не думать.

– И как она это всё терпит? – Нет пределу возмущения Ростика, которому уже кажется, что этот тип уже отбивает свою барабанную дробь в его голове. Но тот и на этом не останавливается, и как обмеревший Ростик уже приблизительно видит (имеется в виду увеличено, во весь экран своего взгляда), эта кожаная рука, вдруг замирает на месте и, собрав все пальцы вместе в кулак, ставит его на попа, то бишь на ладонь.

«Неужели, он хочет её ударить?» – Ростик замирает в нервном ожидании. Дальше следует секундная пауза, которая, как кажется Ростику, длится вечность (видимо время обратило своё внимание на Ростика и решило разыграть его, сделав поправки на себя) и вдруг к полной неожиданности Ростика, этот ручной манипулятор поднимает вверх большой палец и таким образом, создаёт знаковую фигуру, которая несёт ему свой посыл: «У меня в отличие от тебя, всё отлично».

На что онемевший и осыпанный мурашками Ростик, пытается противопоставить только яростное трение своих глаз, которым может быть всё это привиделось. Но нет, и красные от жёсткости применения к глазам подручных средств, они всё также видят перед собой ту же

самую картинку, с торжествующей, как кажется Ростику, над ним рукой этого незнакомца в перчатках. Но не успел Ростик зачерпнуть новую порцию этого посыла, как незнакомец с помощью руки ставит перед ним новую знаковую загадку.

Так этот загадочный тип, не меняя положение своей руки, опускает большой палец вниз, а вместо него выпускает вперёд указательный палец, который действуя по своему именному назначению, видимо и должен показать нечто, смотрящему на него Ростику. И Ростик, не смотря на возможные подвохи, которые несёт ему эта указующая видимость, правда, не слишком спеша, а так, чтобы не ошибиться в том, на что указывает этот перст, постепенно отворачивает свою голову в нужную сторону до тех пор, пока его взгляд уперевшись на разделительную стенку банкетного зала, не заканчивается на висящем на ней большущем зеркале, с которого среди множества лиц, на Ростика смотрит его отражение лица.

– Ты что там увидел? – Неожиданный вопрос Мары, привёл в чувство замеревшего в одном не сдвигаемом положении Ростика, который в ответ без всяких на то резких движений и дёрганий, бросает боковой взгляд на тот ручной источник указаний, где Ростик обнаруживает, что мимо незнакомца, тоже не прошло это внимание к нему Мары. На что незнакомец, давая понять, что о нём лучше не распространяться, указательным пальцем покачал из стороны в сторону, и уже только после этого Ростик ответил Маре:

– Мне почему-то сегодня не хочется усложнять себе жизнь. И я решил настоять на своём, указав на этого хладнокровного парня, чья жизнь, как мне кажется, уже в полной досягаемости тех сил, которые приготовили для него встречного ангела.

И хотя Мара быстро пробежавшись по последовательностям взглядов Ростика засомневалась в нём, тем не менее, пока она не нашла источник этих сомнений, то не может поймать его на своей затаённой мысли и поэтому вынуждена следовать тому, что предложено.

– Он не свободный игрок, раз находится под внешним управлением. – Ответила Мара, повернувшись к ней Ростику, который хоть и вернул свою внимательность к ней, но с изменениями в сторону рассеянности.

– Это как это? – Ростик спрашивает лишь для того, чтобы только спросить, когда ему это, пожалуй, и так доступно пониманию и вообще неинтересно.

– Это скучно и портит аппетит. Но если его нет, то можно проследовать за ним. Тем более он, как раз пошёл отлучаться. – Мара, зевая бросила свой взгляд на поднявшегося с места самую бледность хладнокровного типа, который не спеша направился к выходу из банкетного зала в одно из невидных, как отсюда, так и фигурально мест.

– Ну, тогда я вынужден указать на того, кто так и просит, чтобы на него указали. – Ростик бросил свой взгляд на элитария, который чего-то нашептывал на ухо рядом с ним сидящей, близкой к совершенству, с отгламуренной обложки модного журнала леди.

– Ай-яй-яй. Вечно вы не видите того, что у вас под носом делается. – Покачала головой в ответ Мара, тем не менее, не сводя своего взгляда с элитария, который наговорившись вдоволь, влил себя рюмку алкоголя и, бросив по сторонам свой взгляд, тоже направился на выход из поля зрения Мары и Ростика.

– Ну что, пойдём, прогуляемся? – Сказала Мара, предварительно взяв руку Ростика для того чтобы тот не возражал. Но Ростик, чьи ноги уже потребовали от него подъёма и не возражал. И он, перехватив её руку, занял удобную для прохождения по залу позицию. После чего, незаметно для Мары, бросил свой взгляд на тот столик, за которым находился тот озадачивший его незнакомец, где, как оказывается, Ростика ждала новая неожиданность, в виде слишком уж незаметно произошедших перемен. И теперь на месте прежних спин, там находились только пустые спинки стульев и стоящий рядом официант. Который почему-то, живо заинтересовал Ростика. «Мёртво! – перебив Ростика, вставил свою мысль в его голову официант, который стоя спиной к нему, рукой находящейся за спиной, раскрывая один за одним пальцы руки, вёл свой отсчёт».

Но у Ростика не было времени над размышлением этой новой загадки и он, увлечённый Марой, двинулся вперёд, навлекая на себя завистливые и ненавистные взгляды тех, в чьих руках не было руки Мары.

– Ну и что ты видишь? – Поглядывая на встречные лица, Мара спросила Ростика

– Ты у нас, более приметливая. Так что было бы интереснее услышать твоё мнение. – Ответил ей Ростик.

– Моя приметливость односторонняя и, пожалуй, не будет слишком интересна. – Произнесла Мара, подмигнув попавшему ей на пути очень колоритному дядьке, чья колоритность была во всей красе подвешена на нём в виде различных талисманов и амулетов, чьи значения, пожалуй, и сам маг (а кто же ещё) под именем Захарий, каких-то очень около наук, не знал и поэтому, в разных случаях, в зависимости от своего расположения к предвидениям, трактовал по разному. Но сейчас Захарий, наткнувшись на этот миг на взгляд Мары, отчего-то весь передрогнул и остановившись, как вкопанный на месте, принялся, пока ещё не онемевшей рукой отыскивать на своей шее то, чего у него уже давно не было. После чего он, что есть силы зажмурился, а затем отжмурившись, бросил перетревоженный взгляд вслед Маре.

– Нет, не может быть. – Захарий, вытягивая рукой свои в один миг поседевшие волосы на голове, попытался сам себе дать надежду. Но судя по тому, что дрожь в его коленях только усилилась, все эти его заверения ни к чему не привели и он, остановившись на другой точке зрения: «Она меня нашла», – решил больше не мешкать и, побросав всех своих приглашенных им на банкет товарищей, рванул наутёк прямо в туалет.

– Любите, когда вас уговаривают. – Ростик определённо знает нужные слова, которые очень даже уговаривают и убеждают.

– Люблю. Наверное, оттого-то все меня так и спешат уговорить. – Усмехнулась в ответ Мара.

– Но вы всегда непреклонны. – Сказал Ростик.

– Скажем так, непредвзята. – Наткнувшись на вибрацию нервов, которая предвещает звуковые волны, Мара обошлась этим коротким ответом, заинтересованно посмотрев на разгорающиеся страсти за одним очень представительным столом. Ну, а представительность, как вы понимаете, представительности рознь, ну а некоторая и вовсе настолько представительна, что их и представлять не нужно, а стоит лишь только услышать, и вы всё сразу сами представите.

– Как это понимать? – Для большей жёсткости заявленной претензии, предъявитель её, сначала схватил себя отворот пиджака, потряс себя немного и, вперившись своим пронзающим насквозь взглядом в своего товарища по одному и тому же толерантному делу, принялся ждать объяснений.

– Я тут не причём. – Потрясывая своей, не своей серёжкой в ухе, оправдывался потёкший Жорж, чьей дурьей башке пришло на ум заглянуть за соседний продюсерский столик, где он, столкнувшись лицом к лицу с одной из железных поэтесс, вдруг увидел на ней то, что он даже в самых жутких своих снах не ожидал увидеть. Да ладно бы только он это увидел, но к мокроте его штанов железная поэтесса обладала очень зорким зрением, от которого не укрылось то, что Жорж только что сам увидел и, судя по его глазам, даже осознал. Ну и это ещё не так страшно и если сильно поторопиться, то можно всё исправить, но, увы, истина: «Что знают двое, то знают все», и на этот раз, даже не смотря на то, что эти двое согласны не знать и всё забыть, всё равно никогда не даёт сбоя.

И не успел Жорж проглотить себя целиком, а железная поэтесса подавиться персиком при виде своей каратной серёжки на ухе Жоржа (как вы понимаете, он обнаружил свою задрипанную из рода бижутерий серёжку на её ухе), как во всё это приглядное дело вмешался друг, товарищ и компаньон Жоржа – Робертино, который, как верный товарищ, не может оставить Жоржа надолго одного. Ну и говорить нечего, что Робертино с первого взгляда сразу же заприметил

метил, что тут что-то не так. Ну, а стоило ему бросить второй взгляд, то ему стало всё ясно, почему вчера Жорж так долго не отвечал на телефон.

– Вот значит как. Опять за старое берёшься! – Завопил Робертино, чей мир перевернулся от такого неприкрытого вероломства Жоржа. И, конечно, Робертино, имел своё право требовать ответа от Жоржа, на которого он потратил столько эсэмэсок, но к своей неосторожности, на которую он, впрочем, в таком состоянии был не готов, его словесная двусмысленность, скользящая в его словах, не прошла мимо ушей железной поэтессы, очень бережно относящейся ко всякому упоминанию её с хвостиком возраста.

«Да мне ещё и пятидесяти нет! – не слегка приврав себе, до глубины своих подтяжек на лице возмутилась железная поэтесса. – И как смеет этот прыщ называть меня старой».

– Да как ты смеешь! – Сквозь посыпавшиеся изо рта кусочки недоеденного персика, подскочив с места, заорала на Робертино железная поэтесса. Что, может быть и страшно с виду, но пока что не столь ощутимо для Робертино, принявшегося игнорировать железную поэтессу, но не игнорировать провинившегося Жоржа, замеченного в таком очень странном злодеянии.

– Я не пойму, что ты нашёл в этой лупоглазой корове? – Робертино очень аргументировано крыл Жоржа. Правда, почему-то от его слов становилось хуже поэтессе, которая начала зримо наливаясь багряными красками и прыскать однозначно ядовитой слюной, раз она, попав на лысину возлежавшего в салате ещё одного продюсера, заставила его одёрнуться и пасть под стол.

– Я смотрю, ты быстро нахватался от неё маразма, раз только мычишь в ответ. – Неимоверная дерзость слов Робертино, приводит к классическому спазму в душе поэтессы, который начинает своё самовыражение через её икоту, с которой она и обрушивается на вокруг сидящих продюсеров, мало что соображающих не только от выпитого, но и от происходящего. Им всем одновременно кажется, что ад разверзся и из его глубин вырвалось ехидное подобие дьявола, которое не только безбожно и противно выглядит, но используя свои странные заговоры, пытается их подловить на сделке, после которой им придётся за свои кровные продюсировать и продвигать на сцену старое-новое лицо этой старлетки.

– Да ни за что! – Твёрдо и одновременно за себя решили продюсеры и, опрокинув в себя штрафную, потеряли связь с новой реальностью и отправились уже каждый в свою преисподнюю, где их ждали их шлягеры и замызганный пол под этим столом.

– Ладно, пошли. – Подытожила своё любопытство Мара, которая не видела для себя особых перспектив на этой ниве искусства. «Потреплют нервы друг другу. Поднимут свои рейтинги и с новым наплывом чувств по жизни дальше. – Мара знает, что есть кто».

– Пошли. – Соглашается Ростик, завидев у центральной сцены, которую окружали танцующие пары, ещё одно скопление людей, которые таким своим сосредоточением, не смотря на всю стоящую вокруг звуковую и танцевальную иллюминацию, определённо пытались завоевать внимание у окружающих. Что у них, в общем-то, получилось и Ростик с Марой направили свой шаг в их сторону.

– Странно. – Что только и смог вымолвить Ростик, заметив такое демонстративное игнорирование танцующим народом того, что вызвало этот местечковый переполох, где своё центральное лежачее на полу место занимал дородного вида господин. Ну а если уж тебе приспичило улечься на центральное место, как, например, в этом ресторанном зале, то, пожалуй, у тебя есть на то свои очень веские, без возможности отложить на потом, причины. На что однозначно указывали все внешние составляющие этого господина: его перекошенное и раскрасневшееся от внутренних волнений лицо, улёгшемся рядом с коленями какой-то возрастной дамы, сбивчивое переходящее на свист дыхание, ну и опасное для мимо проходящих зевак, подёргивание его ног.

Но если к удивлению Алекса, танцевальные пары и отдельные сами с собой танцующие не трезвые субъекты, которые может быть в свете ресторанной иллюминации и громкой музыки,

просто оказались не в курсе или наоборот в курсе всего, в том числе и того, что дело рук утопающего, дело рук самого утопающего или соответствующих служб, не испытывали желания прийти на помощь этому субъекту лёжки, то суетившаяся над ним пара знакомых лиц, однозначно была совершенно не в курсе таких правил.

Так одно знакомое для Ростика лицо, под именем Тишины, усевшись сверху на этого дородного типа, судя по его, как нарисовано в методичке по оказанию первой помощи, движениям, пытался оказать тому какую-то свою помощь, а может быть даже сделать искусственный массаж сердца. На что этот дородный тип, однозначно обладая неуживчивым и явно халявным характером, вёл себя возмутительно импульсивно и не спеша перейти на дыхательное самообеспечение, испытывал Тишину на его терпение.

Но Тишина, в отличие от многих холериков, был очень большим пессимистом на счёт таких лежащих тихонь, решивших во всю попритворяться людьми, отдавшими свои коньки (и это осенью, перед самым конькобежным сезоном). Так что Тишина, умея слышать, и значит, видеть, определённо узрел в этой, пока что бездыханности, желание помотать нервы своей сидящей у его головы благоверной и к тому же дать возможность проявить ему свою дышалку, ну и заодно, своё не равнодушие к ближнему своему.

Но если Тишина был вовсю занят и не мог отвлечься от насущных дел, то сидящая рядом с ним и значит дородным типом Комаша, у которой в руке находился пульс этого дородного господина, вполне могла себе позволить посмотреть по сторонам и увидеть подошедших Ростика и Мару. Что она и сделала и, увидев такую близость между ними, чуть было не уронила руку и заодно пульс этого и так слабо пульсирующего господина.

И хотя, как могло показаться, а так определенно могло показаться, тогда, как с точностью, теперь уже было невозможно удостовериться (чему даже не поможет перелистывание текстовых страниц назад) в том, что это то самое событие, которое было и даже произошло в то или иное время. Из чего следует логический вывод, что утверждение «кажется», наиболее отвечает реальности и очевидности, нежели что-либо иное, позиционирующее себя за факт произошедшего. Который в свете представленных на рассмотрение реалий, сам по себе ещё не понятно, что за факт. Что всё вместе говорит о том, чтоЧто из всего сказанного, ничего совершенно не понятно, а понятно лишь то, что кто-то, всеми этими заговорами хочет навести на наше здравомыслие порчу и, поставив на запасной путь, завести в тупик.

Ну а дело в том, что время, видимо и на этот раз решило сыграть в свою игру, как с вами (посчитайте, сколько времени было потрачено на чтение предыдущего абзаца), так и с Ростиком, изменив его восприятие себя (времени). Где на этом примере с Тишиной, Ростик и мог впасть в свою временную прострацию. А ведь Ростик, если кто ещё помнит, то уже прилично давно расстался с Тишиной, который проследовав вслед за Комашей, наверное, за это его время отлучки, уже смог бы поднять с десятка таких дородных типов. Ну а ежели у кого-то возникнет математическая придирчивость и любовь к фактам, и он поинтересуется с точностью до минуты и голов бездыханных типов, которые могут быть оживлены Тишиной, то навскидку заявлю, что на это было потрачено, кажется...И вот тут-то, я понимаю, что любая точность, всегда опирается на эту «кажется» основу. Которая, как нам даже не кажется, но всегда существует при любом счёте.

Так что Ростик, вполне закономерно мог удивляться тому, что Тишина до сих пор находится здесь, когда по его расчётам он должен был бы находиться уже там. Но Ростик, неожиданно для уже собравшегося посмеяться времени, не морщит свой лоб над этим не сопоставимым по времени и со временем вопросом, а лишь внимательно наблюдает за Тишиной. Ну а тому, судя по всему этого лишнего внимания только и надо было. И Тишина, сделав последний глубокий вдох в себя, еле сдерживая свои губы, чтобы они не выпустили так нужную воздушную смесь для этого бездыханного господина, прикладывается к нему и как видит Ростик, вдыхает жизнь в этого человека. Который вдруг начинает резко дёргаться (и не только своей

импульсивной ногой) и, оттолкнув наклонившегося к нему Тишину, с выдохом подскакивает с лежачего в сидячее положение. Затем, он полный непонимания и смятения, безумно разбрасывается этими своими взглядами по сторонам и сначала, обнаружив напротив себя незнакомые лица Тишины и Комаши, не узнаёт их, что было само разумеющимся, после чего повернув своё лицо в сторону возрастной дамы, в которой он узнаёт, правда, по его последующему заявлению, не то, что должен был бы узнать.

– У!! Мегера. Ждёшь, не дождёшься, когда можно будет меня прибрать к себе. – Обрушил свою ярость на супругу сей не просто дородный, а язвительный господин. А ведь дородный господин, скорей всего, краем глаза сумел заглянуть в дьявольские чертоги, где он и узрел то, что ему было ещё рано видеть. После чего он, обретя дар видеть всякую чертовщину и бесовщину, тут же её увидел в своей благоверной и, невзирая на лица, принялся срывать маски благочестия, под которыми скрывалась вся эта бесовская нечисть.

– Знаю я эту вашу семейку, это ваше дьявольское отродье, готовое на всё лишь бы уморить меня. – Дородный господин, не стесняясь, в обличительных фактах и самоутверждениях продолжает наносить непоправимый ущерб этой шпионской сети, во главе которой стояла его Мегера.

– Но Гриша... – Мегера пытается образумить своего Гришу, который уже вошёл в раж и как кто его знает, то его в таком куражном случае не остановить и только смерть может разлучить его с тем, что он принципиально решил сделать.

– Заткнись. – Обрывает её на полуслове взбеленившийся Гриша и, построив композицию из трёх пальцев, сунув ей под её нос, сверкая глазами, орёт:

– А вот это ты видела (право странный вопрос) И если хочешь знать, я из принципа не сдохну. И только Вера... – В спазме сжимаются губы Гриши, заставляя его заткнуться и оставить эту недосказанность на суд имеющих уши.

Но на этот раз Гриша не сможет услышать и даже увидеть то, что ему ответила или не ответила его Мегера, когда уже словесный вдох ему в ухо Тишиной: «Тихо», отправляет его, пока что в его бессознание, обратно на пол, на лопатки. После чего, как мановению его падения, появляются, судя по форменной одежде, люди отвечающие за такого рода события. Которые очень быстро, для того чтобы это событие не стало для других видимым событием, погружают этого господина на носилки и в сопровождении его благоверной мегеры, оставляют за собой пустоту зала. Ну а танцевальный зал, как и природа, да даже не как, а категоричнее чем она, не терпит пустоты, что на глазах оставшихся присутствий, начало и восполнятся забредшими сюда танцорами.

И хотя все эти не слишком обыденные события, со звуковой экспрессией дородного господина, кого угодно не оставят равнодушным, то Ростик, отчего-то только выборочно остался при своём равнодушии, вдумчиво размышляя над одной пустяковой мыслью, зачем-то засевшей в его голове.

«А ведь этому, да и любому другому лежащему без сознания человеку, скорей всего, для его дыхания или приведения себя в себя, не нужно было поступление кислорода. Ведь любой вдох, даже если он служит лишь для временного захвата в себя порции воздуха, чего бы себе не представлял человек и не думал, независимо от его желаний, окисливает кислород и образует малонасыщенную им воздушную смесь. А её, скорей всего, с трудом хватит для дыхания даже для активно дышащего человека. То о чём может идти речь, когда так нуждается дыхательном кислороде этот лежащий в бессознании человек. И выходит, что ему для продолжения жизни, не кислород нужен. А тогда, что?» – потерялся в себе Ростик.

«Ты знаешь. – Сквозь музыкальный шум, до ушей Ростика эхом донеслись эти два слова». На что Ростик никак не среагировал, посчитав, что сам фигурально с усами и не нуждается в подсказках.

«Выходит, что для человека находящегося на грани двух миров, для принятия своего, буквально жизненно важного решения, надо лишь знать одно, что кто-то, даже самый незнакомый для него человек, несмотря на свою не толерантность, не отведёт свои губы и вдохнёт в него частичку своей души». – Сделал для себя свой вывод Ростик и посмотрел на глядящего на него Тишину.

– Бывает. – Заметив внимающий ему взгляд Ростика, покачав плечами, прокомментировал ситуацию Тишина.

«Не верь ему. Он тебя обманывает». – Кто-то опять вложил свои слова в голову Ростика, который на этот раз поймав себя совсем на другой, не похожей мысли, пришёл к выводу, что, пожалуй, это не похоже на него, и что нужно непременно узнать, кто таким телепортационным способом смущает его и соблазняет. Для чего Ростик и начинает вертеть своей головой в разные стороны, пытаясь обнаружить этого шутника.

– Ну что, увидел что-нибудь знаковое для себя? – спросил Ростика Тишина, заметив его такое головоустройство. На что Ростик ещё разок бросив в сторону свой пронзительный взгляд и не найдя подходящую под такую шутку кандидатуру, вернувшись к Тишине, ответил:

– Пока что нет.

– Ну а раз ты не выражаешь категоричности, то это внушает оптимизм. – Ухмыльнулся в ответ Тишина. После чего Тишина внимательно смотрит на Мару и не найдя в ней к чему бы можно было придаться, решает придаться к тому, чего у неё нет.

– А что, Точь не счёт нужным быть сегодня несколько больше, чем обычно любопытным? – Задался вопросом Тишина.

– Что, соскучился? – К всеобщей неожиданности, из-за спины Тишины звучит голос Точа, который усмехаясь, смотрит на Тишину, которому, конечно, возразить нечего и они, посмотрев на друг друга, без лишних слов вооружившись направлением, выдвигаются на выход в вестибюль. Что, наверное, было бы только желание, не очень сложно сделать, если конечно, у кого-то ещё, не присутствует обратное желание, с коим он и преградил путь Тишине.

– Не слишком ли мы спешим. – Вставший на пути Тишины Элитарий (раз он решил занять в нашем повествовании столь видное место, то пора бы его как-то обозначить. Пусть будет Серж) за именем и именем де Серж, определённо ревнующий к тем, кто быстрее, чем он передвигается по миру и по жизни, естественно не мог спросить за это, всякого решившего обогнать его на этом пути.

– Это вопрос или констатация факта? – Ответ Тишины определённо не замалчивал его осведомлённость на счёт много о себе думающего Сержа, который, не смотря на то, что был полностью согласен с данностью сквозящей в словах Тишины, даже очень ожидал такого ответа. И для которого у него уже было всё приготовлено, как замысловатые или лучше сказать, замызганные слова, а также несколько случайно вблизи шатающихся крепких ребят, которых хлебом не корми, а дай вступить за правое дело.

– Ты, я смотрю, большой умник и, наверное, уже всё просчитал и даже без наверное, знаешь, что тебя впоследствии ожидает? – Ухмыльнулся в ответ Серж.

– Я поражаюсь твоей проницательности. – Усмехнулся в ответ Тишина.

– Ну, так что тогда. Будем стоять или же пройдем. – Улыбка на лице Сержа уже не знает границ и заглатывает Сержа целиком.

– Я, конечно, мог бы спросить тебя, а чего я там не видел. На что ты, конечно, пообещаешь мне многое, из чего, как потом выяснится, почти всё не соответствует твоим представлениям о предложенном тобою видении. Так что, я, пожалуй, не буду питать больших и даже малых иллюзий на счёт тебя и тех недалёких парней, которые, ни пространственно, ни умственно, не могут быть далёкими, потому что находятся рядом с тобой и уже из этого вытекает второе их умственное качество. – Тишина, судя по всему, а лучше по виду поражённого

в уме Сержа, заговорил того до состояния мало соображающей неразговорчивости, с которой он и взирал на Тишину.

– Ждите меня на стоянке. – Тишина отдал команду своим спутникам и, выдвинувшись вперёд, заставил Сержа догонять его.

– Что стоим. Пошли. – Теперь уже Точь взял бразды первенства и, скомандовав, выдвинулся по направлению стоянки. И хотя команды Точа, по всей видимости, не обсуждаются, тем не менее, Ростик имел на этот счёт своё мнение и он даже очень хотел пообсуждать, чем он тут же и занялся, следуя за ним по пятам и очень возбуждённо, правда про себя, пытался убедить того развернуться и пойти на выручку Тишине, или хотя бы посмотреть, как он там.

Ну а когда ты столь внутренне занят собой (ведь тебе приходится говорить за двоих и искать доказуемую аргументацию, тоже с двух сторон), то естественно у тебя нет совершенно времени для того обращать своё внимание на окружающих людей, чьи ноги, там и там, могут или стоят у тебя на пути. Ну и конечно, вас, а скорее не вас, не минует такое событие, как вами думается – случайность, но как не вами считается – не случайность, когда вы, находясь в таком независимом от окружающего состоянии, отдавливате ноги вставшим на вашем пути мало расторопным прохожим или как истукан стоящему, какому-нибудь Аморалису.

«А нечего глазеть по сторонам, когда тут такое движение» – Очень логичен в своей контраргументации Ростик, вдавив очередную ногу, чей хозяин отчего-то оказался столь недоволен, раз перешёл на иностранный язык и пытается докричаться до Ростика, обзывая его различными непонятными словами. А какой смысл использовать все эти иностранные слова, если тебя не понимают. И получается, что все эти злоупотребления носят не информационный характер и, не смотря на свой негатив, определённо несут в себе релаксационное свойство, которое смягчает нервы, которые за сегодня, уже который раз расшатываются у позеленевшего от злости Аморалиса.

– Да это фак, какой-то! – взвизгнул Аморалис и чуть не упал в уныние, потрясённый такой бесцеремонностью Ростика, наступившему ему на ногу. А ведь Аморалис весь вечер пребывал в расстройстве чувств, после того, как почувствовал тяжесть на левой ноге, а когда посмотрел на неё, то и вовсе испытал душевную боль при виде такой демонстративной, чьей-то неизвестной выходки, оставившей свой грязный след на его ноге. И конечно же, Аморалис, не смог сдержаться и в первый раз за вечер, вслух, (про себя он без этих злоупотреблений не мог дать должную оценку окружающему его миру) обратился за помощью к фак-там, которых, как все поняли, у него достаточно для того чтобы закрыть кому рот, перекрыть тому кислород, ну и тому подобное.

– Что-что, а в фактуре Аморалису не откажешь. – Внимая Аморалису, удовлетворённо покачивал головой фотокорреспондент газеты «А и факт» Орех.

– И не говори, умеют они одним словом зааргументировать себя. – Поддакнул Ореху носитель его штативов и объективов Грецки.

– А я тебе, что всегда говорил. Всегда отталкивайся от фактов, а уж к ним всё остальное приложится. – Орех не может не дать воли своему наставническому характеру, любящему всех поучать и наставлять на путь истинный.

– Тогда может ещё разочек, незаметно фактнём его. – С хитринкой в глазах, спросил Грецки Ореха.

– И не разочек. – Подмигнул ему Орех, решивший на сегодняшний вечер взять выходной и стать частным папарацци, у которого до всего есть дело и в особенности до тех дел, которые если он попадётся, могут в ответ очень бурно его отфактизировать.

Но пока его решение домывливалось, Аморалис потрясённый увиденным, не смог сдержаться и, побросав все притянутые к нему руки, уже было рванул на выход в поиске своего менеджера, о чей зад можно было не раз вытереть носок своего ботинка, как был перехвачен своим личным актёрским агентом. Ну а актёрский агент, это не то что какой-нибудь агент из

Ми-6, который всё больше полагается на рекламу своих способностей в кино и на технические штучки спрятанные в каких-нибудь, так себе часах. Нет, агент по работе с актёрами, не может полагаться на совершенство этого мира, когда каждый день видит перед собой этого слабака и нытика, который только благодаря его наплевательскому отношению к жизни и само собой в лицо актёру, заставляет того раз за разом перевоплощаться в самую мужественность и желанность для всякой, даже мало романтически настроенной дамы. После чего актёра ждёт успех, ну а агента солидная процентовка.

Но и в этом, на вершине успеха случае, агенту ни на секунду нельзя расслабляться, ведь актёры такой неблагодарный народ, которому только дай роль и он может настолько заиграться, что совершенно забудет, что не он режиссер. Что всякому агенту, честно слово, очень обидно слушать и слышать, и поэтому, для того чтобы таких рецидивных случаев не происходило, каждый агент должен постоянно быть начеку и рядом со своим подопечным, которого он должен постоянно поправлять и делать замечания, указывая на его непригодность к жизни и даже актёрству. И главное, что не будь рядом с ним его агента, то грош цена всему его актёрству.

Ну и плюс ко всему, железная хватка, в которую и попал Аморалис (в девичестве или простонародье Антонио), схваченный его агентом Родригесом, на чьём плече, к потрясению ничего не пропускающих женских сердец, и заплакал этот brutальный Аморалис.

«Никто меня не любит. Никому я не нужен. Только ты, Родик, понимаешь меня. Senza di te sono nessuno». – Аморалес на виду у всех залил слезами плечо Родригеса, который хоть и был рад такой признательности; но не на людях же.

– Ну, полно-те. Не стоит так убиваться. Крепись. – Родригес начал приводить в чувство Аморалиса, пощипывая его за бока.

«Он душка. Под таким мужественным телом, я всегда знала, что должно находиться чувствительное сердце. Он мой идеал. Из него неплохо будет верёвки крутить». – Расслабились в ногах, переживающие за Аморалиса и за себя, пустившие слезу поклонницы его таланта.

– Нон комментарий. – Схватив за шкурку Аморалиса Родригес, пробивая своей рукой дорогу, увёл Аморалиса подальше от любопытных глаз в vip-ложу, чтобы уж там, как следует, пропесочить Аморалиса за его не слишком уверенную актёрскую игру, которая не вызвала ни одного падения с ног поклонниц его таланта.

– Да, без слёз актёр не может состояться, как актёр и я скажу даже больше, что любая brutальность, как раз крепится на слезах всякого экранного героя. И герой никогда не постесняется, и на глазах, ради миллионов своих поклонниц, возьмёт и пустит экранную слезу; и не обязательно при резке лука. После чего поклонницы ещё больше вспыхнут жалости к своему даже к двухметровому няшке или пушистику, которого они тут же готовы взять под свою защиту. Но не кажется ли тебе Антонио, что ты в последнее время злоупотребляешь моим доверием и слишком часто начал пускать слёзы. – Родригес остановился напротив Аморалиса и серьёзно посмотрел на его, до сих пор всхлипывающую, с потёкшими глазами физиономию.

– А ты это видел. – Аморалис вытягивает вперёд ногу и показывает Родригесу следы грязных неаккуратностей на туфле.

– Я вижу, что ты опять пользуешься контрофактной тушью, раз она стекает с твоих глаз на нос. – Жестоко отвечает Родригес, которого так просто на туфель не возьмёшь, когда перед его лицом стоит, не только потёкшая рожа Аморалиса, а ему видится спонсорское лицо производителя одной стойкой туши, который не дай бог увидит такое отступление Аморалиса от своих контрактных обязательств.

– Я перепутал. – Аморалис пытается отмазаться, но он забыл, с кем имеет дело. И Родригес одной рукой схватив его за нос, пододвинул к себе, где и принялся с помощью плевков ему в лицо и салфеток, смывать всю эту чёрную текучесть. Но видимо это оказалось мало и Родригес, прихватив со стола бутылку воды, плеснул её в лицо собравшемуся было увернуться

Аморалису. Да куда там ему увернуться, когда Родригес имеет разряд по вольной борьбе и он, вдарив тому по макушке, остудил его поползновения на самостоятельность, после чего уже спокойно домыл лицо Аморалиса.

– Вот это другое дело. – Отойдя в сторону на пару шагов и убедившись в чистоте лица Аморалиса, сделал свой вывод Родригес.

«Я это запомню». – Покусывая губы, смотря исподлобья на Родригеса, в тысячный раз проверял свою память Аморалес, у которого таким знаменательных событий было уже и не счесть.

– А мне плевать, когда дело касается успеха. А он, как я вижу, находится на грани. – Ответил ему Родригес, определённо умея читать по глазам. – Сегодня они перестали падать при виде тебя, завтра они перестанут с придыханием пришепывать твоё имя, а послезавтра, что? Горбатая гора? – Схватив себя за голову, теперь уже Родригес не может успокоить себя. Но к своей неожиданности, его слова находят совершенно другой отклик у Аморалиса.

– А я, знаешь ли, всегда хотел сыграть альпиниста. – Заявляет Аморалис, роняя Родригеса на диван и заставляя его припасть к бутылке (не минеральной воды), которую он решает допить, а затем с помощью её вправить мозги Аморалису. Но не успевает Родригес приступить к своему коварному плану, как напев Аморалиса: «Если друг оказался вдруг...», – напрочь лишает его ориентации и самообладания, с которым он хватается бутылку и, не дозируя её по рюмкам, из горла, в два глотка выпивает, чем приводит в замешательство Аморалиса и себя в том числе. Ну а в этом независимом от его желаний состоянии, полёт мысли Родригеса, вдруг в одно поступательное в живот мгновение, так высоко вознёсся, что он поначалу даже испугался, что эта запредельность не сможет быть охвачена его разумом.

Но видимо там сверху это учли и, создав предел или некий потолок, тем самым не дали Родригесу вознестись выше, чем он может представить или нужно не представлять. Ну и он уперевшись в этот потолок головой, сначала конечно возмутился этому ограничению, ну а потом сильно вдарив в него, почему-то правда головой, убедился в дальновидности провидения и решив не испытывать больше судьбу, вновь рухнул под стол. Правда, каким-то последним духом, Родригес сумел-таки, если не увидеть, то осознать, что стол бы не единственной веской причиной его падения, и что находящаяся в руках Аморалиса бутылка, посодействовав столу, отправила его в глубины бессознания.

– Как так-то? – Сам не понимая, что сейчас произошло, переводя свой взгляд с поверженного Родригеса на находящуюся бутылку в своих руках, задаётся вопросом вновь потёкший Аморалис.

«Ты всё правильно сделал» – В ушах Аморалиса отдаётся голос незнакомца, который, как он уже и не помнил, каким-то неведомым способом, вручил ему бутылку в руки и убедил!!

– Нет, это не я. – Аморалис уже было захотел заорать о своей невинности (ведь о ней всегда только в таком, громком ключе заявляют), но потом одумался и тихо сообщил себе об этом. Затем вытер бутылку салфетками, отставил её подальше на стол, наклонился к Родригесу, послушал его и, убедившись в наличии дыхания, решил пока оставить всё как есть, а сам отправился за алиби в танцевальный зал.

Ну а там все только того и ждут, когда Аморалис появится на сцене. Где Аморалис, конечно же, никого не подвёл и выдал такое, что все это надолго запомнили и потом даже вспоминали. Ну а Аморалису только этого и надо. И он, как только получил это алиби, призвал на помощь своего менеджера, с кем ему вдруг нестерпимо захотелось выпить. Ну а стоило им только войти в свою vip-ложу, то к неожиданности Аморалиса и его менеджера, Родригес не дождал их и, нализавшись в одну харю, был достойно наказан небесами, отправивших его под стол.

Из под которого и которого, и из всего этого надуманного и ненадуманного им (Родригесом), его лишь только тогда вытащили, когда Аморалис собрался ехать к себе в гостиницу. Ну а

Родригес по рекомендациям Аморалиса, дабы здесь не оставаться, и был вытащен из под стола, специально для этого обученными людьми. Ну а когда они уже продвигались или вернее сказать, Аморалис продвигался, а Родригес был выносим, то Аморалис был вновь атакован своим поклонниками и вынужденный встать в круг, дал возможность фотографам сделать прощальное для его алиби фото(алиби, такая штука, что их мало не бывает). Которое и запечатлело не только фотогеничность Аморалиса, но и его фотовыразительность, с которой он и обрушился на Ростика, прошедшего, как трактор по его ноге (а нефиг, так быстро круг покидать).

Но Ростик ничего не слышит и даже не видит, а ведомый своей интуицией, следует за Точем, который, в конце концов, и приводит их обратно в паркинг к машине. Ну а когда изменяется твой ход по жизни или по дороге, то и блуждающие в голове мысли, не могут не принять новую реальность и не проследовать вслед за твоими ногами, которые остановившись, дали мыслям большой манёвр для раздумий. Которые, думать не надо, а начинаются с начальной буквы алфавита, с которой и обратился ко всем Ростик: «А...».

Но почему-то, следовало ожидать того, что ему не дадут договорить или же сказать «б», что, в общем-то, так и случилось при появлении вслед за ними, в слегка потрёпанном виде Тишины. Что, конечно, не отменяло того, что Ростик перенаправив свой вопрос, может произнести своё «б», уже в другом контексте, но вмешавшийся Точь, со своим ехидством, перебил его.

– Что-то ты долго и даже заметно. – В словах Точа, явно проскальзывал намёк на несовершенство костюма Тишины, который всегда выпячивал вперёд свою аккуратность во всём.

– Это отголоски их настырной активности. А без этого, сам знаешь не обойтись. – Ответил улыбающийся Тишина, поправляя и застёгивая пуговицы на своей рубашке. После чего наступает небольшая пауза для осмысления того, чего каждый в отдельности и, в общем, хочет осмыслить, где Тишина приводит себя в порядок, ну а все остальные смотрят на него. Что, конечно, не проходит мимо внимания Тишины, который улыбнувшись, не может смолчать и заявляет, что он, конечно, всегда знал, что пользуется большим успехом, как среди женского, так и другого любознательного пола, но всё же хотел бы знать, а что у них других дел что ли нет, как только пялиться на него.

– А мы, знаешь ли, хотим тебя послушать. – Само собой, Точь решил съязвить в ответ.

– Значит, хочешь послушать. – Тишина внимательно посмотрел на Точа. – Ладно, слушай. А наши дела складываются таким образом, что, судя по всему, по горячим следам нам не удалось его обнаружить. Из чего я делаю вывод, что придётся нам открывать новое дело и начинать расследование.

– Так нечего было заниматься всякой беспечностью. – Последовал недовольный ответ Точа, на который в свою очередь недовольно ответил Тишина:

– Я тебе, сколько могу повторять. Где меня нет, а стоит один шум и хаос в голове, я бессилен и не могу ничего увидеть.

– Да я знаю. – Неожиданно тихо и даже смиренно ответил Точь. – Просто...опять придётся встряхивать душу.

– А без этого не бывает. Но ничего. От нас он не уйдёт. – Похлопав Точа по плечу, заявил Тишина.

– Да вы про кого? – Резко спросил Ростик, которому, по всей видимости, уже надоели все эти загадки и недосказанности. На что Тишина и Точь переглянулись, после чего Тишина, приблизившись к Ростику, ухватив его плечи, внимательно посмотрел ему в глаза и, убедившись в чём-то своём, медленно заговорил:

– Это тот, кто... – Но вдруг внезапный окрик Точа: «Смотрите!», не дал Тишине договорить, заставив всех в тот же момент отреагировать и посмотреть на это его смотрите.

А посмотреть действительно было на что. И хотя общая картинка из стоящих в своём парковочном виде автомобилей, ничем особенным не могла похвастаться и все машины стояли в

точно очерченных для стоянки местах, то при детальном рассмотрении рядом с ними пристроившегося такси, можно было кое-что заметить, что и заметил Точь. А заметил он, что из окна этого припаркованного такси, на них ухмыляясь, смотрела нарисованная на заднем боковом стекле малосимпатичная рожица. В чём, конечно, опять же ничего удивительного не было, при наличии на улицах такого огромного количества талантливой молодёжи, которой, дай только повод проявить свою креативность, и она не подведёт. Ну а за поводами далеко ходить не надо и любая замызганность автомобиля, тут же находит свою мимо проходящую находчивость, которая, не успел даже водитель зайти за угол, как уже написала на стекле машины своё послание ему: «Помой меня!».

Что, в общем-то, и в данном случае можно было приписать за дар этому серому миру какого-нибудь весельчака, которому решительно скучно стало расставаться с платой за проезд, и он решил, что надо таким весёлым способом, отблагодарить водителя за его быструю езду по грязным лужам. Всё, конечно так, да вот только эта весёлая рожица была нарисована не на грязной поверхности стекла, которое было даже очень чистым, а она была выдавлена на морозной изморози, покрывшей стекло двери машины. И вот это-то обстоятельство и вызвало живейший интерес у Точа, с которым он и призвал своих спутников посмотреть на это.

– Он здесь был. – Только и сказал Тишина.

Глава 5

Сумерки встреч.

Не трудно заметить, а ещё труднее пройти мимо того факта, что не только окружающий мир определяет наше умонастроение, но и сама внутренняя душевная константа накладывает свои краски на внешний мир. Что, видимо, учёл следовавший своим путём одинокий прохожий, который, не смотря на ясность погоды, вооружившись зонтом, с помощью его скрывал не ясность и нахмуренность своего лица. При этом этот одинокий прохожий не слишком спешит раскрываться, и медленным шагом, под прикрытием своего зонта, который опущен до уровня его глаз, следует от одного шумного людского барного пристанища, скорей всего к другому, до которого, судя по выбранному им маршруту, можно добраться лишь путём различных подворотен.

И хотя такой путь не только скучен, тёмнен, но и нередко опасен для одинокого путника, то он, судя по всему, не то что не учитывал эти возможности, а скорее всего, решил не обращать на них внимание и, заставляя считаться только с собой, большее значение придавал своей хмурости настроения или характера, который опираясь на его внутреннюю силу и мотивы, сам и нёс угрозу окружающему миру. Так что, наличие в его руках зонта, пожалуй, имело своё приложное обоснование, не давая раньше времени или лучше сказать, вне зависимости от окружающей погоды, не позволяло промокнуть лицам слишком любопытных, так и спешащих заглянуть туда, куда их не просят прохожих. Ну а то, что одинокий прохожий, надвинув на свои глаза зонт, тем самым отстранился от внешнего мира, то это как раз и говорило об этом многом, куда не просят.

Но зонт, это всего лишь внешняя оболочка, создающая только первую видимую стену прикрытия, когда как будоражащие ум одинокого прохожего, свойственные всякому одиночеству мысли, уже создают вторую стену – трудно пробиваемую капсулу автономии, не позволяющую без его разрешения, проникнуть к нему под зонт. Ну а всё это его окружение, в свою очередь позволяет ему, не спеша, глядя себе под ноги, тем же темпом поразмышлять над любыми вещами или на крайний случай над тем, куда он или тот встречный человек, так безрассудно, прямо сейчас встаёт у него на пути.

– Смотри куда прёшь! – налетев на это одиночество под зонтом, не смея терпеть на своём пути вообще никого, заорёт этот безрассудный прохожий, сбившийся того со своего, теперь не столь прямого пути. Но одинокий прохожий, не то что не успевает, а он даже не спешит аргументированно, с указанием точных адресов, ответить этому торопыге, как тот, заметив,

что окружающая безлюдная обстановка, да и молчаливый характер этого типа с зонтом, не слишком способствует конструктивности диалога, решает быстро обойти его и ещё быстрее рвануть подальше от этой странности, при виде которой его, аж, бросило в озноб.

– Ещё зонтом прикрылся. – Всё же не выдерживает и, достигнув безопасного расстояния, шлёт свои проклятия в спину одинокому путнику этот заспинный правдоруб, наведя этого любителя ненастья на свою новую мысль.

– Человеческая судьба, это лотерея или всё же предначертанность? Хотя, возможно, и то, и то, имеет своё приложное место. – На одно мгновение остановился задетый этим спинным замечанием, носитель этого чёрного зонта и такого же комплекта одежды, включающего в себя чёрный костюм и перчатки, которые служили прикрытием... Нет, не его рук от окружающего мира, а наоборот, самого мира от этих ледяных рук. А какими они ещё могут быть, когда ненастье его души источало только ледяной холод.

– Вот оно как бывает. – Усмехнулся человек с зонтом, решив посмотреть на эту естественность, которая вдруг посмела!.. – Интересно, а что он... – Не успел додумать человек с зонтом, как стук каблучков, своим лёгким отзвуком перебил всё его желание, не только интересоваться этим посмевающим, но и даже оглядываться в сторону несущегося в его сторону звука каблучков. Ведь в них очень ясно отстукивались безоглядные требования к каждому, осмелившемуся посмотреть на них лицу. И лишь после того, как носительница каблучков сравнялась с одиноким путником, он сумел разглядеть её.

И как к удивлению стоящего на месте одинокого прохожего оказалось, то и эта проходящая мимо него дама, тоже была вооружена зонтом, к которому у неё, как и у него, была такая же глазная предубеждённость.

– А вот это, даже уже интересно. – Глядя на свои перспективы игры в предположения, своего рода лотерею, усмехнулся этот темнила. – Ладно, пусть гуляет, а мой зонт сегодня прикроет кого-нибудь понеобычнее. – Посмотрев сначала на правдоруба, а затем вслед вышагивающим вдаль каблучкам, потеряв ручку зонта, сделал для себя вывод его носитель.

И хотя человек с зонтом склонялся к тому, что жизнь есть игра и при том в лотерею, он всё же отдавал предпочтение сыграть с ней в свою игру, под названием «домино». Ведь по своей сути, все существующие игры большим разнообразием не блещут и могут свестись к одной модели – перетягивания каната. Так все эти игры: «понижение-повышение», «минус-плюс», «тепло-холодно», «верю-не верю», ну и дальше в таком же духе, уже в самом своём названии отражают правила игры, где всего лишь правильный выбор полюса, и позволяет стать её победителем. Что, пожалуй, скучно и поэтому незнакомец, предпочитая разнообразие, используя все эти наработки из различных игр, смешав их, и как в лотерею, ставя на удачу, отправлял в свой полёт новую доминошку.

– Ну а для этого, нужно лишь всего-то, хорошенько завести одну душу. – Человек с зонтом резюмировал главное правило, которому надо следовать в этой игре его «домино». – Ну, а зная, что скорость несоответствия желаний самого человека, везде поспеть и всё получить, и разумений внешнего мира, то всегда можно без труда наклонить эту доминошку. – Таким образом, размышлял незнакомец, проследовав взглядом вслед за хозяйкой звонких каблучков.

– Была, не была. – Подкинув в уме кости, соединив формулу игры «верю, не верю», со своей удачливой игрой, незнакомец теперь уже шагово последовал за хозяйкой основного постукивающего звука, звучащим в этом заглушенным по краям стоящим домами вакууме. Ну а сама носительница этих звуков, хоть и была поглощена ударностью своих каблучков, тем не менее, она, даже не поворачивая головы, с расстояния могла интуитивно определить, что чей-то взгляд сзади, не только остановился на ней, но и, пожалуй, уже следует, как по её изгибам спины, так и за ней. Что определённо начинает навеивать на неё не очень, а даже очень пронизывающие мысли, которые будь на их месте порывистый ветер и то, наверное, так бы не застудил душу до самых костей.

– И зачем я только пошла этой дорогой? – Очень быстро стала задаваться вопросами к себе Алёна, сжав ещё крепче ручку зонтика, который она, уходя с ночёвкой в гости, всегда брала с собой. Ну а сейчас, имея должные на то основания, свой неуживчивый с серыми обстоятельствами окружающего мира характер, благодаря которому она зашла в этот мир подворотен, где ей показалось, будет забавно и даже интригующе, раскрыв зонтик, выдать себя за агента спецслужб.

– Да что ему от меня нужно? – Не позволяя себе повернуть голову и слыша сквозь своё учащенное биение сердца стук преследующих её шагов, Алёна скорей всего, уже знала ответ на этот свой запоздалый вопрос.

– Бритвой по шее и в мусорный бак. – Встречный бак, своим затрапезным видом определённо наваял и сбил Алёну с правильной, но даже подумать страшно, что за мысли, которая только стоило Алёне миновать бак, как тут же вошла в её голову, заставив её подогнуть от страха ноги и чуть не выронить зонт, а заодно и язык изо рта.

– Нет... – Сжав свои губы, Алёна, испугавшись даже озвучить у себя в голове то, на что по её мнению, способен этот однозначно маньяк, сумела не слишком самоуверенно положиться на свои, судя по её подогнувшимся ногам, не слишком большие силы. И хотя впереди уже показался выход из этого фигурального тупика, а в реальности из подворотни на проспект, где скорей всего, даже не смотря на это вечернее время, всё же людей не сравнено больше, Алёна, как сама чувствует, совершенно не может ускорить свой шаг, а придавленная взглядом сзади идущего незнакомца, еле передвигает свои ноги.

– Ну, ещё чуть-чуть. – Искуса губы до крови, Алёна пытается подогнать себя к этому в шаговой близости спасению, как неожиданно, вдруг, что, конечно, не вдруг и совсем, и не неожиданно, а наоборот, даже очень ожидаемо и логично, она не замечает (что тоже не удивительно, когда вас преследует маньяк) под ногами небольшого отступления от правила ровности поверхности и споткнувшись об или нет, в него, само собой, теряет устойчивость и падает куда-то вниз. Ну а маньяку, как об этом думает Алёна, только это и надо, и он, используя её зависимое от падения беспомощное положение, накинувшись на неё, приступает к своим, в одно мгновение замысленными и наваянными его природой прегрешениям.

В одно полётное мгновение, как об этом представляет реальность, вся жизнь пролетела перед глазами Алёны, которая вдруг обрела дар предвидения и смогла узреть всю степень своего и этого маньяка падения. Но Алёна всегда считала и даже доказывала, что она полностью сама кузнец своего счастья и частично чужого несчастья, что и повлияло на её окончательный выбор, либо стать лёгкой добычей для маньяка, либо же ткнув ему зонтиком в рыло, тем самым преподать ему урок. Так что и говорить нечего, и как только Алёна, сначала воткнулась в грязь руками, а затем по инерции уже хапанула ртом земли, то она собралась с последними силами, закрыла глаза и резко развернувшись в обратную сторону, не дожидаясь нападения, выплюнула в предполагаемую сторону всю накопившуюся в ней злость и смесь из земли и грязной жижи, которую она, хлебнув, набрала в рот.

Но к её удивлению и даже частично к радости, ожидаемая ею борьба за свою жизнь на этом и закончилась. И как только она открыла глаза, то перед ней предстал не поверженный противник, который получив в лицо этот жидкий удар, не смог устоять и рухнул, а к её удивлению, на его месте стояла только тёмная пустота подворотни. И хотя Алёна могла сделать предположение о том, что именно волшебная смесь, состоящая из грязной жижи, её энергетики, облечённое в её желание, попав в лицо этому маньяку, растворила его в своей никчёмности, но она всё же не стала домысливать. И Алёна, оставив всё как есть, быстро подскочив на ноги, очень быстро рванула вниз к выходу из этой подворотни, где у въезда остановилось жёлтое такси, из которого, не обращая внимание на эту несущуюся им навстречу чумающую девчушку, вывалился эксклюзивного вида, весь зализанный молодой человек.

– Мне надо зализать раны. – Грохнулся от смеха прямо коленями на землю, никогда не сдерживающийся над своими шутками, ржущий элитарий Макс. Чьё вдохновенное собой состояние объясняло то, что он никого вокруг кроме себя, занимающего всё и все пространства вокруг, не мог увидеть. Так что бегущая грязнуля Алёна, могла орать, не орать и даже истошно завывать, и всё равно элитарий Макс вряд ли её заметил. Что он и продемонстрировал спохватившись за свои штаны в части их замка, который он тут же принялся с трудом расстёгивать, для того чтобы продемонстрировать свою независимость от мнений других.

– Фи, Макс. Это не эстетично. – Произнесла хозяйка, высунувшей из салона машины изящной ножки в туфле, которая сопровождала свои слова действием, уткнувшись каблуком в спину Макса. Ну а Макс, явно не ожидая такого давления на свою спину и, попав в самый центр стечения обстоятельств, где его мысленная деятельность находилась в спящем положении на отдыхе, руки на замке штанов, голова склонилась вперёд, а ноги находясь под давлением и вовсе не имели права слова, не выдержал и даже не повернув носом, со всего своего маха уткнулся носом об асфальт. Дальше следует небольшая пауза необходимая для осознания произошедшего всеми участниками этого происшествия. На что, естественно, первое слово берёт более словоохотливая носительница красивых туфель и голоса, сидящая на краю салонного сидения Лайма.

– Ну ты и утырок. – Со смехом заявляет очень логичная в своём видении обстоятельств падения Макса Лайма.

На что Макс, чья энергетика бьёт через край, хоть бы хны и он, несмотря на свой разбитый нос, только ржёт в ответ. Затем с трудом поднимается на ноги и с этого небольшого подъёма, вновь валится на колени, но только на этот раз не на свои, а на Лаймины, которая визжа от такого грязного нахальства Макса, с визгом отталкивает его.

– Пошёл вон. – Орёт на него Лайма, блющая чистоту их отношений и в частности своего внешнего наряда. С чем Макс вынужден согласиться и он, взяв себя в руки, и в частности за штаны, засунув в их карманы руки, со свистом, который всегда сопровождает его путь в места углового значения, пошатываяющим шагом отправляется в эту подворотню.

– Смотри, не досвистись до... – Вслед Макс улетают слова недовольной Лаймы, на глаза которой попались следы неряшливости этого Макса, который не знает удержу и никогда не помыв руки, сует их куда ни попади. Но Макс уже ничего не слышит, увлечённый своим заходом в этот, как оказывается довольно неприветливый к праздным прохожим переулок, который всем своим мрачным видом навевает мысли о грустном. Ну а так не любящий грустить Макс, разве может кому-то или даже чему-то позволить навевать на него грустные мысли и он, окинув взглядом окружающее, звучным голосом, сразу же решил поставить на место всю эту унылость.

– А ну выходи, кто за всем этим стоит! – Остановившись посередине внутреннего двора подворотни, орёт Макс, который отлично знает, что только выделение из общего к частному, так называемая персонализация, позволяет решить любой вопрос. Но мрачные стены подворотни, не спешат выделяться, и всё также угрюмо смотрят на него своими тёмными, частично разбитыми окнами, пытаясь разглядеть, что у него внутри и из какого теста он слеплен.

– Не хочешь. Ха-ха. Я понял почему. Ты просто ссышь. – Сплёвывает слюну, заявляет дерзко смотрящий на себя со стороны Макс. – Ну ладно, раз ты такой, тогда и я буду таким же, и присоединюсь к тебе. – Твёрдо заявил Макс и дабы не быть голословным, направил свой ход к ближайшей стенке, чтобы осуществить заявленное и давно им задуманное. Ну а так это процесс несколько интимного свойства, где лишний глаз может сбить настрой, то Макс, как и другие повседневные желающие, в своих избирательных целях упираются головой или мыслями о впереди стоящее дерево, либо же, как в данном случае, о стенку дома. Такое удобное положение позволяет не только сохранить частичное инкогнито, но и не сбить с направляющей

ваши действия мысли. Которую, как все знают, стоит только сбить, так уже и не знаешь, куда что девается.

Чего видимо, не учёл или наоборот, был в курсе всего, незаметно подошедший сзади к Макссу незнакомец, чьё лицо и вообще всё, скрывала спина Макса, который за всем своим ответственным отношением к делу, не мог вот так сразу, бросить все свои дела и повернуться для того чтобы посмотреть, кто это там такой любопытный. И всё-таки, как бы Макс не был увлечён, он на этот раз, не то что бы услышал, а он почувствовал через обдавший его холод, что кто-то остановился у него за спиной. Что, конечно, не запрещено и сам Макс частенько любил, вот так незаметно подкравшись, попугать кого-нибудь, кто имел склонность пугаться, но всё же когда у тебя за спиной кто-то безмолвно стоит, это, в общем-то, отвлекает, а это уже слишком.

– Чего уставился? Проходи мимо. – Прорычал Макс, отлично знавший, что только грубость в голосе, ускоряет процесс принятия решений.

– Так же как это делал ты всю свою жизнь. – Ответ незнакомца определённо озадачил Макса, успевшего только дёрнувшись, бросить в ответ: «Что!».

– Постой, подумай. – Спустя мёрзлость ручных отношений, сквозь покрывшую Макса ледяную корку, до него донеслась брошенная фраза отходящего в сторону незнакомца. Но Макс, пожалуй, её не услышал, как и не услышал звучных позывов Лаймы, которая не привыкла находиться в одиночестве и быстро заскучав, стала призывно его звать:

– Макс!! Да ты чего там застрял, скотина!

– Он что там, в конце засвистелся что ли? – Многоуровневость сказанного Лаймой, показала ей очень удачным замечанием, отчего Она не сдержалась и засмеялась. После чего решив, что, пожалуй, будет неплохо, если она рассмешит и Макса, после того как потихоньку подкравшись к нему, внезапным появлением напугает его. «Тогда он уж точно одним делом не отделаётся, а обделается», – направляющаяся вслед за Максом Лайма, еле сдерживается оттого, чтобы не прыснуть от смеха, из-за того что она надумала.

«Что-то меня сегодня так и пробивает на смех. Не к добру всё это». – Выглядывая из-за угла, Лайма, не смотря на все эти свои про себя предубеждения, источает внешнюю лицевую приверженность к радости и веселью.

«И точно, уснул». – Сделала вывод, основанный на большом опыте засыпания Макса в кабинке туалета, Лайма, заметив стоящего на одном месте, с упором головой об стену Макса.

«Ну я тебе сейчас усну». – Полная жестокости ко всяким в её присутствии спящим лицам, Лайма уже пренебрегает своей скрытностью и в открытую, скорым шагом идёт к Макссу, для того чтобы одним ударом под зад, разбудив его, уронить его в её глазах на землю (в его же, не получится, так как он уже и так достаточно низко пал, так что ещё ниже, пожалуй, будет трудно сделать).

«Мало не покажется». – Глубоко мыслящая Лайма, прежде чем нанести удар, для крепости духа, вдохнула в себя порцию воздуха и тут же чуть не задохнулась от морозности стоящего воздуха, заставившего её переломиться вдвое и закашляться.

– Да что ж это такое! – Из согнутого положения, с трудом понимая и вдыхая эту морозную, даже не свежесть, а стоящий вокруг неё свинцовый закат, Лайма попыталась посмотреть, как ей теперь виделось, на не совсем обычный вид Макса.

«Нет». – Страшное предчувствие всколыхнуло в ней оторопь, с которой она и начала пятиться назад, но ей далеко не удалось отойти, как она вдруг упёрлась во что-то немыслимое и другим каким образом, не сдвигаемое.

– Не спеши. – Тихо, но в тоже время до остекленелого звона в ушах звучит голос того, кто своим стоящим на пути Лаймы положением, не даёт ей не только не спешить, но и двигаться.

– Я...– Сквозь отступ зубов, Лайма, видимо, пытается не забыть себя, произнося вслух эту банальность, сквозь которую она пытается повернуть шею, чтобы посмотреть на того, кто не даёт ей двигаться.

– Я знаю. – Бесстрастный ответ незнакомца и сопроводившее его ответ действие, положенная на её плечо рука, заставляют ещё больше поёжиться, итак похолодевшую Лайму.

– Ну а ты то знаешь? – Держа Лайму на ручной привязи, спросил её незнакомец.

– Что, знаешь? – Тревожно, с трудом спросила Лайма, которая уже ничего не знала и, пожалуй, и знать не хотела.

– То, что если звёзды зажигаются, то это кому-нибудь нужно. – Ответил ей незнакомец.

– Да, я слышала об этом. – Произнесла в ответ Лайма.

– Ну а если они гаснут, то это ...необходимо. – Прямо в ухо вложил Лайме слова незнакомец, вызвав у неё секундное замирание сердца, которому стало так нестерпимо холодно, что оно даже на мгновение решило замёрзнуть. Но стоящий позади неё незнакомец, видимо умел считать стук сердца и он отстранившись от Лаймы, дал той возможность свободно вдохнуть кислорода, который дав ей сил, позволил Лайме развернуться и посмотреть на того кто стоял сзади. Ну а вид того, кто стоял перед ней, говорил о себе и в тоже время молчал, из чего Лайма, находящаяся не в самом лучшем расположении духа и мысли, так и не смогла ничего для себя уяснить, кроме того, что этот тип с зонтом в руках не любит узнаваемость, раз сдвинул свой зонт прямо на глаза.

– Ну и что ты увидела? – После небольшой паузы, незнакомец спросил Лайму, которая не зная, что ответить, это и ответила:

– Я не знаю.

– А чтобы ты хотела? – спросил незнакомец.

– Я не знаю. – Уже полностью растеряв себя, обездвиженная в созерцании, смотрящая в одну точку Лайма, следует какому-то окружающему, несущему её куда-то в неизвестность, течению мысли.

– Я смотрю, ты даёшь себе шанс. – Проговорил незнакомец. – А вот хочешь ли ты, не пройти мимо и увидеть его.

– Я не знаю. – Уже на автомате повторяет Лайма.

– Я рад, что ты так ответила. И значит, у тебя есть шанс на сам шанс. – Сделал паузу незнакомец, размышляя о чём-то своём. – Что ж, ты не раз меня восхищала своей ложью, и я пожалуй, дам тебе не просто шанс, а позволю тебе сыграть главную роль в своей жизни. – Ответил незнакомец, приподнимая свой зонт-тросточку, из под которого, как видит Лайма, на неё пока что никто не смотрит, а сам незнакомец не спеша раскрывать ей навстречу свои глаза, опустив голову вниз, изучающее смотрит на что-то в ногах. Но Лайме не даётся много времени на размышление и незнакомец, не поднимая голову, говорит:

– Говорят глаза зеркало души и кто-то даже позволяет себе сказать...Ха-ха. (жуткий смех незнакомца ответно затряс поджилки Лаймы) Давай посмотрю. Не знаю, что в них больше, глупой отваги или сердечной недостаточности, но скажу тебе, что это зрелище не для слабо-нервных. – Сделал паузу незнакомец для того чтобы не сменяя своего положения, прикрыть свой зонт и воткнуть его острым концом в землю. – Но дело в том, что без этого твоя жизнь не будет полноценной, а разве такое холодное прозябание, кого устроит. Ты, как думаешь? – Спросил незнакомец Лайму, которой стало ещё холодней от этих промёрзлых слов незнакомца.

– Да. – Бессознательно ответила Лайма.

– Вот и хорошо. – Тихо ответил незнакомец и, приблизившись к Лайме вплотную, снизу проговорил: «Тогда, не моргая, смотри прямо в свою душу», – и с холодным, заморозившим её выдохом, поднял на неё свои пустые глаза. Пронизывающий холод обволакивает эту сблизившуюся друг с другом пару и кажется, что он, уже заморозив их души, готов застеклить их в изваяние, как неожиданное голосовое заявление таксиста, сбрасывает с них оковы застылости.

– Эй! Чего вы там застыли?! – Со стороны выездной арки, до них доносится недовольный голос таксиста, который не раз на личном опыте убеждался какими проблемами могут обернуться такие поездки с пьяными клиентами, за которыми глаз да глаз нужен.

– Всё, уже идём! – Кричит ему в ответ незнакомец, подхватив упавшую ему на руки Лайму. После чего, он с удобством для себя берёт её наперевес на руки и таким образом, доставляет Лайму на заднее сидение такси, где усаживается рядом с ней. Но не успел он занять своё место на сидении, как приметливый таксист, состроив удивлённую физиономию, глядя на него в зеркало заднего вида, спросил его:

– А ты кто?

– А разве для тебя имеет принципиальное значение, кто платит за проезд? – Не подымая своей головы, жёстко ответил незнакомец, заставив резко дать заднюю таксиста.

– Не..нет. – Вдруг за заикался почему-то испугавшийся таксист.

– Так ты точно хочешь знать кто я? – Глубоко выдохнул слова из себя незнакомец.

– Нннет. – Вдавлив голову в руль, отвечает таксист, которому почему-то прямо сейчас захотелось закрыть глаза и унести отсюда подальше.

– Ну тогда, чего сидишь. Поехали. – Отдаёт команду незнакомец, на что водитель, которому не удалось мысленно переместиться куда-нибудь подальше отсюда, от нечего терять, решительно поднимает голову и, сделав невозмутимый вид, бросает свой взгляд на склонившегося над Лаймой незнакомца. Ну а после, спрашивает его:

– Я как понимаю, маршрут следования изменился?

– Нисколько. Едем всё также прямо. – Не поднимая головы, ответил ему незнакомец.

– Как скажите. – Усмехнулся таксист, чьё самообладание вновь вернулось к нему, и он напоследок, бросив критический взгляд в зеркало заднего вида, вернулся к лобовому окну обозрения, чей затуманенный вид, вызвал у него понимающую усмешку.

«Ну и выхлоп, аж, стёкла запотели», – покачал головой, таксист, вытащив из бардачка тряпку, уже было приготовился вытереть эту запотелость, как внимательно присмотревшись к стеклу, обнаружил, что его покрыла лёгкая изморозь. «Чёрт», – только и успел одёрнуться таксист, как изморозь в один момент перешла к нему и застудила его внутренности, отчего таксист застыл в своём одном положении.

– Ну, что там ещё? – Заметив застывшую нерешительность таксиста, незнакомец перестал задаваться вопросами, а открыв дверь, вышел из машины. Затем подошёл к водительской стороне, крепко взялся за эту замёрзшую водительскую статую, вытащил её вначале из салона автомобиля, а затем недолго думая, подтащив её к багажнику, прямиком отправил туда.

– Ну что спящая красавица. – Усевшись за водительское место, незнакомец внимательно посмотрел на лежащую сзади Лайму. – Поедем в свой хрустальный гроб, ждать принца. – Вдавлив педаль акселератора, незнакомец поставил свою точку на несовершенстве этого мира, в этой пространственно-временной точке событийности.

Глава 6

По горячим, но столь холодным следам.

– Ну что скажешь? – переведя свой взгляд с застывшей монументальной упёртости Макса об стену на Тишину, спросил его Точь.

– То, что нам, как и ему, есть над чем подумать. – Отвечает Тишина, который всегда бесцеремонен, если, не подумавши, лезть к нему с вопросами, над которыми он ещё не подумал.

– Смотри, не сбей его с мысли, а то он тоже, как видно думает. – Усмехнулся Точь, со всех сторон рассматривая эту застывшую в обледенелости композицию «Писающего мальчика», которая крепилась на двух физических основах – на упёртости Макса головой об стену и замёрзшего напора его естества, соединявшего тело Макса и землю.

– А почему он, в такую-то погоду замёрз и не тает? – Не понятно почему, решил задать вопросом Ростик.

– Это потому, что его физическое состояние носит мысленную основу. Ну а то, что замыслил, то оно не подчиняется обычным физическим основам. – Точь в своих словах указал на третью основу, так называемый третий кит, без которого ни одна конструкция не потянет на устойчивость.

– Я думаю, что такое его поведение можно было предугадать. И то, что он преисполненный ярости, начнёт свой отсчёт с тех, кто первый попадётся ему под руку, это было вполне ожидаемо. – Посмотрев на Точа и Ростика, сделал вывод Тишина.

– Не знаю. Может быть и так, а может быть и нет. Но так или иначе, а это стоит проверить. – Ответил ему Точь, заставив Тишину с сомнением поднять брови. Что в свою очередь, вызвало возбуждение у Точа, явно имеющего на всё свою точку зрения.

– Вот только не надо мне говорить о некой системе, с её алгоритмом поведения, под который попадает каждая живая и неживая единица. – Ухватив в кулаки воздух, Точь принялся яростно защищать свою точку зрения.

– А что не так-то? – Тишина удивлённо посмотрел на Точа. – Я считаю, что он, несомненно, сначала захочет выпустить пар (что ты может наблюдать воочию) и лишь затем, придя к своей осмысленности, будет судить и выносить свой приговор миру.

– Это, конечно, всё логично звучит. Но как раз эта простота, меня и пугает. – Пожимая плечами, ответил ему Точь. На что Тишина ничего не ответил, а ещё раз посмотрел на Макса и, переведя свой взгляд на Мару, теперь обратился с вопросом к ней:

– Ну а ты Мара, что скажешь?

На что Мара, прежде чем ответить, решила более детально изучить этот объект обследования, требующий своего ответа. Для чего она, как и прежде до неё Точь, и все остальные, обошла со всех сторон Макса и, заглянув снизу в его глаза, что надо признать, было не так уж легко сделать и ей для этого пришлось использовать всегда имеющееся у неё под рукой небольшое зеркальце на ручке. Которое она, сначала по привычке сунула ему в рот, ну а потом, извлекая урок из этой оплошности, заглянула через зеркало в его до сих пор открытые глаза. И хотя еле заметная пробежавшая тень в отражении зеркала её глаз, могла навести на некоторые вдумчивые мысли, тем не менее, Мара ничего не сказала, а убрав зеркало в сумку, решила прибегнуть к ручному методу исследования. С коим она и приступила, приложив свою руку к плечу Макса, от которого она тут же, как от ожога, одёрнулась в сторону.

– Да. Праведность отчаянно жгуча. Даже Маре не постичь пределы её выжигающих холодом сердца разумений. – За Мару ответил Тишина, глядя на гримасу боли её темноты, выглядывающей из под капюшона.

– Ну а ты, Ростик. Что можешь сказать, глядя на всё это? – Спросил Ростика Тишина. Но что Ростик может сказать, кроме того, как только пожав плечами, высказать глубокое сожаление.

– Ладно. Я как вижу, нам придётся прибегнуть к помощи...–Тишина сделал паузу и посмотрел на Точа, чьё догадливое лицо, начало приобретать нахмуренный вид. – Что подделывать, раз без него не обойтись. – На этот раз уже Тишина, для большего убеждения Точа, сопровождал свои слова уверительными пожатиями своих плеч.

– Ладно. – Сквозь зубы проговорил Точь. – Только смотри, я за себя не ручаюсь.

– Я понял, – усмехнулся Тишина. – Значит так (Тишина посмотрел на Мару и Комашу). Вы идёте в машину и дожидаетесь нас там. А мы тут пройдемся. – После чего Тишина, дабы не возникло сомнений и желания оспаривать его команду, более сурово посмотрел на уже было пожелавших оспаривать и подвергать сомнению его слова Комашу и Мару. Они же, поняв, что спорить бесполезно, пристукнув ножками по земле и, дёрнув свои руки в ту же нижнюю сторону, полные недовольства и сомнений на счёт их верности Тишине, отправились в машину, чтобы там источать себя в таком сознании не правоты Тишины.

Ну а сам Тишина, проводив взглядом недовольные спины Мары и Комаши, посмотрел на внимающего ему Ростика и, обняв его сказал:

– Что-то мне подсказывает, что нам надо идти строго наверх, в сторону внутренних улиц сплетений. А там уж мы сможем отыскать все следы тех, кто нам нужен.

– Да кого мы всё-таки ищем? – Ростик уже боится спрашивать, интуитивно чувствуя, что ему, либо проигнорировав, не ответят, либо же обязательно какая-нибудь случайность, возникшая специально для того чтобы ему не ответили, сейчас же даст о себе знать. Но кажется, гром и молнии молчат, что позволяет Тишине ответить ему.

– Ну, для начала, давай отыщем Дежавю... – Как уже не ожидалось или всё же подспудно ожидалось Ростиком, Тишина, отвлечённый звонким падением чего-то или кого-то там сзади, что немедленно потребовало от них вовлечённости, с обязательным поворотом голов назад, не договорив, сбился со своего слова. Где их вниманию и предстала картина падения, как Макса на землю, так и Точа, в своей не воздержанности в себя. Что, конечно же, требует своих объяснений от Точа, который из двух павших, единственный имел возможности для осуществления всех этих падений, ну и скорее всего, от Макса не только слова не вытянешь, но и ничего не добьёшься.

Но Тишина и даже Ростик не стали ничего спрашивать у расплывшегося в глупой улыбке Точа, из чего, с первого взгляда стало понятно, что сейчас здесь произошло. Что, конечно, понятно только для всех разноплановых лиц, имеющих хорошее воображение. Ну а как быть тем, кто движется по этому миру буквально на ощупь, полагаясь только на свои, а чаще на чужие, кем-то прописанные в книгах строгие правила, которые ограничив фантазийные возможности, не позволяют заглянуть за пределы написанного, а чего уж и говорить о чтении между строк.

Так что для них давайте сделаем небольшое отступление и, сопоставив нервное отношение к ещё неупомянutoму Тишиной Дежавю, с коим, судя по хмурости лица Точа, у него были свои, на ножах не взаимопонимания и даже тёрки, то можно предположить, что когда Тишина выдал вслух это ненавистное для Точа имя, то он скорее всего, не вытерпел и с желанием не сдерживаться и выплеснуть из себя горечь, решил что-нибудь пнуть. Ну а это желание было столь требовательным к Точу, что он не найдя рядом с собой какой-нибудь валяющейся подходящей для этого банки, за не имением времени для поиска её, в один взгляд обнаружил, стоящий в виде Макса, подходящий для этого предмет. На котором, конечно же, можно было без труда выместить свою нервность.

Но Точь никаким боком не относился к тем, кто, пнув под зад, может вот так кощунственно поступить к незнакомому или даже знакомому бывшему человеку, который может быть даже тысячу раз этого заслуживает. А вот в один мощный удар выбить из под него ледяную писающую подпорку, которая совершенно не эстетично выглядела в этой дворовой композиции, он как оказалось даже очень может. Ну а дальше конструкция «Писающий мальчик», потеряв одну из двух основных опор и гадать уже не надо, а взяла и в один момент, даже не сложилась, а рухнула вниз, похоронив под собой несущего до дому горошину навозного жука.

– Как же я забыл тебе сказать: «Смотри не разбей». Ай-яй-яй. Что теперь поделаешь, сам виноват. – Покачал головой Тишина и, повернувшись, продолжил дальнейший свой путь.

– А ты начинай слушать. – Обратился Тишина к шагающему рядом с ним Ростiku.

– Как? – спросил его Ростик, который хоть природно и умел слушать, но судя по всем этим необычным обстоятельствам и самим спутникам, которые смотрят и скорее всего, слышат мир несколько иначе, это требовало для него своего инструктажа. С коим незамедлительно выступил Тишина.

– Смотри. – Нагнулся к земле Тишина, указывая на что-то, что Ростик пока сам не присел на коленки, не смог бы и заметить.

«И что?» – Молчаливая концентрация взгляда Ростика на ни чем не примечательную поверхность земли, говорила сама за себя.

– Видишь, строго очерченная треугольником вдавленность в земле. – Тишина, перехватив палец Ростика, направил его в с трудом различимую ямку.

– Чувствую. – Ответил ему Ростик, решивший лишний раз не тщеславить своё зрение, не имевшего к этой обозрительности никакого отношения.

– Он здесь стоял и судя по следам, где одни женские заканчиваются на этом месте, а мужские... Видишь, до этого места они еле видны (Тишина комментируя, двигает рукой Ростика по всему этому, как оказывается, не спокойному пятачку), а затем приобретают глубину и чёткость. – Тишина посмотрел на Ростика, для того чтобы убедиться, что он тоже ощутил.

– И о чём это нам говорит? – спросил Ростика Тишина.

– О том, что он скорей всего, взял кого-то на руки. – Ответил Ростик Тишине со своего сидячего положения.

– Точно. – Радостно ответил Тишина, потревожив стоящего за их спинами Точа, который воспринял это своё упоминание помимо него, как акт своего наказания со стороны Тишины.

«Поговори мне ещё», – Озлился Точь, глядя на Тишину.

– Ну а что скажешь на счёт этой маленькой выемки? – Не обращая внимание на недожество Точа, Тишина спросил Ростика. На что Ростик, вернувшись рукой к этой продавленности, снова опустил в неё свой палец и, замерев на месте, принялся слушать себя.

– Я ничего не вижу. – После небольшой паузы, растерянно сказал Ростик.

– Ничего. Ты ещё увидишь. – Похлопав Ростика по плечу, ответил ему Тишина, поднимаясь на ноги.

– Но кого он взял? И кто вообще, этот он? – поднявшись на ноги вслед за Тишиной, спросил его Ростик. На что Тишина внимательно посмотрел на него и бросив в лицо одно слово: «Праведник», – направил свой неспешный ход вглубь этих задворок.

«Праведник», – мысленно повторил про себя это имя Ростик, недоумённо пожав своими плечами, понимая лишь одно, что этот ответ Тишины его вообще ни к чему не приблизил. После чего решив, что лучше будет придерживаться правила: «всему своё время», двинулся догонять Тишину.

– Ну а насчёт Дежавю. Что-нибудь узнать можно? – догнав Тишину, спросил его Ростик.

– Сейчас увидишь. – Усмехнулся в ответ Тишина.

– Где? – всё не унимается и спрашивает Ростик.

– В данном случае вопрос «Где?», не уместен. А вот «как?»..., и как ты только увидишь его, то он сразу и явится. – В том же ироническом ключе отвечает ему Тишина.

– Но как я его узнаю? – спросил Ростик.

– Не беспокойся, узнаешь. – Резко оборвал Ростика и в том числе себя Тишина, заметив какой-то блестящий осколок на дороге. Каких, в общем-то, было полно в этом на задворках жизни месте, которое и создано было для того, чтобы в нём приют для себя находили различные осколки жизни. Но Тишина не спешит через общность проходить мимо частности, и он наклонившись к этому осколку, который скорей всего, когда-то входил в общность под названием бутылка, взяв его в руку, начинает прибывать в себе.

– Ну и что ты услышал? – Спросил Тишину, подошедший Точь.

– Вот из-за таких как ты, хрен услышишь себя. – К неожиданности Ростика, Тишина накинута на Точа. – А потом люди, не слыша, перестают слушать себя, а слушают кого угодно или вообще шум в своей голове, и в результате совершают чёрт знает что.

– Значит, в бар. – Теперь уже Точь, своим ответным благодушием, которое подвело итог этой иносказательности Тишины, которому всё же свойственно домысливание, нежели прямые ответы, удивляет Ростика.

– Тебя не проведёшь. – Ухмыляется в ответ Тишина, отбрасывая осколок бутылки. – Если, конечно... – Тишина вдруг останавливается и как заметил Ростик, с хитринкой в глазах, смотрит на Точа. Который, в свою очередь, остановился в ожидании продолжения этого, судя по всему, вызова ему.

«Ну?», – взгляд Точа красноречивей всяких слов.

– Ладно, назови мне марку пива, которое было в этой бутылке? – с победной иронией в голосе, спросил Точа Тишина.

– Три светлого!! – Делая заказ в одном из суровых баров, одного из не менее сурового микрорайона, Точь очень ловко ответил на поставленный Тишиной вопрос, которому теперь будет не так легко расчитаться с Точем, у которого запросы о-го-го. А вот если ты их удовлетворишь, то тогда ты и рассчитаешься! Присаживаясь за дальний от бара столик у окна, выходящего на улицу, Точь явно чувствует себя хозяином положения, который, так уж и быть, сделает первый заказ, а уж все последующие лежат под честное слово на Тишине.

– Что ж сказать. Такие значные места всегда притягивают праведников и скорее всего, и наш, нутром чувствуя, что его здесь ждут, даже не смотря на всю свою спешку и нетерпение, не сможет пройти мимо этого заведения. – Сделал вывод Тишина, разглядывая внутреннюю обстановку этого в сумрачном освещении бара, чей мрачный интерьер, которому добавляли острых ощущений такие же удручённые собой и также всем вокруг, невесёлые, даже не лица, а физиономии, наводил на должные мысли, способствующие желанию побыстрее напиться и забыться.

И хотя не слишком большие размеры придорожного бара, не способствовали одновременному размещению у себя большого количества потерявшихся в этом мире забулдыг, он, тем не менее, успевал пропустить через себя все надежды и чаяния пожелавших их пропустить. Чему как раз очень способствовала находящаяся здесь публика, для которой главное правило по жизни, было не задерживать тару и тем более, свои zenки на их лицах. Что с трудом удавалось сделать малознакомым с этими нравами, случайно заглянувшим сюда посетителям. Которым, конечно же, для расширения их кругозора, тут же или вернее там за углом, прямо у уличного кустарного вида туалета (что поделать, раз некоторым очень тягостно находиться внутри душного ограниченного пространства и им хочется на свежем воздухе найти взаимопонимание с природой), будет всё досконально, не только объяснено, но и дано время на раздумье; в самом наилучшем для него виде, лёжа с вынесенной челюстью в кустах.

– Молчание – золото. – Первое, что придёт на ум человеку, потерявшему возможность развести челюсть и какое либо желание говорить, которое он с помощью своего мычания, попытается скорей всего проверить. А проверяй, не проверяй, а сии достойные ученики задворок жизни, должно знают своё дело и любое правило, для того чтобы оно должно было усвоено, они так мощно вбивают в голову или челюсть, что ты хочешь, не хочешь, а будешь вынужден практически усвоить.

– Дзен! – звучно под дых отдался в голове звук ботинка со стальными набойками, вернувшегося на зов ученика, одного из наиболее усердных учителей. После чего, не слишком усидчивый ученик, задохнувшись в своём пренебрежении к усердию, пытаюсь вдохнуть в себя хоть чего-нибудь, сгибается в четверть.

– Ты, как я вижу, в своём самосознании не далеко ушёл от своих сородичей. И делаешь ту же самую распространённую ошибку, виня во всём не себя, а этот, такой неприветливый мир. Но дело в том, что вся твоя беда заключается в самом тебе, в твоей полной всякого вздора голове, которая и не даёт тебе спокойно взирать на мир, бесконечно дёргая тебя от одного к другому, что и приводит к потере равновесия. Но я то, знаю, что вы не желаете знать. И только состояние без я, позволяет достичь внутреннего баланса. – Последователь дзен-учения, внимательно посмотрел на притихшего невольного ученика, который решил, что второго дзена по почкам он не выдержит. – Вижу, ты уже сделал свой первый шаг к пониманию своего места

в этом мире, где каждому уготована своя непреложная мысль. Ладно, не беспокойся и я так уж и быть, помогу тебе сделать второй шаг, и приблизиться к пустоте сознания – к своему не я.

– Дзен! – из кустов вновь послышался звук стальных набоек, родивший ещё одну пустоту дзен-учения. Ну а сам мастер (а другим он не мог быть по определению, но и по жизни, имея мастерский разряд по боксу), нутром чувствуя, что он, во-первых, хочет согреть своё нутро согревающей жидкостью и, во-вторых, что внутри бара находится ещё столько несмышленишей, которым нужно всё объяснить, скорым шагом возвращается под сени этого помещения.

И хотя под стенами (да-да, именно так, без предлога «в» и всяких «–нах»), что только на первый взгляд, так звучит несколько не осмысленно, хотя и сам этот последний используемый словооборот, тоже несколько вопросительно читается. «Как это ещё может, на первый взгляд звучать?», – тут же зададутся вопросом придирчивые лингвисты. «Ну а уж что и говорить о том, что находится под стенами, можно лишь в той ситуации, как в случае, например, землетрясения и вовсе не имеет смысла. Так что, в данном и в любом другом случае, будет вернее сказать: находясь под потолком или крышей». – Уверенные в собственной непогрешимости, утвердительно покачают головами твёрдые в своих убеждениях лингвисты.

Что ж, может быть и так, но только они (лингвисты), как всегда не учли пространственно-временной континуум, который, как это обычно бывает, налагает своё мироощущение на всякое словоупотребление. Которое в данном барном месте, было редко выдержанным в рамках приличий (оно, скорее всего, было настояно на своём понимании мира и крепости напитка, вносимого внутрь с одного глотка) и не соответствовало классическим правилам употребления слова. Ведь когда слова идут от самого сердца, минуя всех этих наводящих на них лоск и блеск посредников в виде мозгов и уже связанного языка (он, как все знают, человеческого языка не понимает и его приходится связывать, и ни каким-нибудь обещанием, что есть главная ошибка новичков, а обязательно крепостью употребляемого напитка), то они, хоть и не несут в себе всех этих смысловых вывертов, так украшающих всякое слово, но дело в том, что и твой слушатель слышит тебя своим сердцем. А ему для большего понимания и не нужно.

Ну а что касается того употребления словосочетания: «под стенами этого бара», то и здесь всё верно, ведь большинство посетителей, в конце концов своего пребывания в стенах бара, изменяют (но только не себе) своё пространственное положение и оказываются как раз под стенами, ну и заодно, под лавками и столами этого барного помещения. Что, с первого взгляда и услышала (а это второе объяснение возможности первого взглядового звучания, который источал храп, занявших своё верное место в этом мире усталостей от него) вошедшая в бар компания, состоящая из Тишины, Точа и Ростика.

– А здесь, ожидаемо. – Резюмировал свой обзор внутреннего помещения бара Тишина, пока Точь, дабы не беспокоить редкого официанта, который и так был обеспокоен животрепещущим вопросом: «А какого, он здесь делает?», – ну и в придачу, как бы ему, по добру, по здорову уйти отсюда, отправился за своим самообслуживанием.

И хотя это «ожидаемо», в зависимости от заложенных в тебя стереотипов, в каждой голове звучит по-разному, всё же на этот раз Тишина, в своих выводах не слишком отступил от того, что каждый ни разу не бывавший в таких заведениях, но где-то, как-то слышавший о стоящих там дым-трубой нравах, предполагал бы увидеть.

Так, у занимающего своё боковое место, в дальнем от входа углу помещался бильярд, вокруг которого суежилась компания крепких парней, которые скорей всего, были за рулём мотоцикла и оттого не слишком налегали на спиртное, и поэтому ещё позволяли себе стоять на ногах. Да и кий в руках, ну и сам бильярдный стол, временами, так или иначе, крепил их усердие, не позволяя упасть в глазах присутствующих здесь же их великолепных подруг, чьи сбитые ветром причёски и соответствующие их байкерскому имиджу татуировки и кожаные одеяния, во всей красе показывали то, на что они способны.

И если эта наиболее количественная группа посетителей, определённо создавала свой музыкальный фон внутреннему убранству бару, то вторая, чуть менее многочисленная группа выпивох, предпочитала всякой деятельной игре типа бильярда, не менее интригующую игру под названием: «игры разума». Эта компания большой суровости и требовательности к этой жизни, что было очень живо написано на их лицах, умственно находясь везде, всё же физически занимала свой стоящий прямо напротив стойки бара, сдвинутый из двух столов столик. Что, возможно, в каких других случаях не слишком позволительно, но когда на эти движения решаются постоянные завсегдатаи бара, которые к тому же не столько требовательны, а скорее, более чем иной посетитель, усердны в своём употреблении (не успел официант исполнить заказ, а он уже вновь назрел у них в головах и на столе. И теперь подумайте, сколько бы им пришлось ждать, займи они дальний в углу столик), то разве им откажешь.

Ну а как все знают, что когда в таком специфическом помещении собирается в одном месте столько суровых лиц, то они очень строги, как к окружающему, так и друг к другу. И стоит только кому-нибудь из них забыться и слишком громко заявить о себе: «Да Я», то тут же своё слово берёт чей-то жаждущий справедливости кулак, который, конечно, понимает желание заявившего это, если не выделиться, то, как минимум не забыть себя, но зачем же с большой «Я» буквы. После чего кулак обрушивается на этого зазнайку и отправляет его под стол подумать над своим, теперь уже маленьким «я».

«Говори, да не заговаривайся». – Удовлетворённо кивнул носителю этой справедливой руки – Левому, не формальный лидер этой компании мастер Дзен, прозванный так за свою приверженность этой школе духа, ну и заодно за любовь к звенящим сталью ботинкам.

«А если бы он ему отправил свой посыл левой». – Умственно почесав свои челюсти, подумали над альтернативными перспективами, оказавшегося под столом невыдержанного на язык, своего, а теперь не своего товарища, оставшиеся за столом более воздержанные на язык господа. Да-да, эти господа совершенно безошибочно определили сторону, применённую в своих справедливых целях руки Левого, который только для особых случаев придерживал свою основную руку, в честь которой он, в некоторой степени и был так прозван. Ну, а что касается самой мысли этих господ, то она, как и все остальные, редко у кого задерживаются в головах и быстро перемещаются в ноги. Где они, создав свою уютную атмосферу, утяжеляют ноги и, в конечном счёте, отправляют слишком многоточающих о себе, подумать в более комфортное горизонтальное положение – вниз на пол.

Ну, а зная непреложную истину, что каждый человек постоянно о себе думает, то можно без труда догадаться, что в столь комфортном для своего мыслительного процесса положении, в скором времени оказалось не малая часть посетителей этого думного заведения.

– Ну, что скажешь? Мысли есть? – поглядывая в зал, сделав глоток из кружки, спросил Тишину Точь.

– Хм. Если бы их даже не было ни одной, то они прямо с ходу напрашиваются и, пожалуй, не дадут пройти мимо. – Усмехнулся в ответ Тишина, поглядывая на эту деятельную, занимающую своё центральное место компанию суровых парней, глядящих на мир сквозь призму своей справедливости.

– А знаешь, какая мысль напрашивается при виде этой серьёзности лиц? – Тишина повернулся к рядом с ним сидящему Ростик, и спросил его. На что Ростик, хоть и имел, что сказать по этому поводу, который вытянув свои ноги в проходе, так и напрашивался на запинание и тревожную запись в своей памяти, всё же решил, что неуверенность в пожатии плечами, будет наилучшим ответом для него.

– Эх, ты. Всё тебе, разжуй и положи в рот. – Несмотря на словесное недовольство, Тишина был вполне доволен таким ответом Ростика, позволяющим ему не отталкиваясь от чужих слов, саму развить свою тему.

– Всякая серьёзность, как и в нашем случае, сквозящая на лицах этой невесёлой компании, это всего лишь остановившаяся на одном мнении человеческая мысль, которая руководствуясь своей избранностью, зиждущейся, на как ему кажется, на более рациональным подходе к жизни, закрепощает его на одном, то есть на себе. И если в двух словах сказать, то он становится очень уж прогнозируемым, что даже в некотором роде расслабляет. – Тишина сделал паузу и, откинувшись на спинку дивана, видимо демонстрировал, как это раскрепощает. Затем немного пораскрепощался и, вновь вернувшись к столу, продолжил:

– Ну а всё это даёт широкий манёвр для действий, чем, наверное, грех не воспользоваться и, в конце концов, кто-нибудь, да и воспользуется. – Тишина вновь замолчал, внимательно посмотрев на входную дверь бара.

– Что, думаешь, этот кто-то, вот так прямо сейчас и появится в створе двери бара. – Заметив такую внимательность Тишины, не смог промолчать Точь, который всё же, не смотря на свой скептицизм, развернулся и тоже увлёкся наблюдением за входной дверью.

– Я не думаю, а уже слышу прорывающееся нетерпение серьёзных людей, чьи кулаки уже счесались об стулья под собой, а зубы, выговаривая слова, так полны скрежета, что только глухой не увидит в их глазах безумство ярости. Ну а это, как раз самое время для появления праведника, который услышав, что его призывают, изменил своё направление хода и повернул сюда. – Тишина замолчал, дав своим спутникам возможность услышать отражение его слов. Но Ростик, как бы не прислушивался, но кроме фоновой музыки, звона бокалов и сопровождающей всё это разговорных вибраций воздуха и время от времени повизгивания татуированных баб, ничего не слышал. Но Тишина, судя по его сосредоточенному виду, кажется, что-то слышит.

– Всё, я уже слышу приближающие шаги праведника. – Тишина, так это резко заявил, что Точь не сумел закончить начатое – свою зевоту, которая застыла на его с открытым ртом лице, ну а Ростик, и вовсе дёрнувшись, пролил содержимое бокала на стол. Но Тишина в своём полном сосредоточении не обращает внимание на эти неуклюжести своих спутников, когда перед ним стоит видимость неизбежного, которое уже приблизилось, и стоит в каких-то пару шагов от входной двери в бар.

– Он не войдёт без необходимого стечения звуковых обстоятельств. – Тишина, а вслед за ним и Ростик поворачивают свои головы в сторону игроков в бильярд, которые видимо сговорившись с Тишиной, затихли и лишь один из них, нацелившись кием на шар, готов, разбив установленные в начальную позицию игровые шары, таким образом, разрушить возникшую тишину.

«Стогк!», – вслед за ударом игрока звучит отзвук недовольного бильярдного шара, на который налетел пущенный игроком шар. Ну а он, придав ускорение шарам, таким образом, раскидал их по зелёной поверхности бильярдного стола.

«Свирст!!», – Резкостью открытия двери, вызвав воздушные колебания и соответствующий будоражащий души звук, зафиксировав в своей руке входную дверь, сквозь дверной проём, из тёмной глубины улицы вовнутрь посмотрели чьи-то глаза.

– Тихо. – Из глубины себя тихо прошептал Тишина, повернувшись в сторону входной двери бара. Но ему на этот раз не нужно было ничего говорить, когда все присутствующие в баре, кроме разве что неусыпно играющей музыки, вдруг почувствовали, чему поспособствовала влетевшая с улицы пасмурная свежесть воздуха, и что им без промедления необходимо посмотреть в сторону входной двери. Что все, без лишних разговоров и проделали, правда, только ненадолго.

«Имеющие уши, да услышат. Я иду!», – Вцепившись ногтями в стол, не сводя своего взгляда с входной двери, Ростик, да слышал, а что не слышал, то домыслил. Но поднявшийся шум в баре, явно говорил о том, что уши имел только он, когда у всех остальных и других дел полно.

– А он мне кого-то напоминает. – Повернувшись к Ростiku, усмехнулся Точь.

«Ты давай, не отвлекай». – Строгий взгляд Тишины не дал развить мысль Точу, который ничего другого не ожидая от них, вновь развернулся для того чтобы понаблюдать за развивающимися событиями. А они действительно не стояли на месте и вошедший в бар обычный молодой человек, чей вид не вызвал ни у кого интереса, само собой дал ему большую свободу передвижений.

– Хм. – Звучно отреагировал Ростик, увидев совершенно не то, что он ожидал увидеть.

– Не спеши делать выводы. Видимость всегда обманчива. – Уже в свою очередь отреагировал на это «хм» Ростика Тишина. – К тому же запомни, что видимость многослойна и обманчива до конца. И было бы странно думать, что ты раз обманувшись, не будешь обманут дальше. Да и к тому же любой праведник никогда не спешит, а всегда даёт шанс. Ну ладно, смотри и запоминай. – Тишина, заметив появившиеся движения, вновь перевёл своё внимание на вошедшего. А он между тем, обеда своим взглядом тех, кто находился внутри помещения бара и, наметив что-то для себя, двинулся прямо к намеченной, пока что промежуточной цели.

Ну а когда на тебя практически никто не смотрит, то тогда уже тебе гораздо легче смотреть на окружающий мир и следовать по нему, и в частности к барной стойке, куда и направился этот молодой человек. Который, правда, забыл, что, как бы, не лёгок был твой путь, он всегда, только таким кажется, и никогда не будет лишним посматривать себе под ноги. О чём этот молодой человек неосмотрительно позабыл и наткнулся на подставленную ему подножку, на которую сподобился Левый, чью физкультурность тела украшала майка с созвучной его характеру надписью «Понты Forever». Видимо Левый решил таким занимательным способом, размять свои длинные ноги.

Далее следует сбивчивый полёт зашедшего молодого человека на пол, что само собой вызывает восторженное ржание сидящей за столом компании, как оказывается, не всегда серьёзной, а иногда даже очень развесёлой публики, которая всегда готова посмеяться над чужой оплошностью и разбитостью носа.

– Умеешь же ты Левый с полуоборота указать человеку на его место в этой жизни. – Мастер Дзен, удовлетворённо покачал ботинком ноги, закинутым на свою напарницу ногу.

– Чего уставился! – не успел молодой человек приподняться с пола, как зарывавший на него Левый, должно указал ему своё отношение к случившемуся, где скорей всего, был он задет, а не этот по ногам ходящий тип. В чём, наверное, тоже была своя логика. Ведь не Левый же наступил ему на ногу, а этот самородок, который ещё рожу соорудил, как будто он не то что недоволен, а даже прав; сука, в общем.

– А ну, резко метнулся мне за пивом! – Левый не даёт этому молокососу времени одуматься и, наматывая на кулак шарф бывшего товарища по столу, таким демонстративным способом, указывает о своих других, имеющихся у него в наличии аргументов. В ответ молодой человек лишь подымается на ноги и, не заводя споров, отправляется к барной стойке; благо она находится не далеко. Там он делает заказ – бутылку пива, с которой он, спустя время, потраченное на его возвращение к столу, и оказывается напротив всё также ухмыляющегося Левого, который будучи в отличном расположении духа, таким же образом развалился на своём стуле.

– Ну, чего тянешь. – Бросив презрительный взгляд на это стоящее напротив чучело, которое ещё смеет смотреть сверху на него, Левый звонко цыкнул.

– И то верно. Чего я жду. – Звучно выговорил свою ответственность праведник и с той же звучностью, со всей силы разбил бутылку об пол, тем самым заставив всех присутствующих в баре, вновь сосредоточить внимание на нём. Ну а когда соответствующая реакционная оторопь зафиксировалась на внимающих ему лицах, по большей части удивлённых людей, то лишь тогда праведник, глядя на всех сразу находящихся за столом Дзена, начал свою проповедь:

– Говорят, что человек самая главная загадка мироздания, над которой сколько уже тысячелетий бьётся столько умов («А надо было всего лишь разбить бутылку», – сделал вывод

Ростик), которые так и не могут, и близко подойти к ответу кто он есть. Но зайдя сюда, я не просто увидел, а можно сказать, что вы мне раскрыли глаза и ответили на эту загадку, за которую Сфинкс, а до него тысячи людей, положили свою голову. – Праведник сделал паузу, дав возможность вдохнуть в себя дымного кислорода, внимающим ему серьёзным и другим людям, которые непонятно почему, не осмеливались перебивать его таким громким звуком.

– Да, я был слепцом, который шёл по жизни, задаваясь вопросом: «Верю, не верю», – но посмотрев на ваши физиономии и глаза, на которых всё и так написано (и не надо дополнять надписями на теле и майках), я нашёл ответ на эту загадку. – Праведник посмотрел на Левого, который, как всем показалось, даже смутился от такого внимания к себе. – Отныне я не верю своим глазам и это моё главное верование. – С долей пафоса и с большей громкостью произнеся последнюю фразу, Праведник замолчал и, застыв на месте, принялся ждать ответа. Которого долго не пришлось ждать, и он последовал от лица имеющего право первого голоса, Дзена.

– Да ты кто такой? – Вместе с напряжением выдохнул из себя слова, которые во время всей этой речи неизвестно кто такого, но однозначно покойника, сковав Дзена, не давали ему пошевелиться.

– Извечный вопрос, смотрящих с сомнением на других, но никогда не сомневающихся в себе, исключительных людей. – Дерзость первых слов последовавшего ответа Праведника, вновь заставила напрячься лица и кулаки серьёзных людей, уже предчувствующих, что здесь одними словами дело не закончится. И единственное, что их волновало, так это слишком уж большая смелость этого непонятно что за типа, который, не смотря на своё одинокое количество, бросает им вызов. «Что-то тут не чисто», – интуиция своей тревогой вдавливала их зады в стулья и настоятельно требовала посидеть и обождать того, что дальше будет.

– Кто я такой? Хм. Я как понимаю, вам не особо нужен ответ на этот вопрос или вернее будет сказать, что вы хотите, чтобы я выступил той лакмусовой бумажкой, через которую каждый из вас для себя смог бы ответить на этот же самый вопрос, но только обращённый к себе. – Праведник вновь замолчал, ожидая ответа.

– Да ты, как я посмотрю, большой умник. – Подымаясь с места, заявил Дзен.

– Интересно, а почему вы всегда предполагаете наличие большого ума у вашего оппонента. – Усмехнулся Праведник, наблюдая за приближением к нему Дзена. – А малый, чем вас не устраивает. Своим подобием? Или может быть, само наличие ума вводит вас в ступор. Вот вы и ищите причину оправдать себя... – Праведник не смог договорить, будучи перебитым Дзеном.

– Всё, хватит, я уже до глухоты наслушался. Пришло время отвечать за свои слова. – Зыкнул Дзен и, замахнувшись, замер на месте, как и все другие подскочившие вслед за Дзеном серьёзные и просто парни, чему, как выяснилось, поспособствовал выкрик Тишины: «Тихо!».

– А.. – Только и успел так однобуквенно себя проявить Ростик, как Тишина, предвзято его большую словоохотливость, поднявшись из-за стола, сказал:

– Нам этого достаточно. А ты вместо того чтобы заикливаться на второстепенных вещах, лучше бы поискал среди всего этого бедлама Дежавю.

А ведь Ростик за всеми этими событиями и забыл, зачем они сюда прибыли. Хотя, если бы он и помнил, то всё равно совершенно не имел понятия, как этого Дежавю искать. Но Тишина, видимо и это учёл и он, заняв наблюдательную позицию, заявил:

– Посмотри внимательно на всё это и выдели себе частности, которые тебе, не то что что-то напоминают, а даже, кажется, что ты их уже видел.

– Ладно, давай посмотрим. – Ответил ему Ростик, заняв своё плечо к плечу, место рядом с Тишиной, где как оказалось, что Тишина умеет выбирать для себя наиболее лучшие для наблюдения места.

– Ну так что ты видишь? – Тишина, наверняка, уже нашёл этого хитрого Дежавю и только для профформы спросил Ростика.

– В кино такие сцены я сто раз уже видел. – Ответил ему Ростик, который, не заметив ничего примечательного, понял, что эта задача по поиску Дежавю не так уж проста.

– Ну а в жизни, разве не приходилось с кем-нибудь бодаться за место под солнцем? – Несколько удивлённый, спросил Ростика Тишина.

– В других местах и состоянии. – Ответил Ростик.

– Ну а в барах, до этого бывал? – Спросил Тишина.

– Случалось. – Ответ Ростика предполагал очень большую точность его утверждения, говорящей о редкости посещений такого вида заведений.

– Ну, тогда даю тебе подсказку. Посмотри на того, кто является лицом этого заведения. И это не его заплёванный пол. – Тишина направил свой, и вслед за ним и взгляд Ростика на замершего с открытым ртом бармена.

– И точно, эта его открытая позиция мне кажется знакомой. – Ростик вдруг удивился своей невнимательности и, спровоцировав своим ответом Тишину на действия, проследовал вместе с ним поближе к бармену.

– Ну а так. – Тишина, поработав над выражением лица бармена, принявшего очень участливый вид, отойдя от него, спросил Ростика. Но не успел Ростик ответить, как к его удивлению бармен, как-то дубликатом выделился из себя и, облокотившись на стойку бара, ухмыльнувшись, заговорил:

– А вот я почему-то не сомневался в том, что ты мне не дашь досмотреть до конца эту эпическую историю.

– А чего ты не видел-то. Ты сам прекрасно знаешь, чем заканчиваются подобного рода столкновения интересов. – Улыбаясь, ответил ему Тишина.

– Ты же знаешь, что меня интересует сам процесс, а не его конечная цель. – За между прочим, сказал, как теперь понял Ростик Дежавю, который бросив свой мимолётный взгляд на него, затем перевёл его на сидящего за столом Точа, заметно улыбнулся чему-то и вернувшись к Тишине, спросил его:

– А где наши милые дамы?

– А ты не меняешься. Куда бы тебя занесла нелёгкая, всё равно все мысли кружатся вокруг одного. – Покачал головой Тишина.

– Ну так что? – с долей нетерпения спросил Дежавю.

– Они в машине. – Ответил Тишина и не успел он рта закрыть, как Дежавю, перескочив через стойку, бросив ему: «Я буду там», – в один миг покинул это скучное помещение.

– Неугомонен. – Усмехнулся Тишина. – Оттого, наверное, он больше создаёт впечатление видимости, нежели факторизует реальность произошедшего.

– Зато слишком много о себе думает. – Вставил своё слово, подошедший Точь. Но Тишина не стал оспаривать это мнение Точа, с которым он, возможно, был согласен, а оглядевшись по сторонам, обратился к Ростiku:

– Ну что, давай, ещё раз посмотри на эту картину и лица. Кто знает, может, кого ещё узнаешь. Ну а мы тебя ждём на улице.

После чего Тишина с Точем выходят из бара, оставляя Ростика наедине со своими мыслями и с этой картиной, застывшего на мгновение будущего безумства. И хотя Тишина подталкивал Ростика посмотреть на всё представшее перед ним со своей позиции наблюдателя, Ростiku, не чуждому стратегического планирования, захотелось, в своём видении дальнейшего развития событий, дать шанс Праведнику должно противостоять этому численному преимуществу его противника.

«Ладно. Я не знаю причин подвигших его к этому, на первый взгляд очень глупому поступку. Хотя, если прислушаться к Тишине, то он говорит, что видимость обманчива и возможно внутри Праведника скрывается не только основа его действий – правота, но и та немалая сила, которую как раз даёт всякая правота. Так что, возможно, что эта кодла на первом

этапе, не учтя опасность противника, расслабилась, что даёт ему преимущество внезапности. К тому же эти серьёзные парни очень серьёзно приняли на грудь, и не обладают нормальной реакцией. Что ж, учитывая все эти факторы, можно достойно потрепать основы стояния на ногах этих парней». – Ростик подошёл вплотную к замахнувшемуся Дзену и, произведя мысленные расчёты, удовлетворённо покачал головой, определив для себя самые удачные места приложения ему кулаком, после чего тот рассыплется на месте.

«Так, а тут что нас ждёт?», – Подойдя ко второй наиболее видимой и опасной угрозе – Левому, который находясь в полусогнутом положении, грозился выпрямиться во весь рост, Ростик, недолго думая, вынес свой вердикт: «А этому не нужно дать подняться на ноги». Затем Ростик вдруг что-то надумал и, бросив свой взгляд на двери, в один прыжок достигнув стойки бара, перемахнул через неё и, порывав там в поиске чего-то, добрался до небольшого холодильника. После чего заглядывает в него и к своему удовлетворению находит в нём то, что искал, и уже с этим, что искал, возвращается назад и подкладывает под ноги Левого кусочки льда, которые и были предметом его поиска.

А всё очень просто и с помощью этих провокационных по отношению к Левому действий, на которые он сам напрашивался, Ростик, используя свою смекалку, решил таким же образом сравнить шансы Праведника в противостоянии с серьёзными парнями. Ну а главной целью всех его действий было решение связать движения наступающей стороны, где имеющим шнурки на ботинках, всего лишь нужно было их связать между собой, а парням, не имеющим такого достатка, пришлось расстегнуть штаны и спустить их до степени заплетания ног, с чем Ростик без труда и справился. «Всякую серьёзность бьёт только несерьёзность», – посмотрев на дело рук своих, Ростик сделал свой жизнеутверждающий вывод. После чего, он, бросив удовлетворённый взгляд, вышел вон из бара.

– Ну что. Что-нибудь усмотрел для себя? – Спросил, вышедшего на улицу Ростика Тишина.

«Нет», – Покачал в ответ головой Ростик. «Но они уж точно усмотрят», – Усмехнулся про себя Ростик, и чтобы Тишина, от чьего внимания редко что проходит незамеченным, не задался вопросом, первый спросил его:

– И что это сейчас было?

– А разве не понятно. – Усмехнулся в ответ Тишина, разворачивая свою голову в сторону такого любопытного Ростика.

– Не очень-то. – Кивает в ответ Ростик, заставляя Тишину провести короткий ликбез.

– Человек, этот сосуд для содержания бога, со временем наполняется под завязку своими переживаниями, которые так и стремятся выплеснуться из него куда-нибудь наружу, вне его. И вот тут то для него и существует в основном два варианта дальнейшего поведения. В первом случае, если его сердце ещё горячо бьётся, а чувства, приходя в волнение, бурлят, то он, закипая, выплескивает из себя весь переполняющий его негатив. Что, в общем-то, и позволяет ему, избавившись от этой накипи, прийти в норму. – Тишина намеренно сделал паузу для того чтобы Ростик спросил его то, что он хотел спросить. Что, в общем, тот и подвиг себя.

– И я как понимаю, это был первый вариант действий. – Сделал лежащий на поверхности вывод Ростик.

– Верно. – Согласился Тишина практически сам с собой. – В другом же случае, когда его сердце зачерствело и охладело к жизни, то поверхность его сердца покрывается ледяной коркой, не давая вытечь из него всему негативу. Что, в свою очередь ведёт к разрушению человека изнутри, разбивая этот сосуд окончательно. Вот наша задача и состоит в том, чтобы проследить и не дать этому человеческому сосуду окончательно разбиться вдребезги. – Тишина вновь делает ту же намеренную паузу. На что следует свой, правда, несколько расширенный ответ Ростика:

– Ну а другой случай, это как раз наш. Что, понятно, но вот только мне не понятно, почему в этом случае леденеют и разбиваются сердца попутных людей, а не самого нашего праведника?

– Возможно потому, что это не простой, а совсем другой случай. – Как-то уж слишком туманно ответил ему, остановившийся на месте Тишина. Затем повернулся к также остановившемуся Ростiku и оперевшись в него взглядом, проговорил:

– Запомни главное. Праведник не самостоятелен в своих действиях. Он действует от лица... – Тишина сделал паузу, посмотрел куда-то сквозь Ростика, после чего уже продолжил. – Лучше скажу так, он есть воплощение идеи справедливости, которая и движет им во всех его поступках. Ну а справедливость понятие относительное, то и праведники, в зависимости от их понимания этой идеи также разнятся между собой. Ну а уж кто им вкладывает или же откуда рождаются все эти мысли о справедливости, или скорей всего о возмездии, то это другой вопрос.

На что Ростик готов был разразиться новым потоком вопросов, но появление в их поле зрения машины такси, рядом с которой стояли, что удивительно, смеющиеся Комаша и Мара, а также крутящийся вокруг них Дежавю, остановило его.

– Что и следовало ожидать. – Бурно отреагировал на все эти движения Дежавю хмурый Точь.

– А ты никак ревнуешь. – Усмехнулся в ответ Тишина, заставив Точа побагроветь и вслед за этим закашлявшись, остановиться на месте. Что было сразу же замечено неугомонным Дежавю, с кулаками бросившемуся к Точу, для того чтобы выбить из его спины весь этот кашель. Но Точь, как бы он не закашливался, не может пренебречь своим мнением по отношению к Дежавю и стоило тому только приблизиться к нему, как Точь выпрямляется и, встав в боксёрскую стойку, с грозным видом заявляет Дежавю:

– А ну, не подходи.

– Так я ведь только помочь. – Наткнувшись на непонимание и на кулаки Точа, Дежавю для видимости соорудил полное непонимание такого невежества в поведении Точа.

– Знаю я твою помощь. Потом каждый твой удар так мне аукнется, что только я подумай, даже не кашлянуть, а чихнуть, так сразу же твоя рожа встанет передо мной. – Заявил Точь, после чего обошёл Дежавю и, приблизившись к машине, своей строгостью взгляда потушил стоящую весёлость в глазах Мары и Комаша. Что сразу же было замечено Дежавю, который, как уже понял Ростик, имел свои воззрения на этот мир, с которыми он вернулся назад, где и выразил их в лицо Точа:

– Да ты, я как смотрю, всё также строг и никому не даёшь спуска на свою отвлечённость.

– А что плохого в том, чтобы смотреть на жизнь, не видя в ней сомнения, которым ты своим присутствием, постоянно подвергаешь живущих. И, стоит тебя увидеть, они тут же впадают в непонимание, что же с ними происходит. И спрашивается, какой во всём этом смысл? – Точь уставился на всё улыбающегося Дежавю, ожидая от него ответа.

– А ты не предполагаешь такого варианта, так сказать, отдыха от всякого смысла. – Ответил ему Дежавю.

– Если ты не можешь найти оправдание своему существованию, то лучше помолчи, нежели уводить нас в области своего вольнодумствования. – Заявил Точь.

– Да неужели ты посмел выразить сомнение насчёт вселенского разума, который ничего просто так не делает. – Дежавю соорудил полную серьёзность на своём лице, которая после такого своего озарения, грозила ему полным уроном с ног, для чего Дежавю, дабы не упасть, запрыгнул на капот багажника машины.

– А ну хватит ходить всё вокруг да около. Говори, для чего ты нужен? – Точь приблизившись вплотную к Дежавю, не сдержался, и дабы показать серьёзность своих намерений, со

всей силы вдарил кулаком по багажнику машины. И тут же получил ответ на свой звонкий вопрос, правда, не оттуда откуда ждал.

– Бам-Бам. – До ушей Точа, да и всех остальных, из глубины багажника донесся эховый отзвук этого удара Точа, заставив их прислушаться к этому стуку.

– Кажется, Точь достучался до своего ответа на свой же вопрос. – Не успела у всех сформироваться своя мысль насчёт источника ответного стука, как прыгнувший на землю Дежавю, уже сделал свои выводы, предоставив Точу, пространство для его манёвра – багажник такси. И хотя Точь всем своим видом источал энергичную жизнедеятельность, он почему-то не спешил заглянуть в багажник, в который теперь начали беспрерывно стучать.

– Ну, что смотришь. Если хочешь узнать ответ на свой вопрос: «для чего я нужен», то не нужно бояться заглянуть в багажник своей памяти. Ну, или в какой другой. – Дежавю, явно решил спровоцировать Точа на открытие багажника. Что, конечно, смотрится соответственно, но стоящим вокруг Точа, теперь становится даже более интересно посмотреть не на то, что находится там в багажнике, а как поступит Точь в этом своём противостоянии, теперь уже с их любопытством. Что ж, а имеющее своё место любопытство, особенно в чужих, смотрящих на тебя глазах, всегда побуждает к своим, хоть даже и к бездейственным, но всё же целеустремлённым действиям, к которым и приступил направившийся к багажнику Точь.

– Я так и знал, что затея брать чужую машину, ни к чему хорошему не приведёт. – Начал говорить себе под руку Точь и, конечно же, у него ничего не получилось в деле открывания багажника. Ну а наблюдавшие за всеми его сбивчивыми действиями добровольные зеваки, не только не помогли ему, ну хотя бы словом, но и в частности Дежавю, даже принялся подтрунивать.

– Да ты, я смотрю, уже не открывая багажник, собственноручно ответил на свой вопрос. – Смело, правда из-за спины Тишины, заявил Дежавю, вызвав у Точа вспышку ярости, с которой он направился в кабину и вытащил оттуда ключи зажигания и на всякий пожарный – монтажку (кое-кому по голове случай). Что, почему-то не вызвало дополнительных вопросов у такого любопытного Дежавю. Затем Точь вернулся к багажнику и уже без лишних вопросов открыл багажник, из которого в тот же момент вылезло никому неизвестное лицо таксистского типа.

– Я..я..я. – Ухватив замешкавшегося Точа за локти, лицо нервного и очень всполошённого типа принялось трясти Точа и своеобразной азбукой Морзе, где вместо точек применялась буква «я», пытаясь объяснить ему – что случилось, повергло его в ужас, и в багажник машины.

– Да успокойся ты. – Придержав руки нервного таксиста, попытался его успокоить Точь, явно не знакомый с таким способом коммуникации. Но видимо в таксисте скрывалось столько незадействованной энергетики, что он всё не мог успокоиться и задёргал Точа так, что пришлось вмешаться Тишине, хлопнувшему в свои успокоительные ладоши. Ну а любой отличный от внешнего фона звук, всегда обращает на себя своё внимание, с которым все и посмотрели в сторону Тишины. И хотя все находящиеся здесь увидели одно и тоже – стоящего Тишину и рядом с ним Ростика, то почему-то не все спокойно восприняли этот их вид. И к неожиданности всех, кроме разве что таксиста, который, в общем-то, и выказал эту неожиданность, таксист, вдруг во всю глотку завопил и проявив чудеса ловкости, оттолкнув от себя Точа, схватил крышку багажника и собственноручно, с грохотом закрыл крышку за собой.

– Что это сейчас было? – С недоумением посмотрел на окружающих Точь.

– Что-что. Меня увидел. – Ухмыльнулся Дежавю, вызвав новый кризис в их отношениях с Точем, готовым уже засунуть этого остряка не в багажник, а под капот машины.

– Я вижу, что застой в действиях приводит к застою в отношениях. Так что, из всего этого делаю вывод, что нам пора ехать. – Перебил все эти разглагольствования Тишина, затем посмотрел на всю компанию, перевёл свой взгляд на машину и видимо сопоставив количество мест с количеством пассажиров, пришёл к неутешительному выводу для кого-то из них. Что

опять же не укрылось ни от чьих глаз и если одни уверенные за себя, решили не высказывать своё беспокойство за других, то самые неуверенные за себя, как раз полезли на рожон.

– Я пешком не пойду. – Громогласно заявил Точь, чувствуя огромную предвзятость на счёт себя со стороны Тишины, который, как он уже не раз проходил, конечно, сейчас будет давить на его сознательность. «Да и вообще Точь, если не на тебя, то на кого я ещё могу положиться». – Перед глазами Точа уже стоял этот, не раз происходивший с Тишиной разговор. Правда сейчас, перед глазами Точа возник Дежавю, который со своей проницательной ухмылкой, глядя ему прямо в мысль, до своей невыносимости ответно иронизировал: «Что, меня вспоминаешь».

– Ладно Точь, я на тебя надеюсь... («Начинается», – Точь уже начал мысленно готовить свой словесный отпор) – глядя на Точа завёл разговор Тишина. – Доставишь всех обратно. А там пересядешь на нашу машину и заберёшь меня. – Неожданность заявления Тишины, вызвало у Точа непроизвольное ротовое похлопывание, через которое у него тут же вылетели все мысли. Сам же Тишина, таким образом, отправив Точа в машину, повернулся к Дежавю и теперь обратился к нему:

– У тебя, я знаю, есть на всё про всё своё видение на мир, так что приглядишься к нашему другу. Может, заметишь то, что мы не заметили.

– Не беспокойся. Что не увижу, то домыслю. – Слишком уж, до нервного тика обнадёжил Тишину весь такой улыбчивый Дежавю, который не дожидаясь пояснительных слов от Тишины, быстро юркнул в машину и уже сидя впереди на пассажирском месте, принялся выносить мозг у Точа.

«Ну а вам что либо говорить, бесполезно. Всё равно будете делать по-своему». – Тишина только и покачал головой, глядя на этих тихонь Комашу и Мару, которые воодушевившись бесконтрольностью, уже ревностно взирали на Ростика и друг на друга. Ну и напоследок, Тишина обратился к Ростикку:

– Ну что сказать. Смотри вперёд, под ноги, на Дежавю, ну и не забывай, внимательно слушать. А уж там, всё приложится.

После чего Тишина, похлопав Ростика по плечам, отправил его в салон машины, где он в тот же миг оказался на своей ручной привязи у Комашки и Мары.

– Всё, давайте. Я жду. – Махнув на прощание, крикнул вслед отъезжающей машине Тишина. После чего, дождался, когда машина исчезнет из поля своей видимости и повернувшись обратно в сторону этих задворок жизни и улиц, пошёл по направлению своей приметливости, которая валялась в небольшой выбоине на дороге. Где спустя совсем недолгое время, он присев у этой ужимистой поверхности земли, которой всегда есть что скрывать и, приподняв очередную находку – женский туфель, принялся разглядывать его.

– Ну что, как я погляжу, без сказочных персонажей не обошлось. – Проговорил Тишина, рассматривая туфлю. Затем вздохнул и, посмотрев на выход из подворотни, задался вопросом: –И где же тебя искать, Золушка?

Глава 7

Лестничные и другие сознательные переходы в несознательность.

«Странный всё-таки этот её новый знакомый, с кем свела её на той лестнице судьба», – размышляла Вера, исподлобья поглядывая на то, как этот новый знакомый, косясь на неё, таким независимым или лучше сказать, неприметным способом, соответствовал ей в своём пригляде за ней. – «Хотя, наверное, он и не мог быть другим. Ведь всех тех, с кем нас судьба сводит на таких переходных, как та же лестница местах, не должны быть законченными... Ха-ха. (новый знакомый, как оказывается, очень наблюдательный тип, раз заметил эту её улыбку) Лучше будет назвать – ещё не утвердившихся в себе, где они ещё ищут. И нашёл...».– Вера внимательно посмотрела на отвлекшегося от неё нового знакомого, который, заметив на стел-

лаже супермаркета, где они сейчас находились, своё сегодняшнее поисковое предпочтение, протянул к нему свои руки.

– Ты нашёл? – Спросила Вера своего нового знакомого, который вытянув зонт с великодушием первооткрывателя (коим он и будет, если первым откроет этот зонт), положил его в тележку.

– Зонт? – Удивилась Вера, забыв, что записала своего нового знакомого в странные субъекты.

– Будет прикрывать тебя от завистливых взглядов. – Улыбнулся в ответ, слишком самоуверенный насчёт себя знакомец.

– А может тебя. – Вера решила поправить своего нового знакомого, который иногда путает местоимения.

– Нас. – Поправил всех новый знакомый.

«А ты всё же умеешь подбирать точные местоимения», – улыбнулась Вера.

«А ты разве сомневалась во мне». – Проскочившая улыбка на лице нового знакомого, явно говорила о его некоторой самоуверенности насчёт себя. И, конечно, Вере, хотелось снова повториться, назвав его большим оригиналом, но она, вспомнив, что он ответил ей в прошлый раз на это её умозаключение, ещё больше захотела повториться, и ещё сильнее прыснуть от смеха. Ну а так как наши эмоции нам всё же ближе или лучше сказать, что они менее закрепощены в нас, то Вера остановилась или вернее сказать, не удержалась, и ещё раз смехнула с полки пачку семечек.

– Когда человек вызывает удивление, о нём говорят, что он большой оригинал. – Вера, глядя сейчас на удивлённое лицо нового знакомого, так и представляла ту его серьёзность, с которой он, явно дразня её на смех, произнёс ту свою, одну из серьёзнейших речей, которая наоборот, несла в себе обратную цель – подавить всякую его серьёзность. «Я смешливее, чем ты человека, которому так идёт улыбка не видел, и буду настолько серьёзным, что ты без улыбки от меня не уйдёшь». – Одно из первых его замечаний на её счёт, давало точную расшифровку его завуалированных под серьёзность слов, на которые нужно было смотреть через призму приметливых и ещё кое-каких глаз.

– Что, в свою очередь, уже у меня вызывает вопросы. – Новый знакомый Веры набрал побольше воздуха в лёгкие и в щёки, и благодаря этому, приобретя большего веса, уже со всей своей воздушной значительностью заявил:

– А так ли плохо быть оригиналом? Или же лучше быть копией? – Новый знакомый сделал паузу, не для того чтобы дать возможность Вере ответить на этот риторический вопрос, а скорей для того, чтобы самому выбрать для него наиболее подходящий ответ. И вот его глаза озарились светом, и новый знакомый, должно, без подсказок, со знанием ответа отвечает сам себе:

– Впрочем, между копией и оригиналом разница лишь в одном, в том, при каком свете ты смотришь на них. Ну а чтобы это легче понять, надо просто вспомнить, по какому принципу работает «ксерокс», который просвечивая бумагу, на основе всех её затемнений и создаёт свою копию. Так и в случае с человеком. Где ты, просветив его светом, в качестве которого выступает человеческий взгляд, можешь определить его оригинальность или же беспросветную не оригинальность.

– Тогда может быть, ты, не отходя от меня, просветишь меня такую, мало что понявшую из всего тобою сказанного. – Ответная Вера, когда ей очень отчаянно хочется смеяться, то она нарываясь на остроту, ну и плюс к этому, на прямой взгляд и ещё на чего-нибудь более существенное. Что, конечно же, приводит к смятению этого её нового знакомого, который, как оказывается, не такой уж и большой оригинал. И стоило только Вере, с близкого расстояния очень внимательно посмотреть ему в глаза, то он, как и следовало... Хотя нет, не следовало, а как ожидалось Верой, ответно осветился блеском её глаз. «А вот моё мнение на этот счёт таково.

Что только источник света сможет увидеть какой ты на самом деле оригинал. А ты ориги...», – не оригинальность поступка нового знакомого, который оказался не столь воздержан, ещё раз доказал правоту правила, гласящего, что, стоя вот так заглядывая прямо друг против друга, нельзя задумываться и что это тебе грозит, не только возможностью не додумать, но и тем, что ты обязательно пропустишь мимо глаз неоригинальный поцелуй.

– Ах. – Вера одновременно выдохнула и вдохнула в себя кислород, и мысли, которые растерявшись на месте, теперь уже и сами не знали, что думать или лучше не думать, а может и вовсе, только слушать сердце. Которое, как и следовало от него ожидать, приударило и, вдарив в голову чрезмерным поступлением всяких дум, отвлекло центр принятия решений – разум, от своего разумения и так сказать, увлекло за собой. И что, как это в основном не говорится, а думается, теперь делать? На что Вера решает не думать, а говорить.

– Ну, ты и оригинал. – Заявляет Вера и в тот же момент понимает, что её новый знакомый не так прост, и он не только ещё тот оригинал, но и умеет должно убеждать в этом, в чём она на практике и убедилась. Что, видимо, не прошло мимо глаз этого оригинала, чья улыбка лучше всяких слов подтверждала это. Ну а раз так, то почему бы не посмеяться, раз её новый знакомый, уже во всю лыбиться на этот её ответ.

– Я же сказал, что ты без улыбки не останешься. – Смеётся и смеет вместе с Верой, этот хитрющий оригинал, который, как оказывается, и в этом своём заявлении оказался очень убедительным.

«А ещё рассмешишь?» – Сквозь смех, одними глазами спрашивает Вера своего знакомого.

«Только попробуй посмотреть». – Блеск веселья стоящий в глазах нового знакомого, более чем красноречив.

«Не только попробую, но и посмею!». – Ответ Веры не заставляет ждать, ну и последующий за ним продолжительный, правда, с небольшими перерывами на вдох-смех, неоригинальный ответ, само собой, заставляет остановиться и затаиться окружающую природу.

– Интересно. – Новый знакомый Веры явно очень торопливый человек, раз так неразумно и спешно возвращает её с памятливых небес на землю, подводя свой итог её покупкам. Правда, у него всё же есть оправдание в виде кассира на кассе, которая очень требовательна к покупателям и без проверки штрих-кода, не пропустит мимо себя ни одну приобретённую в магазине вещь. Ну а эта улыбка Веры, однозначно была приобретена здесь под сводами магазина, так что извольте рассчитаться за неё, оставив её на кассе, где завистливая кассирша обязательно захочет заштриховать её. Да разве у неё что-нибудь выйдет. Нет уж, фигушки, не пробить тебе эту улыбку. Чем и подтверждает пробивший пот кассира.

Ну а эта вопросительность нового знакомого, всего лишь констатировала этот факт её единственного приобретения. Правда он, до этого подходя к кассе, посмотрев на улыбающуюся Веру, всё-таки уточняющее указывая на эту улыбчивость, спросил её:

– И ты, только за этим сюда ходила?

На что следует очень туманный ответ Веры, которая блестя глазами, улыбчиво кивает в ответ. Ну и вслед за этим его многозначительным: «Интересно», – следует резюмирование всего этого. После чего звучит не скрывающий своего недовольства голос кассира:

– Здравствуйте. Пакет брать будете?

– Конечно, будем. – Весело отвечает Вера, заставляя кассира с ненавистью отнести к пакету, с силой разорвав его склеенную часть.

– А бонусная карта, у вас есть? – Видимо кассир твёрдый орешек, раз хочет через систему бонусов и скидок, отвлечь их друг от друга и погрузить в мир материального благополучия.

– Нет и не надо. – Вера сразу же даёт понять, что на данном этапе, её и его не интересуют эти материи быта, чем повергает в оторопь кассира, у которой на все случаи жизни есть скидочные, накопительные и даже бонусные купоны. «Да как же так можно жить?», – ухватила

за горло кассира такая невозможно понять, что за мысль. Что ж поделаться, такова участь всех счетоводов и кассиров. Знать цену всему и быть в стороне от неё.

«Можно», – подмигнула ей Вера, заставив кассира мстительно для себя, позабыть дать сдачу. Но разве они могут вести какой либо счёт? Фигушки, не дождётесь.

– Интересно. – Остановившись у ящика для хранения вещей, вновь задался этим интересным вопросом новый знакомый Веры. На что она, поморщив носик и слегка вздёрнув его вверх, вопросительно уставилась на него: «Ну-ну, чем это ты там заинтересовался, кроме меня?».

– Интересно, что же меня, раз за разом, приходя сюда, заставляет пользоваться одной и той же ячейкой для хранения вещей. – Новый знакомый, вставив ключ в скважину ячейки, продолжил свою, интересно, что за мысль. – Нет, конечно, я понимаю, что для этого существуют объективные причины, как мои физические параметры и наклонности, определяющие мои удобства, с которыми я и подхожу именно к этой ячейке. (Новый знакомый сделал оборот ключом) Но всё же, мне, кажется, что этого недостаточно для объяснения и существует некая скрытая от наших глаз очень важная причина. Так сказать, идея, которая определяет не ваш подход к этому ящику, а свой подход к вам, определяя ход вашей жизни.

Ну и хитроумен же этот новый Верин знакомый, который так ловко сумел подвести к их знакомству, свою, пронизывающую всё его умничанье мысль, не оставляя шанса для Веры на молчание.

– Ну и какая была первопричина того, что ты тогда на лестнице подошёл именно ко мне, а не к кому другому, более (если такой, вообще может быть) симпатичному? – Вопрос Веры застал её знакомого врасплох и на полпути к открытию ячейки ящика. Новый знакомый внимательно и изучающее смотрит на Веру, которая вдруг почувствовала, что она начинается как-то теряться в чём-то неизвестном, смотрящим на неё из этих его глаз.

«Чтобы найтись, надо потеряться», – в голове споткнувшейся Веры пронеслась эта разориентировавшая её мысль, с которой она и упала в руки своего знакомого.

– Притяжение. – Улыбнулся придержавший Веру в своих объятиях её знакомый, который очень уж ловко умеет отвечать на всякие провоцирующие его на такие ответы вопросы. Вот и думай после этого, задавать их или нет. Конечно, да!

– Что-то мне подсказывает, что ты таким демонстративным способом, решила дать мне подсказку, что неплохо бы зайти куда-нибудь подкрепить свои силы. – Новый знакомый прямо-таки зрит в точку, отчего у Веры появляется второе желание, чего-нибудь перекусить (про первое, в виду его конфиденциальности, а также о его всем известности, не будем упоминать). Ну и Вера, как и всякая девушка, имеющая свои сугубо личные, не всегда, а очень часто или всегда тёрки со своим, не влезающим ни в какие джинсы аппетитом, которому только дай повод, то он тебя заведёт до объедения, а потом изнуряй себя на беговой дорожке, само собой, не стала озвучивать своё желание, а лишь кивнула в ответ.

– Я понял. – Очень тихо, прямо на ухо Вере ответил её новый знакомый, который определённо знал все эти широчайшие возможности аппетита, который обладая высокой чувствительностью, определённо был слабохарактерным и с полуоборота заводящимся обжорой. И стоит только ему подумать над некоторыми вкусными вещами, как он уже всё, загорелся. А думается ему, почему всегда и при этом тогда, когда как раз об этом уже непозволительно думать.

После чего они, дабы заранее не нагнетать внутреннюю вкусовую атмосферу, без намёка на вкусные названия кафе и других подобных заведений, идут туда, куда глаза глядят, которые, как бы не глядели друг на друга, всё же следуют вслед за ведущими их ногами. Ну а ноги в свою очередь, как бы вы не пытались засмотреть себя и даже заговорить, следуют туда, куда их направляют внутренние побуждения их хозяев, где центром принятия решений выступает их требующий поступлений желудок.

– Суши? – Остановившись вслед за Верой у двери под таким заумным названием заведения, её знакомый вопросительно повёл своей бровью, явно ожидавшей большего и горячего, чего к своему фигуристу сожалению, не могла себе позволить Вера. Так она, имея на счёт своего зеркального отражения много волнительных претензий, следуя своим же рекомендациям, что есть силы, держалась на малых и менее горячих порциях общепита.

«Угу», – тяжело кивнула в ответ Вера, следуя за свежим воздухом в открытые двери этого мало рыбного, но много рисового заведения. Ну а внутри, при занятых собою местах, её новый знакомый, дабы Вера, да и он сам, не сильно переживали за остывающие жирные и вкусно пахнущие ножки из заведения напротив, решил, своей заявкой на оригинальность не много друг друга отвлечь.

– Ведь оригинальность, это всегда взгляд, с которым ты смотришь на мир и ещё на кое-кого. – Новый знакомый, прищурившись, посмотрел на Веру и, заметив, что она уже отвлеклась от иных желаний и готова слушать, продолжил. – Вот, например, та же рыба, после употребления которой в пищу, как правило, нас одолевает жажда пить. В чём вы, имея аналитический ум, непременно всегда вините её солёность. Тогда как я смотрю на это с другой точки зрения. В этом употреблении – наполнить себя водой, мне видится наше желание создать свои стихийные условия для рыбы, которая, как мы знаем, существо водное. – Новый знакомый смешливо посмотрел на похлопывающую своими ресницами Веру, которая вдруг отложила на стол меню, после чего встала из-за стола, и заявив: «Всё, пошли трескать куриные ножки», – схватила этого хитреца за руку и повела себя и его в заведение напротив.

– Только на этот раз не думай, что тебе удастся переубедить меня отказаться от вредной еды. – Не давая проходу своему знакомому, Вера сама открывает двери этого вкусно пахнущего заведения и, как будто очень хорошо зная все ходы и выходы, ведёт его напрямик к самой раздаче еды. После чего Вера, явно находясь в состоянии аффекта, заказывает себе всё двойное, затем позволяет за всё это расплатиться своему такому недалёковидному знакомому и, заняв свободный столик у окна, не дожидаясь пока её недалёковидный знакомый, присядет напротив, начинает вымещать свою мстительность на всём этом двойном.

«А ты умеешь показывать зубки», – улыбается, глядя на неё новый знакомый, которого, как оказывается, на хрустящую в зубах корочку не возьмёшь, и он, не потеряв заряд радости (как же она не заметила раньше), заказав себе два двойных, прямо на её глазах принялся источать свой не меньший аппетит.

«И не только», – Веры демонстративно и несколько медленней, чем нужно, облизав свои губы языком, заставляет этого примечалу закашляться и прибегнуть к помощи сока, позволившего ему не закашляться до падения перед ней в колени, а дать пока, что отсрочку.

«Ну и что ты теперь скажешь», – ухмыльнулась Вера, глядя на этого, на всё знающего свой ответ умника.

– Утяжеление идёт не по запланированному сценарию. – Отставляя сок на стол, новый знакомый, этим своим тяжёлым контраргументом, можно сказать, кладёт Веру на лопатки, которая застыв на одном месте, даже и не знает, что ей теперь делать с откусанной кусочком во рту. Но её новый знакомый, заметив эту создавшуюся тупиковую ситуацию, инициатором которой, в общем-то, он сам и был, не давая ей осмыслить и окончательно затрудниться в своём выборе, приподымается со своего места и слишком уж требовательно, но в тоже время, очень убедительно приложив к её глазам одну из рук, заявляет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.